

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ

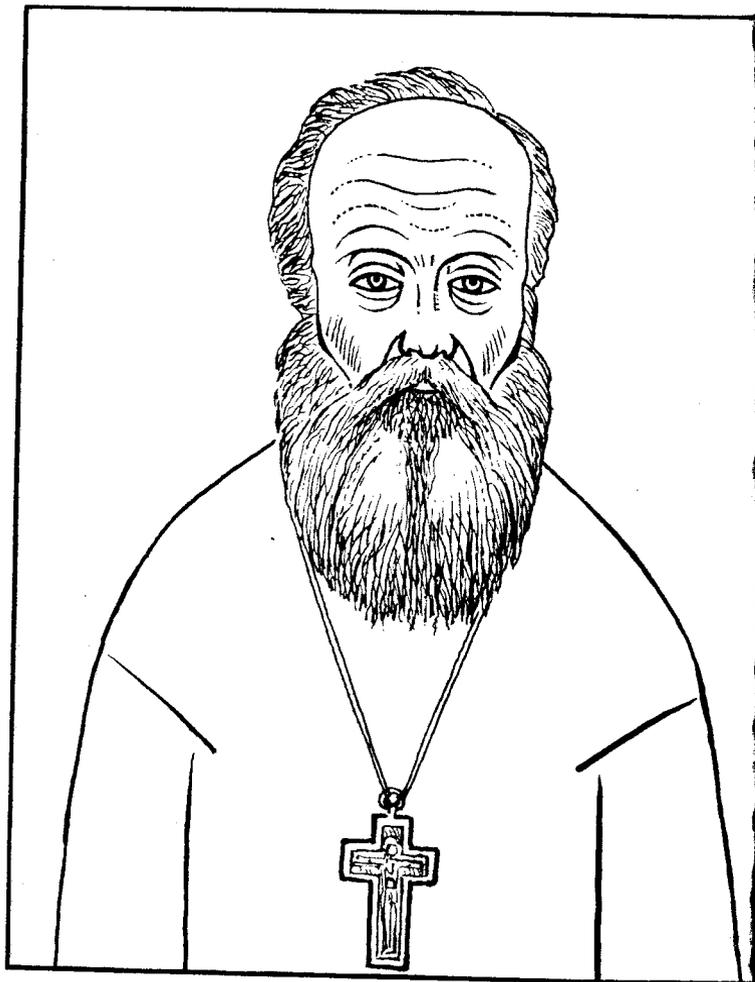
ЧУДОТВОРНЫЕ
ИКОНЫ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ
В РУССКОЙ
ИСТОРИИ

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ

ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ
В РУССКОЙ
ИСТОРИИ

МОСКВА
«РУССКАЯ КНИГА»
1992

Составление, вступительная статья
и примечания
В. А. Чалмаева

Художник А. Ф. Сергеев

Киселев А. А.
К44 Чудотворные иконы Божией Матери в русской
истории/Сост., вступ. ст., примеч. В. А. Чалмаева.—
М.: Русская книга, 1992.— 224 с., ил.— (Жизнь во
Христе).

Предлагаемый вниманию благочестивых читателей труд протопресвитера Александра Киселева является ценным вкладом в сокровищницу церковно-просветительской литературы. Автор книги замечает, что России можно было бы позавидовать Домом Пресвятой Богородицы. В этих словах верующий русский народ извечно выражал свою смиренную благодарность Царице Неба и земли за Ее великие милости, свою надежду и любовь к Той, Которая многократно и явно приходила на помощь и избавление в трудные моменты его истории.

К 4702010201—058 73—92
М-105(03)92

ISBN 5—268—00137—x

© Киселев А. А., 1992 г.

© Чалмаев В. А., 1992 г., составление, вступительная статья,
примечания.

*Во славу Пречистой, Преславной, Пренепорочной,
Преблагословенной, Девы Богородицы издается сей
труд.*

*К кому возопию, Владычице,
К кому прибегну в горести моей,
Кто плач мой и воздыхание мое услышит,
Кто помощь и заступление скорее подаст.
К кому возопию, аще не к Тебе Пренепорочной
Заступнице нашей и Ходатаице неусыпной.*

*Прими труд сей, Пречистая, и будь нам всегда
Заступницей и руководительницей к достижению
блаженной Вечности. Покрой нас от врагов видимых
и невидимых честным Твоим святым Омофором и
проведи нас невредимо чрез мытарства и вымоли нам
помилование на Страшном Суде Сына Твоего.*

Исправи, помилуй и спаси нас, Преблагословенная.

Высокопреосвященнейший владыка митрополит Филарет, первоиерарх Русской Православной Церкви за границей

ВОЗВРАЩЕНИЕ К «НЕСОЖЖЕННОЙ СОВЕСТИ»

«Земля правится Божиим милосердием и Пречистой Богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением...»

Эта формула безукоризненна: нельзя лучше выразить христианский взгляд на земное царство.

Из статьи В. Соловьева «Византизм и Россия» (1896)

По-разному входят в каждую человеческую жизнь впечатления и удары Русской Смуты. Обычный советский человек почти механически, без волнений выбора вступает еще ребенком на первую ступень эскалатора успеха, «нормального восхождения». Значок с Лениным на курточке — в семь лет, пионерский галстук на шее — в десять-двенадцать, роман «Как закалялась сталь» Н. Островского, начинающийся, как известно, с «восхитительного» подвига главного комсомольца СССР Павки Корчагина — он насыпал махорки в пасхальное тесто священнику, «проклятому попу», «гадюке вредному»! — в четырнадцать лет... И если не случится затем в судьбе этого странного существа — а мы все в его шкуре пожили, сроднились с ней! — какого-либо потрясения, то почти нет надежд, что проснется в нем высокий дар молитвы, сознание собственного несовершенства, укороченности желаний и запросов. Не все вырождаются в пресловутых «совков» («совок» — это ведь примитивнейший инструмент для пересыпания песка, углей, золы, символ укороченности и «ясности»!), но

плотная пыль засорит им глаза, пыль случайных, разрозненных и пустячных стремлений и желаний. И глядя на такие «массы», не имеющие, в сущности, памяти и зрения, на духовные миры, не знающие в себе, как заметил И. А. Ильин, света и голосов «поющего сердца», его интимных глубин, «где дремлет некое духовное око, призванное к созерцанию божественных содержаний земли и неба», недостоверные «вожди» России могли самодовольно гордиться: «Как же нам повезло с таким новым народом, с таким *новым человеком!*»

Обращаясь к впечатлениям собственного детства, к первой ступени своего «эскалатора», начавшегося в предвоенные годы в тихом среднерусском городке Гусь-Хрустальном, рядом со старинным заводом промышленника Ю. С. Нечаева-Мальцева, я с горечью вспоминаю: мы даже не знали, что у нас было отнято еще до рождения! Как некая природная данность, как часть обокраденного, в сущности, пейзажа стоял в центре города обезглавленный, превращенный в кинотеатр храм, выстроенный с купеческой основательностью, избытком мраморных колонн. Все военные годы, помню, сходились под его своды, в наспех перепланированные с помощью фанеры и досок фойе и залы, и выздоравливающие солдаты из госпиталей, и школьники, и разный эвакуированный люд. Звучала бесшумная, заигранная до хрипоты песенка о бойце, «парне кудрявом, бодром и бравом» с неизменным незатейливым «обещанием»:

...А вернешься домой,
И станцует с тобой
Гордая любовь твоя...

Война лишь отчасти расширила наш духовный паек, «размягчила» железобетон до сентиментальностей такого плана, как заклинания невесты («когда вернешься с *орденом*, тогда поговорим») или заверения бойца («в кармашке маленьком моем есть карточка твоя, *так, значит*, мы

всегда вдвоем, моя любимая»). Права на более глубокую грусть или особую тоску и тогда не было.

И никто из нас, даже глядя на осыпающуюся с росписей храма замазку, не знал тогда: а что же было раньше здесь, в этом избыточно грандиозном для кинотеатра, даже и после уродств, храма?

Совсем недавно, перечитав письма М. В. Нестерова 20-х годов, я в письме П. И. Нерадовскому обнаружил такую тревогу, конечно тогда неслышанную, о своем обокраденном детстве. У нас отобрали совсем иное небо и иную землю:

«Дорогой Петр Иванович!

Пишу Вам под живым впечатлением только что слышанного. Из Владимира (на Клязьме) вернулись двое молодых художников и рассказали мне следующее:

В соборах Дмитровском и Успенском они видели картины Виктора Мих. Васнецова «Страшный суд», «Сшествие во ад» и, кажется, «Похвалу Богородице».

Все эти вещи были написаны для храма в имени Нечаева-Мальцева «Гусь»... Все три вещи революция застала хранившимися в храме. Храм был обращен в кинематограф, а картины, после разных мытарств, оказались во Владимире, где их и видели сейчас: «Страшный суд» — *накатанным на большую жердь*, разорванным более чем на аршин внизу и наскоро зашитым бечевкой...

Ах, эти жерди, эти пудовые замки на церковных вратах, ведущих в очередной склад, контору, сыпной пункт, занявших былой храм! Этот скрежет оторванного листового железа на худых крышах, березки, выставившие на карнизах, каркасы куполов... Как искупить этот грех, разлитый на десятилетия!

Никогда картин Васнецова, недолго повисевших и на большой жерди или на двух палках, как географические карты («Палка наверху, палка внизу», — заметит Нестеров), не увидели в детстве ни я, ни мои сверстники. Им

был указан, предписан путь к совсем иным «святыням» и «истинам». К пресловутой «махорке» Павки Корчагина, запылившей глаза многим, к лающим формулам Маяковского насчет того, что «хорошо в царя всадить обойму» и «ваше слово, товарищ маузер», «мы идем сквозь револьверный лай». И к лукаво, коварно переосмысленному в угоду вождям, подтолкнувшим неискушенный, соблаженный утопией народ, вещанию Некрасова, что якобы «дело прочно, когда под ним струится кровь»... Некрасов-то предполагал, что кровь-то во всяком случае «своя», самого подвижника, а не чужая, не кровь миллионов, втянутых в «прочное дело» ничем не рискующими вождями...

* * *

...И не случайно, видимо, что самое глубокое впечатление от книги отца Александра Киселева, протопресвитера Русской Православной Церкви в Нью-Йорке, председателя Свято-Серафимовского (в честь Серафима Саровского. — В. Ч.) фонда, как и от других его книг — «Пути России», «Облик генерала Власова (Записки полкового священника)», — это ощущение притока исцеляющего «религиозного кислорода», возникновение острого, пронзающего душу чувства реальности невидимого духовного мира. Можно описывать варианты, различные типы иконографии, вникать в «самомышление» русских иконописцев разных веков и городов, рассуждать о том, насколько икона в России заменяла книгу, была своего рода «библией бедных». В сфере таких умозаключений, по-своему интересных, остался, например, П. Н. Милюков в своих «Очерках по истории русской культуры». В этом монументальном исследовании есть, в частности, любопытное наблюдение о стремлении русских иконописцев к *идеальному*, одухотворенному, небесному изображению святых, а не к копированию предполагаемого земного облика, к пробуждению духовных видений...

Но в отличие от многих добросовестно-педантичных исследований иконы, этого «умозрения в красках» (Е. Трубецкой), «окна в вечность» (П. Флоренский), отец Александр видит место икон Пресвятой Богоматери как русский человек XX века, знающий, как жесток этот «век-волкодав», как гибелен он был для человека. Вл. Ходасевич когда-то создал поразительной силы метафору века:

Здесь мир стоял, простой и целый,
Но с той поры, как ездит тот,
В душе и в мире есть пробелы,
Как бы от пролитых кислот...

В самом деле у этой метафоры амплитуда необозримая, как заметил исследователь творчества этого поэта С. Бочаров, — это «образ опустошения, вытравливания, под который человек XX века может подставить многие ядовитые процессы века».

Самые страшные пробелы в душе и духовном мире России — и их прекрасно помнит отец Александр, хотя пишет он о них с величайшей стыдливостью, скрытой мукой, незлобивостью к нашему наивному беспамятству! — внесены были Февралем и Октябрем 1917 года. Судьба чудотворных икон, как явленных откровений, громогласных намеков, иносказаний высшей силы в вечном диалоге с людьми, тесно переплетена в его повествованиях с судьбами священнослужителей. В первую очередь с судьбой, вечно волнующей каждого русского человека, — великомученика Святого Патриарха Тихона. Его высокий духовный мир многим из нас — и я не стыжусь отнести это и к себе — еще непонятен, неведом: слишком долго мы жили в мире «укороченных», упрощенных духовных запросов, с почти каждодневно выжигаемой совестью, как некоей «этической мнимостью», необязательным «абсолютом». Вчитаемся в рассказ отца Александра:

«25 октября 1917 года случилось самое страшное и самое ужасное, что только может случиться с людьми: ка-

залось, что прекратилось заступничество Пресвятой Богородицы — Господь оставил Россию и попустил мрачным силам сатаны завладеть нашим народом.

Но явленная в селе Коломенском 2 марта 1917 года, в самый день отречения Государя от престола, икона «Державной» Божией Матери — в порфире, пропитанная мученической русской кровью, с царской короной, сверкающей алмазами невинных русских слез, со скипетром и державою российских государей — ясно, без слов говорила сердцу и умным очам русского народа, что Владычица не только не ушла от нас, но приняла на Себя преемство Державы Российской и с нею тягчайшее бремя невидимой высшей власти с того момента, когда сама идея христианской власти была отвергнута во имя самовластия.

Символ этой иконы ясен! Его поняли все лучшие русские православные люди. Одним из первых его понял Святейший Патриарх Тихон: «Зову вас, — обратился он к народу, — возлюбленные чада Православной Церкви, зову вас с собой на страдания!»

Но мало было понять весь ужас грядущего испытания, вообразить, что оно вовсе не будет похожим на эту игру с воображаемым «чародеем», с «колдуном», которую до революции, скажем, допускал и даже призывал А. Блок:

Себя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу.
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу.
Пушкой заманил и обманет,
Не пропадешь, не сгинешь ты...

Давно стал замечать, что один завораживающий ритм остался истиной в этих, механически заучиваемых с детства строках!.. Сейчас мы знаем, как искусен и злобен был «чародей» XX века в России, к какой черте духовной и физической смерти он подвел разбойную красу доверчивого народа, беззащитной природы.

Но этой глубокой догадкой, пронизательной тревогой в

том же 1917 году и даже позднее располагали далеко не все. За каждой книгой отца Александра, его рассказа о муках икон Пресвятой Богородицы в обезбоженной, измученной стране словно стоят муки тех, чьи мольбы до нас не дошли, чьи мученические венцы нам не были видны, кто не давал погаснуть свече. Их мучили, оскорбляя их веру, даже память, ликуя фактически на собственных похоронах, а они, немногие священныхмученики-священники, к числу которых принадлежит и отец Александр, искали прощения и для своих мучителей, вымаливали грядущее просветление их перед Судом Господним. Вся книга помимо своей познавательной стороны как страница церковной истории — а мы видим, что у нас то культурно, что церковно, — еще и замечательный фрагмент в подлинную историю русской Голгофы XX века.

Один из этих безвестных мучеников — ссыльный священник — написал, не дождавшись покаянных строк от многопишущей советской поэтической братии, поразительные строки о духовных собратьях отца Александра. Приведем эти строки — они, как мы знаем, дороги и автору данной книги, — как пополнение летописи ГУЛАГа:

Цинготные, изъеденные вшами,
Сухарь изглоданный в руке...
Встаете вы суровыми рядами
И в русских Святцах, и в моей тоске.
В бараках душных, на дорогах Коми,
На пристанях, под снегом и дождем —
Как люди, плакали о детях вы, о доме,
И падали, как люди, под крестом.
Вас хоронили запросто, без гроба,
В дырявых рясах, — так, как шли...
Вас хоронили наши страх и злоба
Да льдистый ветер северный земли.
Без имени, без чуда, в смертной дрожи,
Оставлены в последний час...
Но ваша смерть палит, как пламень Божий,
И осуждает нас!

* * *

...Говоря об иконе как «осуществленном в лице подобии Божьем», о возвещении ею «тайны мира невидимого без слов», Павел Флоренский сделал глубочайшее, весьма необходимое и нам, живущим в хаосе «поздней перестройки», среди сумятицы однодневных доктрин, программ, внешне таких прогрессивных, наблюдение. П. Флоренский сказал, что натиск тьмы на свет, лжи на истину — это натиск агрессивной лжереальности, воинствующей пустоты, особой нечистой силы, которую и русские народные сказки признают «пустую внутри, корытообразной или дуплообразной, без станового хребта». Он писал: «Отслаивая явление от сущности, грех тем самым вносит в лик — чистейшее откровение образа Божия — посторонние, чуждые этому духовному началу, черты и тем затмевает свет Божий... По мере того как грех овладевает личностью и лицо перестает быть окном, откуда сияет свет Божий... лицо отщепляется от личности, ее творческого начала, теряет жизнь и *цепенеет маской* овладевшей страсти».

В годы великой немоты, торжества так называемого «передового учения» эти оцепенившие людей стандартные маски обступали все живое, теснили все творческое. Они сделались почти химерами, злобно встречавшими любой луч от образа Божия. Ф. А. Степун заметил, что уже в 20-е годы возникла эта несвобода: «Самую тяжелою стороною советской служебной монополии было то, что, в отличие от буржуазных «кровопийц», большевики эксплуатировали не только физическую силу человека, но и все его верования и убеждения: находясь на советской службе, все должны были притворяться убежденными коммунистами» («Бывшее и несбывшееся»).

«Нужны сердца железные, как замки полезные» или «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире надежней гвоздей» — так воспевали эти маски, нормативы самодовольства и бессердечия, помраченные поэты. Корыто-

образные или дуплообразные догмы о всяких железных закономерностях, якобы царствующих в истории, непременно познанных до конца очередным вождем или идеологом, создавали основу для любого вида разрушительства, для профанации подвига, доброты, отцовства или материнства, самой смерти. Ирина Одоевцева скажет о жизненном финале «избранника свободы» Николая Гумилева:

И нет на его могиле
Ни холма, ни креста — ничего.

К судьбе России, к поведению миллионов русских людей, обретавших порой страшную одержимость безумного стада, волю к братоубийству, к саморазрушению, к гибели без покаяния, к послушанию, граничащему с прострацией, к уверениям всякого рода вождей-оборотней вполне приложима была давняя формула Вл. Соловьева: «Самодержавию совести, согласной с волею Божьей, они предпочли самодержавие человеческого произвола, представляющего сосредоточенную в одном лице сумму всех частных произволов»¹.

Последствия этого разрушительства еще не изжиты. И не раз еще взоры тех, в ком не угасли достоинство, память, в ком живет «поющее сердце», будут обращены и к иконе Владимирской Богородицы, и к другим заступницам земли Русской. Обращения эти несут в себе вид травмы и одновременно исцеления: мы как бы присутствуем всякий раз при великой утрате, всматриваемся с болью в памятник ушедшего духовного величия, но в то же мгновение ощущаем и неразрывность глубин этого мира с нашим, не очищенным от сора и пыли, бытием.

Это негасимый свет, возвращающий всем явлениям истории истинное измерение. Мы видим и уродские гримасы лжевождей, вознесенных не подвижничеством, не зна-

¹ Соловьев Владимир. Смысл любви. — М., 1991. — С. 195.

чением их личных качеств, а всего лишь пригодностью для исполнения номенклатурных функций очередной правящей партии. Их, таких вождей, посланцев всеобщей слепоты, невежества, демократического или тоталитарного, было много. Образ России как Богородичной страны, даже великие святые, просиявшие некогда в Русской земле, ее заступники, все время тонут в тумане словоблудия, «прогрессивных» жестокостей, навыков «жизни по лжи». И где еще искать даже сейчас жалость к горю и греху, сердечную простоту, прямое подражание евангельским истинам, как не в открывающемся сейчас мире отеческой святости?

Отец Александр, создавая эту книгу, видимо, и сам прошел сложный путь воспоминаний, оценок пережитого — на войне, в лагерях, наконец, на чужбине. И он мог разувериться даже в природе человеческой, глядя на лихие разрушения церковей, собирая материал о скитаниях многих исторических икон русской Богородицы, ставшей бездомной и беззащитной — и где? — именно в России, в этой Богородичной земле. Нотки великой боли слышны в его повествовании. Не случайно он дважды возвращается к фигуре, вдвойне трагической в условиях ГУЛАГа, — к забытой многими фигуре гонимого, унижаемого пастыря. Их муки действительно возрастали во сто крат потому, что они и в нечеловеческих условиях, пребывая в людском стаде, подобном тому библейскому стаду свиней, в которое вошли бесы (Ев. от Луки), молились за всех одержимых безумием, пытались спасти их души, их сжигаемую ненавистью совесть. Они видели яснее всех мрак затянувшейся неволи народа в лапах былых и новейших «чародеев», изнуряющих, изматывающих Русскую землю, поединок между силами тьмы и света.

Что их поддерживало, что возвышало их несожженную совесть? Скромный священник сказал о стыдливом ожидании, надежде на прозрение народное, на точную меру деяний каждого:

...И тогда поднимем в оправдание
Медный, мукой мира стертый крест,
Крест погибших в тюрьмах и изгнанных,
Крест для Бога брошенных невест,
Крест детей без хлеба и без крова,
Нашей повседневной нищеты,
И того, кто светоч мира — Слово
Нес в года великой немоты!
И того, кто в час последней муки,
Убиваемый врагом —
Покаянно сложит руки
На груди — Крестом!

Библейское стадо, одержимое бесами, может бежать к пропасти достаточно долго. Оно, видимо, вообще не столь уж безнадежно. Порой хочется его хоть отчасти, но реабилитировать, опираясь на давнюю, по-женски остроумную догадку Надежды Тэффи. В 1919 году в Константинополе, после потопа, изгнания белых и вступления России в первый круг мучений, она сочинила сказку-аллегорию «На скале Таргескинской». Предположив, что на Востоке стада едва ли были однородными, что вместе со свиреными свиньями, в которых и вошли бесы, паслись кроткие и напуганные овцы, Н. Тэффи представила весь их трагический бег к пропасти, неизбежно возникающий «конфликт» между «хрюкающими и направляющими» свиньями и «кроткими и напуганными» овцами. Как ни грозен и свиреп был директивный нажим «хрюкающих и направляющих», как ни заимствовали они множество соблазняющих словес, близких к «овцам», но кроткие и напуганные постепенно стали роптать, недоумевать — зачем им это безумие, какой коренной интерес гонит и их к пропасти?

Будем верить, что великие образы, святые заступники, в земле Русской просиявшие и не оставившие ее в годину Смуты, сделают это прозрение всех и каждого неостановимым, бесповоротным, неподвластным очередным «чародействам» бесов.

Виктор Чалмаев

Предлагаемый вниманию благочестивых читателей труд о. протоиерея А. Киселева «Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории» является ценным вкладом в сокровищницу нашей церковно-просветительной литературы.

Почти в самом начале книги автор замечает, что Россию можно было бы назвать Богородичной страной. Это его мнение по существу совпадает с мнением русского православного народа, который, как известно, называл свою страну домом Пресвятой Богородицы и, выходя с оружием в руках на защиту своего отечества от нападавших на него внешних врагов, так и говорил: «Постоим за дом Владычицы нашей Богородицы».

Здесь не было горделивого преувеличения. В этих словах верующий русский народ выражал свою смиренную благодарность Царице Неба и земли за Ее великие и богатые милости, свидетельствовал о них пред всеми другими народами и выражал свою веру, надежду и любовь к Той, которая многократно и явно приходила на помощь и избавление в трудные моменты его истории.

Достаточно перелистать страницы не только русской церковной истории, но и истории гражданской, чтобы увидеть там свидетельства о том, как Божия Матерь спасала землю Русскую... И что особенно характерно — это то, что самые чудесные проявления Ее помощи и заступления были связаны с Ее чудотворными иконами, через которые Она благоволила даровать Свою благодать и милость к тем, кто уповает на Ее любовь и милосердие...

Отец Александр в своей книге указывает на то, что в России было известно 468 чудотворных икон Божией Матери! Такого числа Ее икон, вероятно, нет и на самом Афоне, который именуется «жребием» Божией Матери на земле. Некоторые из этих особо прославленных икон широко известны не только в России, но и за пределами ее, как, например, Образ Божией Матери Иверской, Владимирской, Курско-Коренной и другие; некоторые являются местночтимыми; но все они свидетельствуют как о вере, надежде и любви русского народа к Заступнице усердной, так и о Ее милости и материнской любви к тем, кто верен Ее благодатному попечению и покрову.

И думается, что всякий, кто прочтет интересную и содержательную книгу о. Александра, вынесет из этого чтения благодарность почтенному автору за его ценный труд, а книге пожелает самого широкого распространения.

Митрополит Филарет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СВЯТЫЕ ИКОНЫ И ИКОНОПИСЬ

* * *

Людам свойственно привыкать к тому, что они часто видят или слышат. Это может иногда способствовать притуплению внимания. К сожалению, нечто подобное бывает и у церковных людей. Когда мы церковны только по привычке, а не по глубокому убеждению, от нас может ускользнуть то, что поражает взор человека постороннего. Так некогда любимые сокровища Православия для известной части русского просвещенного общества стали со временем только привычными, признаваемыми только по традиции. Дальше — больше. Пришли к тому, что теперь можно спросить себя: начиная с XVII века и по XIX век включительно много ли насчитаем мы русских образованных людей, которые понимали свою русскую икону как нечто глубочайшее во всей русской культуре и как одно из мировых сокровищ? Боюсь, что немного.

До того как в конце XIX века началась, я бы позволил себе сказать, эпоха, положившая начало расчистке икон, до того мы два с лишним века скользили вниз по наклонной плоскости. От духовных высот нашей иконописи — Андрей Рублев, Дионисий — сползли в низины нечестия к «богомазам», к работающим на скорую руку. Докатились до такого греха, когда писались только лик да кисти рук, а бессмысленные складки риз из дешевой блестящей фольги прикрывали все недописанное. Сними фольгу — и увидишь голову и обрубки рук — и это все. Тела, фигуры нет, пустая доска. Как это назвать? Не вариант ли это иконоборчества? Это не икона, это фальсификация иконы.

Это образ развоплощения, отрицающий, подобно древней ереси, подлинность воплощения Сына Божия. Виноваты, конечно, не те, кто по неведению такие иконы имел, а те, кто такими их изготовлял. Конечно, не все иконы так «фабриковались». Приведенный пример — предел падения. Но в каком-то смысле не так страшно даже само это падение, как страшен происшедший в нашем сознании сдвиг, обвал, благодаря которому такое стало возможным: в XV веке подобный ужас в иконописании вообще немислим, а в XIX веке он нашел себе место.

С XVI века мы начинаем постепенно утрачивать ощущение потусторонней реальности — радости и скорби, передаваемых нашей древней иконой, и заменять наши образцы западными образцами чисто земной реалистической живописи. Вправе было церковное сознание тех времен скорбеть, видя на иконе Спасителя не образ боговоплощения, а на иконах святых не образ идеала человеческой жизни, а просто человеческое изображение, подобное тому, «каковы мы сами». Не без задора и насмешки писал об этом новом западном влиянии в иконописи известный протопоп Аввакум: «Пишут Спасов образ Эммануила — лицо одутловато, уста червонные, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, тако же и у ног бедра толстые, и весь яко немчин учинен, лишь сабли при бедре не написано».

Наряду с увлечением этой новой, «модной» иконописью, у нас росло равнодушие и забвение к старому, чем жили деды и прадеды, давшие нам века высокого духовного подъема и осмысления человеческой жизни. Икона темнела, покрывалась копотью, результатом нашего равнодушия к своей древней святыне. Зародился даже миф о «темной иконе».

«Только в самые последние годы, — пишет в 1915 году кн. Е. Н. Трубецкой, — у нас открылись глаза на необычайную красоту и яркость красок, скрывавшихся под этой

копотью» (кн. Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. С. 21).

Знаменитый французский художник Матисс, побывавший в России в 1911 году, сказал: «Русские не подозревают, какими художественными богатствами они владеют. Италия в этой области дает меньше» (Каталог древней живописи. Т. 1. С. 21).

Конец XIX и начало XX века дали чрезвычайно много для открытия, для познания Россией своего иконного сокровища. Вспомним богатейшие коллекции Щукина, Остроухова, Третьякова; многочисленные исследования Лихачева, Успенского, Грабаря, Муратова, Кондакова, а главное — работы по расчистке иконы, работы, открывающие возможность увидеть свое прошлое, прошлое времен татарских и до-татарских. За два-три десятилетия было сделано дело огромной важности, почти чудо, давшее России возможность увидеть свое духовное богатство, о существовании которого почти не подозревали. Появились люди, целиком отдающие себя этому делу, этим изысканиям. По великой милости Божией ни революция, ни голод, ни кровь не уничтожили таких людей, кому наша древняя «велелепота» — красота, раскрывающаяся в иконе, — стала целью жизни. Я недавно говорил с таким человеком. Язык не поворачивается назвать его «советским». А сколько сейчас там таких? Как ширится сейчас в народе любовь к прошлому! Там старину все больше начинают любить, искать и благоговеть перед нею.

Вот что мы читаем у одного современного выдающегося исследователя, В. Н. Лазарева: «Русская икона XV века является искусством светлым и радостным... отмечающее ее настроение спокойной сосредоточенности, ее приветливые открытые лики, ее чистые и ясные силуэты, ее сияющие краски — все это вызывает ощущение какой-то внутренней легкости, когда все душевные силы приведены в согласие и когда возникает то особое чувство гармонии,

которая рождается при звуках совершенной музыки» (Русская икона. Новые открытия. 1971. С. 12).

Таков был путь нашей иконописи за последние столетия. От головокружительных высот «боговидения», выраженного хотя бы в таком шедевре, как «Святая Троица» Андрея Рублева, где красота сочетается с умозрением и проникновением в Божественные Тайны, пройдя через века почти полного забвения своего духовного богатства — древней иконописи, — приходим в конце XIX века к «открытию» своей собственной иконы.

* * *

Святая икона, особенно икона Пресвятой Богородицы, всегда была любима русским народом, и, насколько мы себя как народ помним, с нами всегда был образ Пречистой и Преподобной. В Своих особых, чудотворных иконах пришла Она к нам впервые в половине XI века как «Одигитрия» — «Путеводительница». Пришла с греческой царевной Анной, дочерью византийского императора, выданной за великого князя Всеволода Ярославича, и стала именоваться у нас «Смоленской». Век спустя, с князем Андреем Боголюбским, уже в другой Своей иконе — Владимирской, пришла Она из Киева на север. После Смутного времени как Феодоровская-Костромская благословила нам на царство отрока Михаила, а через три столетия, после небывалых потрясений, вот уже 50 лет путеводит русское зарубежье как Курская-Коренная.

Смею думать, что Россию можно было бы назвать Богородичной страной. Любовь русского человека к иконе Той, Которая честнейшая херувим и славнейшая серафим, и милость Самой Царицы Небесной к земле нашей сделали то, что в России явлено более 468 именовании Ее Святых Икон (Русская православная икона. С. 58).

Но сколько бы ни было у нас икон и как бы ни были

различны их названия, происходящие главным образом от названий мест, где они были явлены, у нас ни на йоту не уменьшилось сознание, что эти различные изображения есть изображение все Той же единой Матери Божией.

Однако все же может возникнуть вопрос: не слишком ли мы, за двадцать веков существования Христовой Церкви на земле, ушли от исторической правды? Не примешалось ли в нашу иконопись много исторических погрешностей — воображаемого, принимаемого за действительность? Что же, вопрос вполне законный.

На вопрошение апостола Фомы о реальности Его ран, Господь ответил словами: «прииди и виждь». На вопрос о правильности иконописных традиций Господу было угодно на протяжении двадцати веков сохранить людям ответ почти той же осязаемости, как и ответ апостолу Фоме, то есть «приди и посмотри».

Был всемирно известный скульптор, художник, математик, архитектор, изобретатель — редчайший талант первой величины — Леонардо да Винчи.

Был отец Павел Флоренский — писатель, математик, богослов, физик, философ, которого называли русским Леонардо да Винчи. В книге о Павла Флоренского «Столп и утверждение истины» мы читаем апокрифические документы удивительной силы и значения. Вот некоторые из них: текст ответного письма, написанного Божией Матерью святому Игнатию Богоносцу: «Игнатию, возлюбленному со-ученику, смиренная послушница Христа Иисуса. Об Иисусе что слышал и узнал от Иоанна — истинно. Верь тому, держись того, и принятый на себя обет христианства храни непоколебимо, привычки и жизнь сообразуй обету. Что до Меня, то Я приду вместе с Иоанном посетить тебя и тех, кто с тобою. Стой в вере и поступай мужественно: и да не беспокоит тебя суровость преследования, но да будет сильным и да радуется дух твой о Боге Спасительном твоём. Аминь».

Отец Павел пишет, что его приводит в трепет мысль о том, что... «Она села за стол, оправдала одежды и Своими руками написала это благоуханное письмо... «По преданию, — читаем мы там же, — сохраненному церковным историком Никифором Каллистом, Богородица была роста среднего или, как иные говорят, несколько более среднего; волосы златовидные; глаза быстрые, со зрачками, как бы цвета маслины; брови дугообразные и умеренно черные; нос продолговатый; лицо не круглое и не острое, а несколько продолговатое; кисти рук и пальцы длинные».

Приведем еще один отрывок из книги о. П. Флоренского: «Могучее и неизгладимое впечатление, которое производила на очевидцев Дева Мария, изображено яркими словами в замечательном памятнике, известном под названием «Письма св. Дионисия Ареопагита к апостолу Павлу». Вот что значит в этом письме, повествующем о посещении Божией Матерью Ареопагитом: «Исповедую перед Богом, о славный учитель и путеводитель наш, что мне невероятным казалось, чтобы могло быть существо, так обильно исполненное божественной силы и дивной благодати, кроме Самого Вышнего Бога. Но я видел не только душевными, но и телесными очами то, чего никакой ум человеческий постигнуть не может. Да! Да! Я видел собственными очами Богообразную и выше всех духов небесных Святейшую Матерь Христа Иисуса нашего».

Нужно ли нам после этих потрясающих свидетельств, после этого почти физического осязания первых десятилетий христианской эры еще доказывать, что наша иконописная традиция за двадцать веков не ушла в сторону с правильного пути? Что Бог, Тот Бог Истинный, Который «с человеки поживе», — изобразим, что и делается иконописанием; что честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется изображенному на ней? Ничего не нужно! Ничего больше не нужно после того, как мы «вложили персты», и от святых

Игнатия Богоносца и Дионисия Ареопагита причастились к духоносному свидетельству! Добавим разве только, что икона вполне становится иконой лишь через освящение. «Освящением проводится непроходимая грань между религиозной картиной, как бы она ни была высока по своему религиозному содержанию и художественным достижениям, и иконой, сколь бы она ни была скромна в этом отношении» (Прот. Булгаков С. Икона и иконопочитание. С. 121). «Освящается икона сия благодатию Пресвятого Духа, окроплением воды сия священные, во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Требник). Вот что делает икону иконой!

Грань между чудотворной и нечудотворной иконой не безусловная и не принципиальная, а лишь фактическая. В молитве на освящение иконы Божией Матери говорится: «и даждь ей силу и крепость чудотворного действия» (Требник).

Благодаря этому можно сказать, что каждая икона потенциально, в данности благодатной, через священие в ней заложеной, чудотворна. Проявляя чудеса, становясь чудотворной, икона из места прикровенного присутствия Божественной силы становится местом ее явления. Этим, так сказать, выявлением себя и отличается икона чудотворная от нечудотворной.

В чудотворных Своих иконах Божия Матерь являет Свою близость к нашему миру, с которой Она живет одной жизнью и скорбит его скорбями, — «во успении мира не оставила еси Богородице».

Обратимся сейчас к непосредственному рассмотрению некоторых наших чудотворных икон Божией Матери и увидим, что приведенные слова из тропаря Успению о неоставлении Ею мира находят неисчислимые подтверждения в нашей отечественной истории.

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА ВЛАДИМИРСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

По древнему преданию, св. Евангелист Лука написал три иконы Божией Матери. Посмотрев на них, Пресвятая Богородица сказала: «Благодарь Родившегося от Меня и Моя да будет со святыми иконами» (Месяцеслов, 21 мая). По преданию, одна из трех этих икон была та, которую мы знаем как «Владимирскую».

Икона Владычицы до 450 года находилась в Иерусалиме, а затем была перенесена в Константинополь. В половине XII столетия Константинопольским патриархом Лукою Хризоверхом святая икона была послана в дар великому князю Юрию Владимировичу Долгорукому, основателю первопрестольного города Москвы, и поставлена им в Вышгородском девичьем монастыре. Село Вышгород некогда принадлежало святой равноапостольной княгине Ольге, а с 1155 года стало уделом сына князя Юрия — Андрея Боголюбского, весьма благочестивого и набожного.

Многочисленные чудеса от иконы Владычицы сообщались князю. Между прочим, было рассказано князю и о том, что святая икона несколько раз сходила со своего места и пребывала в воздухе: из этого князь понял, что надлежит переменить местопребывание иконы.

Князь Андрей Боголюбский — это целая интереснейшая эпоха: начало создания нашего государственного ядра. Это совсем иной принцип государственной жизни,

чем он был тогда на юге, от чего отталкиваясь и чего не любя и ушел князь Андрей Боголюбский на север. Решив переселиться из Вышгорода на свою родину, землю Суздальскую, князь Андрей Боголюбский без ведома отца взял с собой чудотворную икону Божией Матери. По пути он постоянно служил перед нею молебны. Во Владимире на Клязьме жители встретили князя с усердием и радостью. Из Владимира князь направился в Ростов. Проехав от Владимира десять верст, лошади остановились на берегу реки Клязьмы и, несмотря на понукания, не хотели идти дальше. Запрягли свежих, но и эти лошади не пошли. Пораженный этим, князь пал в страхе перед иконою Богоматери и слезно молился. Пресвятая Богородица явилась князю со свитком в руке и повелела оставить икону Ее во Владимире, а на этом месте построить храм в честь Рождества Ее.

Князь поставил икону во Владимире. С этого времени — 1160 года — святая икона стала именоваться иконой Божией Матери «Владимирской».

В 1164 году икона Божией Матери «Владимирская» была с князем Андреем Боголюбским в походе против волжских болгар. Перед боем князь Андрей исповедовался, и причастился, и, молясь перед иконой Богоматери, восклицал: «Всяк уповай на Тебя, Владычица, не погибнет!» Все воины вслед за князем со слезами приложились к иконе и, призывая помощь Божией Матери, спокойно шли в бой. Болгары были разбиты. После победы на поле сражения перед святой иконой было совершено молебствие. Во время этого богослужения в виду всего русского войска совершилось чудо: от иконы и Животворящего Креста заблестал свет, озаривший всю местность. Так как в этот же день византийский император Мануил видел свет от Креста Господня и, подкрепленный этим знаменем, разбил сарацин, то, по сношению князя Андрея Боголюбского с императором, был установлен 1 августа праздник «Про-

исхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня».

В 1175 году князь Андрей Боголюбский был убит во время мятежа во Владимире. Город был во власти грабителей. Тогда один священник, о. Николай, понес по улицам икону Божией Матери «Владимирской», и мятеж утих.

Были дивные чудеса и с самой иконой. В 1135 году соборный храм, где находилась икона Божией Матери «Владимирская», сторел дотла, но святая икона осталась совершенно неповрежденной. В 1237 году вместе с другими святынями чудотворная икона пострадала от нашествия татар, с нее была сорвана драгоценная риза, но сама она осталась цела и невредима. В 1395 году Тамерлан с полчищами татар вступил на Русскую землю и приближался к Москве. У русского народа осталась надежда только на помощь Божию. Великий князь Московский Василий Дмитриевич отдал распоряжение принести икону Божией Матери «Владимирской» из Владимира в Москву. Десять дней продолжался путь иконы от Владимира до Москвы. По сторонам дороги стоял народ на коленях и, протягивая руки к иконе, взывал: «Матерь Божия, спаси землю Русскую!» В Москве икону ждала торжественная встреча. Крестный ход со всем духовенством Москвы, семья великого князя, бояре и московское население вышли за город за Кучково поле и провожали икону до Успенского собора.

Москва встретила икону 26 августа. «Весь град изыде противу иконы на сретение ее», — говорит летопись. Митрополит и Великий князь, и «мужи и жены, юноши и девы, дети и младенцы, сироты и вдовицы, от мала до велика, со кресты и со иконы, со псалмы и со песньми и пении духовными, паче реще вси со слезами, иже не обрести человека не плачущая с воздыханием немолчными и рыданием», — говорит летопись (Месяцеслов, 26 авг.). Богоматерь не отвергла уповавших на Нее. В час встречи

святой иконы в Москве Тамерлан спал в своем шатре. Вдруг видит он во сне высокую гору, с которой к нему спускаются святители с золотыми жезлами. Над ними в воздухе в несказанном величии, в сиянии ярких лучей стоит Лучезарная Жена. Бесчисленные тьмы ангелов окружают Жену и держат в руках огненные мечи. Подняв их, ангелы устремились на Тамерлана... Он проснулся, трепеща от ужаса. Созванные им мудрецы, старейшины и гадальщики заявили, что виденная им во сне Жена есть Заступница Русских, Матерь Христианского Бога и что сила ее неодолима. «Тогда нам с ними не сладить», — воскликнул Тамерлан и отдал своим полчищам приказ повернуть назад. И татары, и русские были глубоко изумлены этим событием. А летописец, описав происшедшее, прибавляет: «И бежал Тамерлан, гонимый силою Пресвятой Девы!»

Благодарные за свое освобождение русские построили Сретенский монастырь на месте встречи святой иконы: «да не забудут люди дел Божиих», — как повествует об этом летописец.

Итак, после 242-летнего пребывания во Владимире икона Божией Матери «Владимирская» перешла в Москву и была установлена в построенном в честь Успения Пресвятой Богородицы соборе.

Благодатной помощи иконы Божией Матери «Владимирская» приписывают избавление Москвы: в 1408 году — от набега ордынского хана Едигея, в 1451 году — от нападения ногайского царевича Мозавши и в 1459 году — нападения его отца, хана Седи-Ахмета, пошедшего войною на Москву.

В 1480 году хан Золотой Орды Ахмет двинулся на Москву. Он дошел до реки Угры, протекавшей в пределах будущих Тульской и Калужской губерний. Ее называли «Пояс Богоматери». Великий князь Московский Иоанн III ждал хана на другом берегу Угры. Неожиданно на татар

напал такой страх, что хан Ахмет не решился напасть на русскую рать и начал отступать. В память этого события до смуты 1917 года в Москве ежегодно совершался 23 июня крестный ход с иконой Божией Матери «Владимирская» из Успенского собора в Сретенский монастырь, воздвигнутый на том месте, где была встречена икона 26 августа 1395 года при нашествии Тамерлана.

В 1521 году казанский хан Махмет Гирей, объединив татар казанских, крымских и ногайских повел их на Москву. Московский митрополит Варлаам и весь народ усердно молился Богу перед иконой Божией Матери «Владимирская». Великий князь Василий Иоаннович едва успел собрать рать, чтобы встретить татар на реке Оке. Сдерживая их наступление, он медленно отходил к Москве. В ночь осады монахиня Воскресенского монастыря увидела, как через закрытую дверь Кремлевского Успенского собора вышли святители с чудотворной Владимирской иконой Божией Матери. Эти святители были не живые современники, а жившие за два века до того святые митрополит Петр и Алексий. Вот что монахиня видела дальше: у кремлевских ворот их встретили святые Варлаам Хутынский и Сергей Радонежский (также уже почившие) и спрашивали: «Куда уходят святители?» Святители же отвечали им, что уходят они из города, «так как люди здесь забыли заповеди Господни». «Пали тогда святые преподобные ниц перед чудотворной иконой Божией Матери и стали молить Владычицу не оставлять собора, не дать произойти беде и не покинуть свой народ. И вернулась тогда наша Заступница в собор Успенский, и святители с Нею также, через дверь закрытую» (Чудотворные иконы Божией Матери. С. 10).

Монахиня поспешила рассказать о всем, что видела и слышала. Люди собрались тогда в соборе и стали горячо молиться. Татары вдруг отступили без сражения от Москвы: им привиделось, что вокруг города собралось

«воинство великое, доспехами сияющее». Таким образом, предстательством Божией Матери по молитвам русского народа перед чудотворным образом Ее «Владимирской», Москва и отечество наше три раза чудесным образом, без кровопролития были спасены от врагов. В память этих чудесных избавлений были установлены празднества иконе Божией Матери «Владимирская»:

21 мая — в память избавления от казанских, крымских и ногайских татар под предводительством Махмет Гирея в 1521 году;

23 июня — в память избавления от татарских полчищ хана Ахмета в 1480 году;

26 августа — в память избавления Москвы от нашествия татар под предводительством Тамерлана в 1395 году.

Отечественный проповедник, архиепископ Иннокентий Херсонский, помыслив о том, что было бы с нашим отечеством, если бы оно не было спасено дивным заступничеством Владычицы, говорит: «Нельзя не пасть до земли в благодарном духе пред Матерью Божией». Посему достойно и праведно петь и величать Небесную Заступницу нашу, ибо как только приближались мы к самому краю бедствий и теряли уже всякую надежду, кроме упования на помощь свыше, так Владычица Божия Матерь всегда являла Свою славную помощь.

При таких знаменаниях и благодеяниях, излитых на Русскую землю через чудотворную икону Божией Матери «Владимирская», понятно то благоговение, которым она была окружена со стороны русского народа. Перед ней молились русские князья и цари, выступая в поход. При избрании московских митрополитов, а впоследствии патриархов, жребии избираемых клались в пелену этой иконы. Перед нею знатнейшие люди Московского государства приносили присягу на верность своим государям.

В 1547 году в Московском Кремле произошел сильный пожар. Икону Божией Матери «Владимирская» собирались

вынести, но никакими силами не удалось сдвинуть ее с места. В этот момент многие увидели на небе над Успенским собором светозарную Жену, осенявшую храм. Вскоре пожар утих, не тронув Успенского собора.

С тех пор святая икона Владимирской Божией Матери всегда находилась в Кремлевском Успенском соборе. Перед ней помазывались на царство наши цари и избирались первосвященители Русской земли. Теперь эта святая икона находится в Третьяковской галерее.

Вот отрывок из стихотворения Максимилиана Володина, посвященного этой святой иконе:

Здесь в Успенском — в сердце стен кремлевских, —
Умилась на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялись светлою слезой!

Простирались старцы и черницы,
Дымные сияли алтари,
Ниц лежали кроткие царицы,
Преклонялись хмурые цари.

В смысле иконописания эта икона является произведением кисти поистине гениального художника. Ее иконный тип — «Умиление» — отличается тем, что Младенец тянется к Матери, охватывает Ее рукой, ласково к Ней прильнув. Левая нога Младенца согнута так, что видна подошва ступни — отличительная черта этой иконы. Иконе Владимирской Божией Матери свойственен особенно выразительный и грустный взгляд. Обаятельность тонко исполненного Лица и выразительность взгляда настолько велики, что вполне воспринять их можно только перед самой чудотворной иконой. Прежде старались как можно реже прибегать к реставрации, особенно ликов святых: этому мы обязаны тем, что Лики Владимирской Божией Матери восходят нетронутыми к XI веку.

Тропарь (глас 4): Днесь светло красуется славнейший град Москва, яко зарю солнечную восприемии, Владычице, чудотворную Твою икону, к ней же ныне мы притекающе и молящися Тебе, взываем сице: О Пречудная Владычице Богородице, молися из Тебе воплощенному Христу Богу нашему, да избавит град сей и вся грады и страны христианские невредимы от всех навет вражих и спасеи души наша яко Милосерд».

Праздники иконы: 21 мая ст. ст. (3 июня н. ст.); 23 июня ст. ст. (6 июля н. ст.) и 26 августа ст. ст. (8 сентября н. ст.).

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА СМОЛЕНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

По преданию, эта икона является одной из икон, современных Самой Богородице. Она — первая, по времени прибытия к нам, из византийских чудотворных икон.

Один из исторических источников говорит, что император византийский Константин-Мономах благословил этой иконой свою дочь, царевну Анну, выдавая ее замуж в 1046 году за князя Всеволода Ярославича. Впоследствии, перенесенная сыном Всеволода Ярославича Владимиром Мономахом из Чернигова в Смоленск, она прославилась в России как «Смоленская».

Особенно после присоединения Смоленска к Московскому государству — с начала XVI столетия — иконографический тип иконы «Одигитрия Смоленская» стал широко распространяться по всей Руси. Великий князь Московский Василий Третий в память освобождения Смоленска от Литвы построил в Москве Новодевичий монастырь, где находилась копия Смоленской иконы.

Преподобный Сергей Радонежский весьма чтит эту икону, и его келейной иконой был список «Одигитрии Смоленской».

Эта святая икона присутствует при всех событиях нашей истории от времен татарских нашествий, войны с литовцами и поляками, вплоть до войны с Наполеоном. Сам главнокомандующий Кутузов со всем войском молил Вла-

дычицу о помощи и спасении России. Накануне Бородинского сражения икону носили по военному лагерю и служили молебны. Отступая от Смоленска, святую икону везла с собой артиллерийская рота полковника Глухова.

После войны 1812 года икона пребывала в Смоленском Успенском соборе вплоть до 1941 года. В каталоге древней русской живописи (издание Государственной Третьяковской галереи, Москва, 1963) глухо сказано, что икона «пострадала от войны». По характеру иконописания Смоленская икона Божией Матери — это «Одигитрия» — «Путеводительница», относящаяся к самым древним образцам византийской иконописи. В ней образ Богоматери почти лишен движения: голова чуть повернута к Младенцу, правую руку Богоматерь держит перед Собой, левой поддерживает благословляющего Младенца. Голова Иисуса Христа — в фас, в левой руке Богомладенца свиток.

Тропарь (глас 4): К Богородице прилежно ныне притецем грешнии и смиренни, и припадем в покаянии зовуще из глубины души: Владычице, помози, на ны милосердвовавши, потщися, погибаем от множества прегрешений, не отврати Твоя рабы тщи: Тя бо и едину надежду имамы.

Праздник иконы: 28 июля ст. ст. (10 августа н. ст.).

НОВГОРОДСКАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА ЗНАМЕНИЯ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Великий Новгород, господствовавший в свое время над севером Руси, расположен на берегах Волхова. Великий Новгород занимает видное место в нашей истории. Это был богатый торговый город, самостоятельный и самоуверенный, — «Господин Великий Новгород». Он памятен нам главным образом в связи со святым князем Александром Невским, когда шла борьба со шведами и ливонцами. Исключительно выгодное местоположение избавило Новгород от татарского разорения, с одной стороны, и обогатило его отношения с Византией и Западом — с другой. В нем создавалась самобытная русская культура, отличающаяся строгим и величественным в своей простоте стилем.

Новгород издревле имел свою собственную иконописную «школу». С XIII века в этой области Новгород становится совершенно самостоятельным.

Защитницей этого города была чудотворная икона Знамения Божией Матери.

В 1169 году Новгород защищался от нападения соседей — суздальцев. Летопись повествует нам, как Владычица защитила Свой город. «Иди, — было передано от Нее повеление новгородскому епископу, — в церковь Господа нашего Иисуса Христа, что на Ильинской улице, возьми там образ Пресвятой Богородицы, вознеси его на городские стены, и тогда узришь спасение города» (Чудотворные

иконы Божией Матери/Изд. Национальной Организации Витязей. Париж, 1969. С. 18).

Одна из вражеских стрел вонзилась в лик святой иконы, поднятой на городские стены. Внезапно икона отвернулась от нападающих и обратила свой священный Лик, по которому текли слезы, к осажденному городу. Богоматерь не только милует, но и карает: на нападавших суздальцев среди бела дня напала тьма, и они в страхе отступили, теснимые новгородцами.

Почти два века чудотворная икона «Знамение» Богоматери стояла на Ильинской улице в деревянной церкви Спаса. В 1357 году ее перенесли во вновь построенную на той же Ильинской улице каменную церковь во имя Знамения.

В 1566 году вспыхнул в Новгороде сильный пожар, охвативший много улиц. Никакими усилиями нельзя было остановить грозную стихию. Тогда митрополит Макарий пошел с крестным ходом в церковь Знамения и там, преклонив колени пред чудотворной иконой, молился о прекращении бедствия. Затем, подняв икону, он понес ее крестным ходом по берегу Волхова. Скоро ветер подул в сторону реки, и пожар от этого стал утихать.

В 1611 году Новгородом овладели шведы. Избивая новгородцев, они грабили дома и их храмы. Иконы они подвергали поруганию, а священные сосуды и утварь уносили. Как-то несколько шведов подошли к церкви Знамения, где в то время совершалась служба и двери поэтому были открыты. Они ринулись в церковь, чтобы ограбить ее, но невидимая сила отбросила их назад. Они снова бросились к дверям и снова были отброшены. Это стало известно всем шведам, и никто из них уже больше не пытался войти в Знаменскую церковь.

Икона «Знамения» в смысле иконописном — «Оранта» — «Предстоящая», с молитвенно поднятыми руками; на груди Богоматери — диск или медальон с полуфигурой

Христа-Эммануила, благословляющего правой рукой, а левой держащего свиток.

Т р о п а р ь (глас 4): Яко Необоримую Стену и источник чудес стяжавше Тя раби Твои, Богородице Пречистая, сопротивных ополчения низлагаем: тем же молим Тя, мир граду Твоему даруй и душам нашим велию милость.

Праздник иконы: 27 ноября ст. ст. (10 декабря н. ст.).

ЧУДОТВОРНАЯ ФЕОДОРОВСКО-КОСТРОМСКАЯ ИКОНА БОГОМАТЕРИ

Первые сведения об этой иконе восходят к XII веку и связаны с памятью святого великомученика Феодора Стратилата — воина, пострадавшего и обезглавленного за веру во Христа в IV веке. Предание говорит, что святой Феодор Стратилат неоднократно приносил эту святую икону людям после татарских разорений. Потому-то ее первоначальное название — Феодоровская.

После построения в Костроме, специально для этой иконы, Успенского собора, с приделом в честь св. Феодора Стратилата, она стала известна как Феодоровская-Костромская.

«Однажды, когда татары подошли к Костроме, русские ополчения вышли им навстречу, неся перед собой свою святую икону Божией Матери. Когда рати встали друг перед другом, между ними промчался неведомый всадник. Его багряная мантия развевалась по ветру, и ослепительно сиял позолоченный щит. Русские узнали в нем святого великомученика Феодора Стратилата. На татар же напал ужас, и они бежали с поля битвы. Так была спасена Кострома».

Эта чудотворная икона связывается в русской истории с избранием на царство Михаила Феодоровича Романова. В те знаменательные дни, когда после долгой смуты собрался всероссийский собор для избрания царя, в Ипатьев-

ский монастырь (около Костромы), где укрывался Михаил Феодорович, отправилось посольство, чтобы просить его на царство. Посланники несли с собой из Москвы Владимирскую икону Божией Матери и в Костроме взяли с собой и Феодоровскую икону Божией Матери. Предстали они перед матерью юного Михаила, старицей Марфой, и просили ее отпустить сына на царство. После первого отказа матери, ссылавшейся на молодость Михаила, архиепископ Рязанский взял в руки икону Божией Матери и обратился к Марфе и Михаилу со следующими словами: «Для чего же иконы Пресвятой Владычицы шествовали с нами в далекий путь? Если нас не слушаетесь, то ради Богоматери склонитесь на милость и не прогневайте Господа Бога». Против таких слов старица Марфа не смогла устоять: она упала перед Феодоровской иконой на колени и сказала: «Да будет воля Твоя, Владычице! В Твои руки предаю сына моего. Наставь его на путь истинный, на благо себе и отечеству!» Так перед этой иконой был избран первый царь из дома Романовых.

«По случаю 300-летия Дома Романовых, в Царском Селе (ныне г. Пушкин) был построен (1909—1912 гг.) «Феодоровский Государев собор» в память явления Феодоровской иконы Божией Матери, с приделом во имя св. Алексия, митрополита Московского, и с нижним пещерным храмом во имя преподобного Серафима Саровского. По воле императора Николая Второго работы по сооружению этого храма приняли определенное направление, с особым уважением к древнерусскому искусству. Построен был этот храм по образцу Московского Благовещенского собора, в древнем его виде, и все убранство храма было выдержано в древнерусском стиле. В верхнем храме иконы и утварь были новые, но сделанные по древним образцам; пещерный же храм св. Серафима Саровского заключал в себе подлинно старинные иконы и утварь» (Чудотворные иконы Божией Матери). Это имело большое общественно-воспитатель-

ное значение и свидетельствовало об особом покровительстве, которое император Николай Второй оказывал новой, более правильной оценке древнерусской архитектуры и иконописи.

Вполне возможно, что образ, находящийся сейчас в церкви «Воскресения Христова на Дебре», заменяющей собор в Костроме, есть «первоначальный» образ этой святой иконы. «В таком случае, это одна из редких чудотворных и очень почитаемых древних икон, оставшихся в церкви и не находящихся в каком-нибудь музее» (Там же. С. 31).

В смысле иконописном это — икона древнего византийского происхождения, типа «Умиление». Ее изображение близко к иконографии Владимирской иконы Божией Матери.

Главным ее отличием является обнаженная левая ножка Младенца Иисуса Христа, Которого Богоматерь держит на Своей правой руке.

Тропарь (глас 4): Пришествием честная Твоя иконы, Богоотроковице, обрадованный, днесь богохранимый град Кострома, якоже древней Израиль к Кивоту Завета, притекает ко изображению Лица Твоего и воплотившегося от Тебе Бога нашего, да Твоим Матерним к Нему предстательством присно ходатайствуеши всем, под сень кровя Твоего прибегающим, мир и велию милость.

Праздник иконы: 14/27 марта, 15/28 и 16/29 августа.

ЧУДОТВОРНАЯ КУРСКАЯ-КОРЕННАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ (ЗНАМЕНИЯ)

Обоснованием иконографического типа или композиции икон «Знамения» являются слова пророка Исаии: «Итак Сам Господь даст вам знамение. Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Эммануэл» (гл. 7, ст. 14).

В 1383 году Курская область подверглась новому разграблению со стороны татар. Татары, встретив на своем пути часовню, взяли священника в плен, а часовню решили сжечь. Но часовня, несмотря на все усилия, не загорелась, хотя они даже обложили ее хворостом. Суеверные варвары накинулись на иерея Божия, подозревая его в волшебстве, которым они объяснили свою неудачу. Благочестивый иерей обличил их неразумие и указал им на икону Божией Матери, находящуюся в часовне. Озлобленные татары схватили святую икону, рассекли ее на две части и бросили их в разные стороны, а часовню сожгли. Иерей Боголюб был отведен в плен.

В плену неверных благочестивый старец сохранил свою христианскую веру: несмотря на увещания татар принять их религию, он остался непреклонен, возлагая все свое упование на Пресвятую Богоматерь. И эта надежда не обманула его. Однажды он пас овец и услаждал себя в тяжелой неволе пением церковных молитв и славословий в честь

Богоматери. Проезжавшие к хану послы московского царя, услышав это пение, узнали в пастухе-старце русского священника и выкунили его из плена. Боголюб вернулся в свое отечество и поселился опять на своем прежнем месте, где стояла часовня с иконой. Здесь он скоро нашел расколотые татарами части чудотворной иконы, сложил их вместе, и они тотчас же срослись настолько плотно, что не осталось никакого следа от этого повреждения; только в том месте, где была расколота икона, показалась «аки роса». Жители Рыльска, узнав об этом чуде, прославили Бога и Его Пречистую Матерь.

В 1597 году, по повелению царя Феодора Иоанновича, икона была взята в Москву и окружена изображениями Господа Саваофа и ветхозаветных пророков по ее краям. До того икона эта претерпела надругательства татар, и не раз терялась, и являлась вновь, и творила чудеса.

В 1615 году по особому прошению курских жителей царь Михаил Феодорович повелел возвратить чудотворный образ из Москвы в Курск и поставить его в курском соборном храме. В 1618 году с дозволения царя Михаила Феодоровича икона была перенесена в собор Знаменского монастыря, где она все время до революции и пребывала.

В книге «Одигитрия русского зарубежья», написанной епископом Серафимом (ныне архиепископ Чикагский), мы почерпаем подробнейшие сведения об этой святой иконе.

С этой иконой связаны некоторые ужасные события предреволюционных лет России, как, например, взрыв адской машины в Курском соборе с целью уничтожения чудотворной иконы. Храм был взрывом разрушен, а икона осталась цела. Это страшное событие имело свой отголосок во Франкфурте (Германия), куда уже теперь, в наши годы, привозилась святая икона. Священника, сопровождавшего икону, узнаем мы из упомянутой книги епископа Серафима, отозвал в сторону некий старик и сказал: «Я

был сообщником Уфимцева в покушении на взрыв этой иконы. Был я мальчишкой и в Бога не верил. Вот и захотелось мне проверить: если Бог есть, то Он не допустит гибели столь великой святыни. После взрыва я горячо уверовал в Бога, и до сих пор горько раскаиваюсь в своем ужасном поступке». Старик поклонился Чудотворной иконе и вышел из храма (С. 44).

Там же мы читаем, как икону 1 марта 1920 года вывезли из России через Константинополь в Салоники. Как 14 сентября того же 1920 года она опять, по просьбе главного командующего генерала Врангеля, возвратилась в Россию для ободрения горсти воинов-патриотов. Как 29 октября того же года она с остатками Белой Армии и гражданским населением покинула Русскую землю.

Я не остановлюсь на пребывании Чудотворного Образа в Югославии, Германии и, наконец, в Соединенных Штатах, так как этот период более известен, — за исключением одного эпизода.

Когда иконописцу иеромонаху Киприану было поручено сделать «список» — копию с чудотворной иконы, то он наткнулся на непреодолимое препятствие. Икона оказалась «почти сплошь черной от вековой копоти». Митрополит же Анастасий запретил промыть икону. Но вот, промучившись несколько дней, живописец не выдержал, и в верхнем левом углу иконы на отмытом им кусочке выступило ясное изображение и позолота... «Наконец самое страшное и ответственное — Лик Царицы Небесной и Богомладенца. Видно, есть на это соизволение Пречистой Девы: легко открывается Ее чудный Лик, вместе с Ликом Ее Божественного Сына, а равно и золото их одежд. Кончена работа. Сияет обновленный Образ дивным светом мягких древних красок... Но как доложить владыке Митрополиту? Ведь совершено явное непослушание» (Одигитрия Русского зарубежья. С. 67).

Когда прибыл Митрополит, он долго молча стоял,

совершая дивный образ. Потом повернулся и тихо сказал: «Иногда и непослушание бывает полезно».

Следует напомнить, что именно через эту икону прелодобный Серафим, будучи еще ребенком, получил свое первое исцеление от Пресвятой Богородицы.

Т р о п а р ь (глас 4): Яко Необоримую Стену и источник чудес стяжавше Тя раби Твои, Богородице Пречистыя, сопротивных ополчения низлагаем: тем же молим Тя, миру граду Твоему даруй и душам нашим велию милость.

Праздник иконы: 27 ноября ст. ст. (10 декабря н. ст.).

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА ТИХВИНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

По преданию, этот чудотворный образ принадлежит к тем трем «основным», которые являются как бы ровесниками Самой Божией Матери. Образ этот, почитавшийся как символ Византийской империи, в 1383 году исчезает в Константинополе и появляется над Ладожским озером в пределах Великого Новгорода.

Надо сказать, что XIV—XV века — это переломная эпоха русского сознания. Не отвергая начал греческого православия и отнюдь не превозносясь, формируется православие русское.

В это время происходят два огромных события, пошатнувшие доверие русских к грекам: Флорентийская уния с католиками и взятие Константинополя турками. Рождается идея Москвы, как третьего Рима, слагаются сказания о бегстве святынь из опозоренных центров древнего греческого благочестия. К этому периоду и относится появление у нас великой византийской святыни, получившей наименование по месту, Ею избранному для явления в России, — «Тихвинской» иконы Божией Матери.

К тому же времени относится интереснейшее и весьма характерное для того времени сказание о чудесном приплывании на камне из Рима в Великий Новгород святого Антония Римлянина, привезшего с собой различные мощи угодников Божиих древнехристианской Церкви.

«В собрании икон И. С. Остроухова, — читаем мы у князя Трубецкого, — есть изображение этого чудесного плаванья... Над плывущим по Волхову святым беженцем из Рима жаром горят золотые главы Новгородских русских храмов: в них цель его странствования и единственно достойное место пребывания для вверенной ему от Бога святыни» (кн. Т р у б е ц к о й Е. Н. Умозрение в красках. С. 124).

В настоящее время святой Образ Тихвинской Божией Матери находится в Чикаго, после того как был привезен в США из Риги. Святой образ прибыл в Ригу во время немецкой оккупации. До того образ долгое время находился в потаенном месте, где был спрятан от безбожников.

Нельзя не обратить внимание на то, что этот образ ушел за рубежи России со второй эмиграцией, подобно тому как Курская-Коренная — с первой эмиграцией.

В смысле иконописном это — Одигитрия. От Смоленской иконы Божия Матерь Тихвинская отличается темным наклонным положением Богоматери к Младенцу, изображенному на левой стороне образа. Рука Богоматери поднята к груди в знак молчаливого поклонения Сыну.

Т р о п а р ь (глас 4): Днесь, яко солнце пресветлое, возсия нам на воздухе всечестная икона Твоя, Владычице, лучами милости мир просвещающи, юже великая Россия, яко некий дар божественный, свыше благоговейно восприемши, прославляет Тя, Богомати, всех Владычицу, и от Тебе рождшагося Христа Бога нашего величает радостно; Ему же молися, о Госпоже Царице Богородице, да сохранит вся грады и страны христианские невредимы от всех навет вражих, и спасет верою поклоняющихся Его божественному и Твоему Пречистому образу, Диво неискусобрачнана.

Праздник иконы: 26 июня ст. ст. (9 июля н. ст.).

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА ДОНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Эта святая икона исторически связана с одним из важнейших моментов становления Русского государства: собиранием русских земель вокруг единой и наследственной великокняжеской или царской власти.

С победой князя Дмитрия Донского над татарами на Куликовом поле связывается начало широкого почитания чудотворной Донской иконы Божией Матери. Войско несло этот образ, в виде хоругви, во время битвы 8 сентября 1380 года, в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы.

В 1591 году, когда битва с крымскими татарами происходила на подступах к самой Москве, много было пролито слез и молитв перед Донским образом Божией Матери. Ей приписывалось сохранение русской столицы, в память чего был воздвигнут в Москве, на месте, где стояла икона во время боя, Донской монастырь. После этой победы чудотворный образ всегда находился в Москве, в Кремлевском Благовещенском соборе.

В настоящее время образ находится в Государственной Третьяковской галерее.

На образе Донской иконы Божией Матери, которая, как предполагается, была написана знаменитым иконописцем Феофаном Греком, на оборотной стороне изображено Успение Божией Матери.

В смысле иконописном это очень хорошо сохранившийся образ XIV века, типа «Умиление». Богоматерь накло-

нила голову к Младенцу, сидящему на Ее правой руке и опирающемуся на Ее правую руку. Ножки Богомладенца обнажены до колен. Икона выражает чувство радости, спокойствия и нежности, что создает совсем особое впечатление. В иконе видно зарождение новой русской традиции XIV века.

Т р о н а р ь (глас 4): Заступнице верных Препобрага и скорая, Пречистая Богородице Диво! Молим Тя пред святым и чудотворным образом Твоим, да якоже древле от него заступление Твое граду Москве даровала еси, тако ныне нас от всяких бед и напастей милостиво избави, и спаси души наша, яко Милосердая.

Праздник иконы: 19 августа ст. ст. (1 сентября н. ст.)

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА КАЗАНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Эта святая икона была найдена в Казани в подвале стареющего дома в 1579 году. Мать Божия указала во сне девятилетней девочке, где искать Ее икону. Найденная святая икона была помещена в Казанском Богородичном монастыре. В том же году с нее был сделан список и отправлен в Москву царю Ивану Васильевичу Грозному.

В 1612 году, когда князь Дмитрий Пожарский освобождал Россию от поляков, икона Казанской Божией Матери прибыла под Москву с ополчением из Нижнего Новгорода. Нижегородское ополчение встретилось с непреодолимыми трудностями: нужно было не только освобождать Москву, занятую поляками, но отбить приближающиеся свежие польские войска и смирить разбой, пьянство и измену, господствовавшие среди своих, раньше прибывших под Москву казаков и ополченцев. Что делать? Благочестивые предки наши порешили положиться на милость Божию: после трехдневного поста и молитвы перед Казанской иконой Божией Матери пойти на штурм Московского Кремля.

В то время у поляков в Кремле находился больной греческий архиепископ Арсений. Близкий к небу по своему сану, он еще ближе был к нему по своим доб-

родителям. Среди полноты тишины вдруг келья его наполнилась необыкновенным светом, и он увидел перед собой святого Сергия Радонежского. «Арсений, — сказал преподобный Сергий болящему, — ваши и наши молитвы услышаны; предстательством Богоматери, суд Божий об отечестве преложен на милость; завтра Москва будет в руках осаждающих, и Россия будет спасена». Как бы в подтверждение сказанного, больному архиепископу вернулось здоровье и крепость сил. Радостная весть, переходя из уст в уста, немедленно проникла за стены города к православному воинству и воспламенила его непреодолимым мужеством.

Где препятствия: несметные силы поляков, укрепленные стены, разгул бесчинников в собственных рядах. Все это стало ничтожным перед духом человека, укрепленного силою Божию! И нижегородская рать стала новым Давидом перед Голиафом, и на ней вновь оправдались слова апостола Павла: «Все могу в укрепляющем меня Христе» (Филип. IV, 13).

В 1633 году князь Пожарский построил в Москве Казанский собор и перенес икону на руках из своего дома на Лубянке в новый собор.

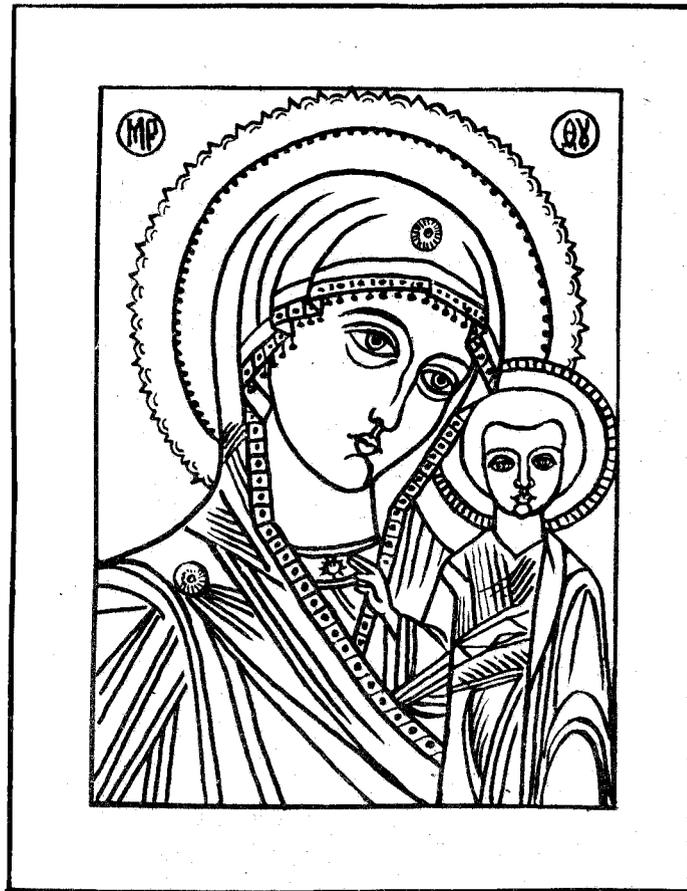
В России было три чтимых образа Казанской Божией Матери:

- 1) в Казани, в Богородичном монастыре;
- 2) икона царя Ивана Васильевича, перенесенная императором Петром Первым в Санкт-Петербург.
- 3) В Московском Казанском соборе, дарованная князем Пожарским.

(Ш е ф ф е р Н а т а л и я. Русская православная икона. С. 64).

В 1904 году в Казани чудотворная икона была украдена и уничтожена.

Иконографически эта икона соответствует своему

времени, то есть концу XVI века, и несколько менее отвечает древним образцам. Казанская икона — как бы «Одигитрия», ставшая не «поясной», а «оглавной». Главная особенность этой иконы — прямое фасное положение Богомладенца.

Т р о п а р ь (глас 4): Заступнице Усердная, Мати Господа Вышнего! За всех молиши Сына Твоего Христа Бога нашего, и всем твориши спастися в державный Твой покров прибегающим. Всех нас заступи, о Госпоже Царице и Владычице, иже в напастях и скорбях и в болезных бременных грехи многими, предстоящих и молящихся Тебе умиленною душею и сокрушенным сердцем пред Пречистым Твоим образом со слезами, и невозвратно надежду имущих на Тя, избавление всех зол, всем полезная даруй, и вся спаси, Богородице Диво: Ты бо еси божественный покров рабам Твоим.

Праздник иконы: 8/21 июля; 22 октября ст. ст. (4 ноября н. ст.).

* * *

Закончив рассмотрение восьми из наших чудотворных икон Божией Матери и вспомнив в связи с этим значительную часть нашей истории, нам приходится сделать некоторое трагическое сопоставление: святой митрополит Петр в начале XIV века строил Московское царство. Можно сказать, что на его святых мощах выросла Москва. Спустя же два века его преемник святой митрополит Филипп Московский был задушен по приказу безумного царя этого Московского царства, Ивана Васильевича Грозного, и кончилась династия Рюриковичей, и чуть не погибла Россия в начавшемся так называемом Смутном времени.

И сопоставим второе: начало создаваться Русское государство как единая земля под единой властью, благословением чудотворной иконы Владимирской Божией Матери. Это было в XII веке. Восемь веков спустя Россия стала могущественной империей. В начале XX века чудотворная икона Казанской Божией Матери была украдена и уничтожена. Через несколько месяцев после этого началась революция 1905 года. Кончилась династия Романовых небывалым зверством, и пошла Россия из революции в революцию, из братоубийственной войны в террор, голод и богохульное безбожие.

Мы читали выше, как в XVI веке уходившие из Кремлевского собора, вместе с иконой Владимирской Божией Матери, святители сказали, что уходят потому, что «люди здесь забыли заповеди Господни».

Не о грехах ли человеческих, а следовательно и наших, сказал пророк Осия (VIII, 7): «Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю».

Переходя к заключению, я хотел бы сказать, что люди моего поколения, пережившие две мировые войны, войну гражданскую и террор, могут ставить вопрос: при каких обстоятельствах человек в большей степени усваивает звериный образ? Уничтожение человека человеком ярко выражается во время войны. Это страшно, но не ново. Да, война зло: она несет смерть, она развязывает в человеке зверя. Но в войне имеет место и мужество, и самопожертвование, и благородство. Наше время породило нечто худшее, чем война: такое мировоззрение, которое некое ограничение кровавой расправы — с врагом ли или с иннакомыслящим — считает сентиментальностью. «Это — неслыханное от начала мира порабощение духа — озверение, возведенное в принцип и систему». Природа человека такова, что он не может остаться только человеком: «он должен или подняться над собой или упасть в бездну».

А потому перед человеком всегда вопрос: «чем надлежит быть вселенной — зверинцем или храмом?» (Умозрение в красках. С. 52—53).

Иногда, когда человек доходит до предела возможных озверений, тогда он становится способным увидеть бездну под своими ногами и ищет точку опоры над этой бездной. Такой точкой опоры является пробуждающееся в нас сознание, что над царством зверя есть иной закон жизни. Вот эту-то иную жизнь, иную действительность с поразительной ясностью и силой, не словами, а образами и красками передавала древнерусская икона. Икона убеждала человека в наличии иной жизненной правды и в ином, подлинном смысле жизни. Она вдохновляла, учила, вела. Но этот язык, которым говорит наша икона, «непонятен сытой плоти, недоступен сердцу, полному мечтой о материальном благополучии» (Там же. С. 51).

Для того чтобы с нами заговорила икона или, точнее, чтобы мы были способны услышать ее голос, нужно, чтобы в нашем сознании произошло развенчивание наших надежд только на самих себя, на свой разум, только на земные блага и земную силу. Не эту ли уверенность щедро предлагает нам князь мира сего, если мы, «падши», поклонимся ему?

Сущность той жизненной правды, которая противоплагается древнерусским религиозным искусством образу звериному, находит свое исчерпывающее выражение не в том или ином иконописном изображении, а в древнерусском храме в его целом. Здесь именно храм понимается как то начало, которое должно господствовать в мире и противостоять как человеческому зверству, звериности в зоологическом смысле, так и зверю в смысле мистическом.

Тот, кто видит в иконе только доску и краски, тот почти ничего не видит. Кто видит в иконе красоту, тот

видит много, но еще не все. Тот же, кто начинает постигать духовную ее сущность, тот подошел к главному в ней.

Сопоставим же теперь икону с жизнью. Если мы видим в жизни только вещи и поступки, а не их скрытую сущность, не то, что за ними можно увидеть и почувствовать, то наши отношения с жизнью еще только поверхностные, только внешние.

«Разум,— говорит св. Ефрем Сирийский,— когда бывает здоров, целомудрен и светел, то духовно созерцает соотношения тварей Божиих и возводится к Святой и Блаженной Троице» (Добротолюбие. Т. 2. С. 266).

Вот она премудрость!

В стихотворной форме близкая к этому мысль передана так:

Как будто внутренность собора —
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.

(Борис Пастернак. Когда разгуляется)

Увидеть в мире не только реальность, что подвластно князю мира сего, но и другую действительность, ту, что над ним, ту, что ему не повластна — этому учила наших предков икона. Увидеть «инобытие» и трепетно возлюбить его — вот та сила, которую почерпали предки наши через икону. Через иконы было нам дано явление той благодатной силы, которая некогда спасала Россию.

Образ Божией Матери был и есть наиболее возлюбленный образ русского православия. Милостью своей, чрез Свои чудотворные иконы, Пресвятая Богородица никогда не оставляла наш русский народ.

«В Рождестве девство сохранила еси во Успении мира
не оставила еси, Богородице; преставилася еси к Животу,
Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши
от смерти души наша».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАДУЙСЯ, ВЛАДЫЧИЦЕ, МИЛОСТИВАЯ О НАС ПРЕД БОГОМ ЗАСТУПНИЦЕ

Тебе все роды человечества хвальные дары приносят, Владычице, и молятся яко Царице и Матери Божией: пророцы Ты премудро проповедаша, апостолы и мученицы исповедаша, архиереи проповедают, монаси и просити благоговеют, богатии и убозии, сироты и вдовы... под кров Твой державный с верою прибегаем...

Стихира праздничная Божией Матери

Деятнадцать веков прошло от того дня, когда Пречистая Дева Мария на руках Своего Сына была вознесена к Великому Престолу и после жизни, полной несказанной скорби, мук и унижений, была коронована на чудное царство небес. Эти девятнадцать веков бессильны были умалить восторг человечества пред тихой святыней Девы Марии.

В немногих дошедших до нас отзывах Ее современников слышно безграничное восхищение сердца, слышны чувства, превышающие всякие слова, не умеющие найти достаточных выражений.

Дионисий Ареопагит, нарочно приезжавший в Иерусалим из Афин, чтобы видеть Богоматерь, писал своему учителю апостолу Павлу:

«Свидетельствуюсь Богом, что, кроме самого Бога,

нет ничего во вселенной, в такой мере исполненного Божественной силы и благодати. Никто из людей не может постигнуть своим умом то, что я видел. Исповедую перед Богом: когда я с Иоанном Богословом, сияющим среди апостолов, как солнце на небе, был приведен пред лицо Пресвятой Девы, я пережил невыразимое чувство. Предо мною заблестало какое-то Божественное сияние. Оно озарило мой дух. Я чувствовал благоухание неопикуемых ароматов и был полон такого восторга, что ни тело мое немощное, ни дух не могли перенести этих знамений и начатков вечного блаженства и небесной славы. От Ее благодати изнемогло мое сердце, изнемог мой дух.

Если б у меня не были в памяти твои наставления, я бы счел Ее истинным Богом. Нельзя себе и представить большего блаженства, чем то, которое я тогда ощутил.

Обращаемые к вере апостолами, с проповедью обходившими вселенную, новые христиане стремились видеть Богоматерь, Которая одним Своим видом свидетельствовала о том, что Родившийся от Нее был воплотившийся Бог. Игнатий Богоносец, архиепископ Антиохийский, бывший, по преданию, тем самым отроком, которого взял на руки Христос, говоря: «Если не обратитесь и не будете, как дети, не можете войти в царствие небесное», — говорит в письме Иоанну Богослову: «Много жен у нас только о том и думают, как бы проехать к вам, чтобы видеть Матерь Иисусову. Достойные доверия люди поведали нам, что в Ней, по Ее великой святыне, человеческое естество кажется соединенным с ангельским. И все такие слухи возбудили в нас безмерное желание видеть это небесное чудо».

Но разве с тех пор, как Богоматерь призвана была на небо, уменьшилось стремление к Ней сердец человеческих? Только не нужно теперь, возлюбленные, плыть из Антиохии в Иерусалим, чтобы войти в общение с Ней. Перед успением Своим Богоматерь говорила плакавшим

перед нею христианам, что теперь Ей будет легче помогать людям, всегда видя Сына Своего. Она обещала посещать весь мир, заботиться о нем.

И как чудно сбылось это обещание. Тот, кто однажды доверил Ей свою жизнь, приобрел в Ней неизменную Заступницу.

Если жизнь человеческая представляется страшным полем, где в безумной борьбе между собою валяются люди, где гибнут мечты и надежды, где звучат нескончаемые вопли и стоны, то над этим житейским адом царит одно отрадное видение.

Чудная Дева Небесная с безграничной скорбью и любовью во взоре, с ланитами, по которым стекают жемчужины слез, стоит над этим морем людского страдания, спускаясь туда, где оно особенно ожесточилось. Не в силах Она изменить лица земли, водворить рай на месте земной юдоли плача. Но приникая к исстрадавшейся, отчаявшейся душе человеческой, как склонялась некогда над Своим Божественным Младенцем, Она шепчет душе верную весть о лучших днях. Как мать, Она умеет подойти к сердцу человеческому, и под Ее безмолвную речь ослабевшая, одряхлевшая вера становится живым видением и ясным предчувствием.

Ужасы жизни меркнут перед сиянием дивных картин навеваемых на душу Ее благодатною силою, вместо земного раздора и земных невзгод восхищенному взору открываются райские дали, сонмы светлых небожителей, сверкание лучей славы Божьего Престола...

Слава, слава Деве Марии!

Она является таинственной лестницей, по которой соскучившееся и стосковавшееся на земле человечество восходит на небо.

Она всегда служит связью между Богом и людьми: благоволением Бога к людям, дерзновением людей к Богу...

Какие символы, какие предания... открывает нам

святая Церковь?.. Вот Андрей юродивый, молясь в храме, полном народа, возводит глаза к небу и видит, как Богоматерь, стоя над народом в воздухе, осеняет народ Своим омофором, молясь за него... в тот момент, когда слышны слова молитвенного славословия Владычице: «Мы, благоверные люди, радостно празднуем, осеняемые Твоим, Богоматерь, пришествием... Покрой нас честным Твоим омофором!» Того же блаженного Андрея ангел водит по райским селениям, показывает ему святых и их светлые обители, но не видит Андрей Той, Кого больше всего хочется ему видеть, Кого больше всего ищет его глаза.

И спрашивает ангел: «Ты хочешь видеть Царицу Небесных Сил? Ее нет здесь.— Она отошла в многоскорбный мир, помогать бедствующим и утешать печальных!»

Как хорошо понял значение успения Ее знаменитый епископ Иннокентий, когда, составляя акафист этому празднику, он вдохновенно воскликнул: «Радуйся, Обрадованная, во успении Своем нас не оставляющая!..»

Время лишь усиливало почитание Пресвятой Девы. На прежние Ее милости и чудеса ложатся наслоения новых милостей и чудес, и бережно одно поколение передает другому те же чувства к Ней, то же сознание, что в трудную минуту есть Кого позвать в высоком и далеком небе, чтобы оно стало доступным и близким.

Иногда мы не смеем обращаться к Богу. Наша греховность кажется нам страшной стеной между Ним и нами. А если душа наша истерзана неутешным страданием, нам близко чувство ропота, вера наша колеблется, мы не можем, не смеем молиться Ему так, как молимся в минуты умиления, в часы спокойной, сознательной веры... И вот в эти дни сомнения, тоски и горя мы находим благую утешительницу в Матери Божией.

Ее мы не боимся, мы знаем, что Ее тихая святыня не оторвется от нас, в каких бы язвах, из каких бы позорных пропастей греха мы к Ней не пришли.

Мы не видали Ее. Но мы знаем и чувствуем, безошибочным внутренним чувством, что часто-часто задумчивый взор чудной Матери-Девы останавливается на нас: мы Ее искалеченные жизнью дети.

Она была человеком, родившимся, как мы, в условиях земного ограничения, но как высоко Ее вознесла благодать.

Почитание Богоматери является одной из отраднейших сторон христианства и не угаснет и тогда, когда вытравлена будет в душе человеческой жажда материнской любви, материнской ласки и заботы. Человечество поняло, испытало на себе эту материнскую щедрость всеобъемлющего безграничного сердца Марии Божией. В этом сердце оно нашло надежнейшее убежище от горя земного, и чудные связи связали страждущее, рвущееся к небу, но прикованное к земле, со светлыми порывами и неисчислимыми падениями, человечество с Непорочной Девой Марией.

Даже магометане и язычники знают о любви и вере христиан к таинственной Деве, и когда Царица Небес вставала неоднократно на защиту Своих детей, неверные не пытались бороться с Ней, зная, что сила Пресвятой Девы Марии необорима. Тому много было примеров.

Так, в час встречи иконы «Владимирской» Божией Матери в Москве, Тамерлан спал в своем шатре.

Видит он во сне высокую гору, с горы спускаются к нему святители с золотыми жезлами. Над ними в воздухе, в несказанном величии, в сиянии ярких лучей стоит Лучезарная Дева. Бесчисленные тьмы ангелов окружают Деву и в руках держат огненные мечи, подняв их ангелы устремляются на Тамерлана...

Он проснулся, трепеща от ужаса, и немедленно созвал совет своих мудрецов, старейшин и гадалщиков. Рассказав им свой сон, Тамерлан потребовал его объяснения. Мудрейшие из созданных ответили ему, что виденная им

во сне Дева есть заступница русских, Мать христианского Бога и что сила Ее неодолима.

— Тогда нам с ними не сладить! — воскликнул Тамерлан и отдал приказ своим полчищам повернуть назад.

И татары, и русские были глубоко изумлены этим событием. А летописец, описав это, прибавляет: «И бежал Тамерлан, гонимый силою Пресвятой Девы» (26 августа 1395 г.).

Подумайте, православные русские люди, о красоте, о всем значении того, что происходит вот уже девятнадцать с лишним веков между небом и землею. Не было за эти почти два тысячелетия ни одной минуты, в которую не несся бы с земли зов души человеческой к Матери Божией.

Ни страхом, ни угрозами, а любовью и безграничным милосердием ведет людей ко Христу Богоматерь. Она жалеет человечество каким-то жгучим, всепрощающим страданием. Она принимает на Свои руки людей, которым, по видимому, уже нет возврата к благой жизни.

Одному афонскому монастырю угрожали разбойники, и воля Божия была в том, чтобы иноки были наказаны разрушением обители за их нерадивую жизнь. Тогда одному иноку, молившемуся перед иконой Богоматери, был слышен от этой иконы голос, предупреждающий об опасности. Младенец Христос хотел заградить Своей ручкой уста Приснодевы, но Богоматерь со сладостной улыбкой отводила эту руку от Своих уст, — и обитель была спасена. Вот верный и трогательный символ этой чудной, продолжающейся в веках, борьбы Божественного правосудия и ничем не истощимого милосердия Пречистой Девы.

В именах прославляемых икон Богоматери благодарное человечество отразило свои чувства к «Теплой Заступнице мира холодного».

То радость весны, ибо Дева была действительно весной для человечества, то похвала любви Ее — вот что звучит

во многих из наименований святых икон Ее: «Благодатное Небо», «Благоуханный Цвет», «Взыграние», «Взыскание погибших», «Воспитание», «Всех скорбящих Радость», «Милующая», «Живоносный Источник», «Избавительница», «Милостивая», «Млекопитательница», «Нечаянная радость», «Услышательница», «Неувядаемый Цвет», «Призри на смирение», «Скоропослушница», «Сладкое лобзание», «Спасительница утопающих», «Споручница грешных», «Умиление», «Утоли моя печали», «Целительница», «Утешение в скорбях и печалях».

Если б мы на земле жили жизнью бесплотных, мы бы не имели нужды ни в чем внешнем, и чувства наши не нуждались бы во внешнем выражении. Но человек не есть дух. Он дух, облеченный в плоть. Он окружен видимыми, осязаемыми вещами, а внутренняя жизнь его выливается во внешних действиях и чувства его невольно выражаются внешним образом.

Вот это свойство душ — возноситься мыслью и сердцем к любимым существам, смотря на их изображение, — и дало повод к возникновению почитания св. икон.

Забота Богоматери о роде людском избрала иконы, как средство постоянного и близкого общения Ее с людьми.

Богоматерь знала, как пусто и холодно будет людям без Нее, по уходе Ее из мира. И вот Она решила в изображениях лика Своего оставить христианам залог Своего непрекращающегося общения с ними. Святая Дева дала списать с Себя апостолу Луке, искусному живописцу, несколько изображений Своих и обещала, что с этими изображениями — иконами Ее — пребудет всегда Ее благодать.

В иконах Богоматери верующие люди, их писавшие, отразили Пречистую Деву в разные минуты духовной Ее жизни. Вот она с тоскою взирает на крест Своего Сына — «Ахтырская», вот прижимает нежно обеими руками к щеке головку Младенца — «Касперовская», вот, держа правой

рукой Младенца, левую в скорби прижимает к голове (обычный жест тяжело страдающих людей) — «Утоли моя печали», вот крепко-крепко обхватила и держит обеими руками протянувшего у Ней на груди Свои руки Младенца, точно боясь, что отнимут Его от Нее: так готова она принять на руки и держать в материнских объятиях всякого человека, которому грозят волны мира — «Взыскание погибших»: вот как безгранично любящая Мать держит на правой руке Своего Божественного Младенца, Который так крепко, доверчиво приник к щеке Своей Пречистой Матери, обвив Ее шею Своей ручкой — «Владимирская». Сколько ласки, любви во взоре! Икона эта, по преданию, написана первой святым Апостолом и евангелистом Лукой.

Вот восседает на троне в одежде царицы и на коленях Ее, тоже как на троне, никем уже не поддерживаемый, Младенец. Он положил ручки Свои на головы коленопреклоненных начальников русского монашества, преподобных Антония и Феодосия, а Сама Она опустила Свои руки на их рамена — «Печерская». Вот со скорбным лицом держит свободно лежащие в Ее руке обе ручки Младенца, точно скорбит о предстоящей Его участи, но уже согласна отдать Его в жертву — «Страстная». Вот покорно поникла головою, поддерживая руками семь стрел, пронзивших Ее сердце — «Семистрельная». Вот сияет среди огненной звезды — «Купина Неопалимая», — и прообраз Ее детства, не нарушенного Рождеством Христа. Вот распростерла омофор над молящимися в храме — «Покров». Вот стоит в воздухе над сонмом бедствующих, разослав ангелов одеть нагих, напитать голодных, поднять больных — «Всех скорбящих радость». Вот, подняв руки к небу, являет на лоне Божественного Младенца — «Знамение».

И как много есть еще в святой Церкви православной изображений Пречистого Лица Пренепорочной Девы, наименования коих свидетельствуют о любви и стремлении человечества к Пречистой Владычице.

ВНЕШНИЙ ВИД, ПРАВСТВЕННАЯ ВЫСОТА И СЛАВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Добродетели Пресвятой Богородицы и благодать Святого Духа, предпочитившая Ее быть Матерью Божиею, поставили Ее выше всех праведных и святых людей и даже сил небесных. Ее усердие к молитве и благочестивым занятиям, приснодевственная чистота и целомудрие, вера в обетования Божии, всегдашняя внимательность к путям Промысла Божия, преданность воле Божией, благодушное перенесение трудных житейских обстоятельств, непоколебимое мужество среди величайших искушений и скорбей, материнская заботливость, сердечная теплота к сродникам, а главное, безусловное во всем смирение — вот нравственные совершенства, постоянно проявлявшиеся в Ней, от младенчества до успения.

Святой Амвросий изобразил свойства Пресвятой Девы во время земной Ее жизни следующими чертами: «Она была девою не только по плоти, но и по духу. Сердце Ее было полно смирения; в словах была Она Богоумудренна, в разговорах не скоро; всегда занята чтением; в трудах бодра; в беседе целомудренна, как бы всегда беседовала с Богом, а не с людьми. Она никого не обижала, напротив, желала всем добра; никого не презирала, даже и самого убогого человека; ни над кем не смеялась; во всем видела только добро. Из уст Ее излетали только слова

благодати, а в делах виднелась скромность и девственность. Ее наружный образ показывал внутреннее совершенство, выражая незлобие и милосердие».

У Епифания и Никифора также есть описание Ее красоты душевной и телесной. Вот как они Ее описывают: «В каждом деле Она была исполнена кроткой важности и постоянна. Говорила очень мало, только о нужном и добром, и слова Ее были сладостны; охотно выслушивала других и отдавала всякому должное почтение. В своих беседах предлагала всякому только нужное и приличное; никогда не смеялась и не приходила в возмущение. Обхождение Ее было кроткое и без гнева.

Рост Ее был средний; цвет лица, как цвет зерна пшеничного; волосы русые и несколько золотоцветные; очи ясные, взор острый, зеницы подобны плоду масличному; уста подобные цветку розы и сладкословесные; лицо не совсем круглое и не острое, а несколько продолговатое; также руки и пальцы продолговатые. В ней не было никакой гордости, а простота без малейшего притворства; не было никакой изнеженности, а во всем совершенное смирение.

Ее одежды были простые и невыкрашенные, чему доказательством служит Ее покрывало, которое и доньше сохраняется. Одним словом, во всех делах Ее божественно сияла преезобильная благодать».

Древние сообщают нам некоторые данные о внешности и характере Пресвятой Девы.

Она была молчалива: говорила мало и лишь самое необходимое, но с большим вниманием выслушивала то, с чем обращались к Ней другие. Она была приветлива и почтительна в обращении с людьми. У нее были светлые волосы, острый взгляд глаз под черными бровями. Форма лица не круглая и не острая, а продолговатая. Пальцы рук Ее были длинны. Одежда Ее была чрезвычайно простая, чтобы не сказать: бедная. Всякое слово Ее дышало благодатию. И даже когда Она беседовала с людьми, казалось, что Она

беседует с Богом. Она много работала, любимым же Ее занятием было чтение. Она никем никогда не гнушалась, во всех старалась отличать и всем оказать внимание.

Живя в доме Иоанна Богослова, Пречистая Дева часто посещала места, освященные стопами и кровью Ее любезнейшего Сына. Часто ходила и в Вифлеем, где Он неизреченно родился от Нее, сохранив Ее девство невредимо. А всего более любила уединяться в тех местах, где Он претерпел вольную страсть, и, обливая их слезами материнской любви, говорила: «Здесь любезнейший Сын Мой был мучим; здесь венчали Его венцом терновым; здесь изнемог Он под крестом, а здесь был распят». Но при гробе Его сердце Ее исполнилось несказанным веселием, и Она со слезами радостными говорила: «Здесь Его погребли, и в третий день Он воскрес!»

Часто также приходила Владычица на гору Елеонскую, с которой Христос вознесся, и, преклоняя там колена, лобызала стопы Христовы, которых след остался отпечатанным на камне. С каким плачем молила Она Сына и Бога своего, чтобы Он взял Ее к Себе! Пламеннее святого Павла желала Она отрешиться от тела и жить со Христом. Как часто Она повторяла слова Давида: «Когда прииду и явлюся лицу Божию! быша слезы моя мне хлеб день и ночь!..»

Как часто зывала: «Когда узрю прелюбезного Моего Сына, когда прииду к Нему, сидящему одесную Бога Отца? Когда предстану престолу славы Его? Когда насыщуся Его лицезрением?— О! пресладкий Мой Сыне и Боже! Время ущедрити Сиона, время помиловати Мя, Матерь Твою, в плачевной мира сей юдоли доселе без зренья пресвятого Твоего лица сетующую: изведи уже, аки из темницы, от тела душу Мою! Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа Моя к Тебе, Боже, да насыщуся, вегда явитимися славе Твоей!»

Пресвятая Дева иногда долго оставалась на горе Елеон-

ской, потому что на ней находилось селение Гефсимания и тут же на подгорье небольшой участок Зеведеев с садами, составлявший наследство Иоанна Богослова.

В этом-то самом вертограде Господь наш, прежде вольной Своей страсти, падая на колени пред Отцем Своим, молился, и кровавый пот капал с чела Его. После, в этом же самом вертограде, Его Пречистая Матерь, на том же месте, где и Он, проливала теплые молитвы на коленях со слезами и была утешена Богом чрез извещение ангела о Ее скором преставлении.

По свидетельству греческого историка Георгия Кедрина, ангел явился к Ней два раза: в первый раз за пятнадцать дней, в другой за три дня до Ее успения и в этот раз принес Ей финиковую ветвь из рая, которую после нес перед гробом Богородицы Иоанн Богослов.

Святой Иоанн, усыновленный Пречистой, не отлучался никогда от Нее и служил Ей, как почтительный сын своей матери, имея Ее в своем доме до самой Ее блаженной кончины. Только на очень короткое время отлучался он в окрестные города, как о том упоминается и в деяниях Апостольских, что он был с Петром в Самарии, впрочем, он оставлял Пречистую не иначе, как с Ее благословения, и возвращался к Ней немедленно опять в Иерусалим. Во время его отсутствия заступал место его служения при Пречистой Деве святой Иаков, брат Божий, который пребывал всегда в Иерусалиме на своем святительском престоле.

Святой Григорий Неокессарийский говорит: «В Пресвятой Деве изумляет нас не только непорочная и чистая лепота телесная, но особенно совершенство Ее души. И может ли быть иначе, когда в Ее лице сосредоточено все сокровище благодати и Она была свята телом и духом? Одежда скромная, чуждая роскоши и неги; поступь степенная, твердая; взгляд строгий, соединенный с приятностью; тиха и покорна родителям; речь краткая, льющаяся из не-

зловивого сердца. У Нее ум, Богом управляемый и к одному Богу направленный; все желание устремлено к Единому, достойному желания и любви; ненависть только ко греху и виновнику его. Все помышления Ее душеполезны, свободны от всего излишнего, удаляющиеся от всего душепагубного; очи Ее всегда устремлены ко Господу, созерцающая вечный и непреступный свет; уши настроены к слушанию слова Божия; уста восхваляют Господа; язык рассуждает о слове Божиим и изливает Божественную сладость, сердце Ее чисто и непорочно, зрящее и вожделеющее чистейшего Бога. Вся — чертог Духа; вся — град Бога Живаго; вся — добра; вся — пред очами Божиими: ибо, восшедши выше херувимов и будучи превознесена над серафимами, Она приблизилась к Богу».

Церковный историк Никифор Каллист так дополняет нравственный образ Пресвятой Девы: «Она в беседе с другими сохраняла благоприличие, не смеялась, не возмущалась, особенно же не гневалась; совершенно безыскусственная, простая, Она нимало о Себе не думала и, далекая от изнеженности, отличалась полным смирением. Относительно одежд, которые носила, Она довольствовалась естественным цветом их, что еще и теперь доказывает священный головной покров Ее. Коротко сказать: во всех Ее действиях обнаруживалась особенная благодать».

«Но какое красноречие может избразить хотя малейшую часть славы, окружающей Царицу ангелов и человек, — говорил некогда греческий исператор Лев Философ в своем слове на усение Пресвятой Богородицы: — Кто может представить, какой славы сподобилась Она ныне от Сына Своего! Различных святых Бог различно венчает славою, по апостолу: «ина слава солнцу, и ина слава луне, и ина слава звездам; звезда бо от звезды разнствит во славе». Но Пречистая Матерь возымела и славу солнца — «избранна яко солнце», и славу луны — «добра яко луна», и славу звезд — «проницающая аки утро», то есть как

утренняя звезда. Она имеет венец лучший, нежели все святые девы: потому что Своею чистотою превзошла ангелов. Она имеет венец благодатных жен, каковы Сарра, Елисавета и другие, но венец, преукрашенный пред их венцами: потому что как Родившийся от Нее более всех, так и Она блаженнее всех жен. Она имеет венец мучеников: стоя у креста, с душою, пройденною оружием, Она пострадала более всех мучеников. Она имеет венец пророков: потому что воистину прорекла, что ублажать Ее все роды! Она имеет венец евангелистов: потому что есть как бы книга Слова упростасного.

Она имеет венец апостолов: если апостол хвалится, говоря: «не Иисуса Христа ли Господа нашего видех?» — то кто же яснее видел Его, как не Пресвятая Матерь? Она имеет венец исповедников: ибо исповедала твердо, говоря: «величит душа Моя Господа... сотвори Мне величие Сильных».

Она имеет венец смиренных: потому что изрекла о Себе: «яко призре на смирение рабы Своея». Она имеет венец преподобных: усение Ее было пред Господом честнее смерти всех преподобных Его. Она имеет венец постников: потому что покоряла тело духу Своему. Она имеет венец милостивых: святая Церковь молит Ее, как источник милостей, взывая: «милосердия двери отверзи нам!».

Она имеет венец бессребреников: ибо родила Врача, давшего силу целения и изрекшего: «туне приясте, туне дадите!» и Сама туне подает благодать просящим. Она, наконец, имеет венец больший всех святых: потому что все святые предстоит престолу Божию со страхом, а она — с материнским дерзновением; и «много может молитва Матери ко благосердию Владыки».

И древние, и новые святые Отцы Православной Церкви не находят довольно слов для прославления Матери Божией. Ее служение делу нашего спасения так возвышенно, нравственные совершенства Ее так велики, близость Ее

к престолу Господа Бога и Матернее дерзновение у Сына Своего так очевидны, что богословствующий ум, собирая образы для восхваления Царицы Небесной из мира видимого и невидимого, часто останавливается в благоговейном недоумении. Мы представим здесь несколько мест из творений святых Отцев, изображающих славу Пресвятой Богородицы.

Святой Прокл, архиепископ Константинопольский (V века), исчисляя лик святых, ублажает Пресвятую Деву преимущественными похвалами. «Все памяти святых, — говорит он, — достославны. Но ничто не равняется славою с торжеством Богоматери. Все они видели Христа только в гаданиях, а Она во чреве носила Воплотившегося. В мире нет ничего такого, что могло бы сравниться с Богородицею Мариею! Человек! преиди умом твоим все творения и смотри, может ли что сравниться или превзойти Пресвятую Деву Богородицу.

Пробеги землю, осмотри море, исследуй воздух, углубись мыслию в небеса, испытай все невидимые силы и скажи: есть ли другое подобное чудо во всех тварях? Небеса поведают славу Божию; ангелы служат Богу со страхом; архангелы поклоняются с трепетом; херувимы, не могущие зреть славы, ужасаются; серафимы, летая окрест, не приближаются и трепеща зывают: свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнены небеса и земля славы Его; воды не перенесли гласа (при укрощении бури на озере); облака служили колесницею при трубе воскресения; солнце, не стерпев поругания Творца, вострепетало; ад от страха изрыгнул мертвецов; верей адавы от одного взора сокрушились, — исчисли все чудесное и дивись превосходству Девы: Кого всякая тварь восхваляет со страхом и трепетом, Того Она неизъяснимо прияла в чертог Свой».

Святой Кирилл, архиепископ Александрийский (V века), обращается к Пресвятой Деве со следующими словами: «Благословляем Тебя, Богородице Марие, досто-

читимое сокровище всего мира, неугасимый светильник, венец девства, скипетр православия, храм неразрушимый, Мать и Дева. Благословляем Тебя, вместившая Невместимого во святой, девственный утроб, чрез Тебя Троица Святая почитается и прославляется; чрез Тебя крест честный чтится и поклоняется во всей вселенной; чрез Тебя небо торжествует, ангелы и архангелы радуются, демоны расточаются; чрез Тебя падшая тварь возводится на небо; Тобою вся тварь, подвергаясь идолослужению, приводится к познанию истины; Тобою святое крещение сообщается верующим; Тобою по всей вселенной утверждены церкви; Тобою язычники приводятся к покаянию».

«Но что говорить многое? Тобою воссиял едиnorodный Сын Божий — свет сидящим во тьме и сени смертной; Тобою апостолы проповедывали спасение язычникам; Тобою мертвые встают, Тобою цари царствуют, силою Святой Троицы. Но кто из людей мог бы по достоинству восхвалить прехвальную Марию?»

В выражениях, не менее возвышенных, прославляет Пресвятую Богородицу и великий богослов Православной Церкви святой Иоанн Дамаскин (VIII века). Он говорит: «Что чище Девы, что непорочнее Ее? Ее столько возлюбил Бог — высочайший и чистейший Свет, что чрез нашествие Святого Духа существенно соединился с Нею, и родился от Нее совершенным человеком, не изменяя и не смешивая свойств».

Нравственные качества Ее представляют для нас — для подражания нашего, высочайший образец совершенства. В ней не было порока: непорочная, Она была сосуд добродетелей. Все то, что предписано было законом ветхозаветным и открываемо законом Евангельским, все то Она исполнила со всею точностью. Что может быть выше Ее смирения? Посланник неба архангел Гавриил благовестует Ей, что Она родит Сына Вышнего — Мессию, Царя Царствующих; праведная Елисавета приветствует Ее как

Матерь Господа, — а Она не превозносится, даже боится сей чести: смутися о словеси ангела и признает Себя рабою Божию, на Которую призрел Господь; подвергается подозрению со стороны Иосифа и смиренно молчит, повинуется предрержащей власти и бежит во Египет.

Что также может быть совершеннее Ее нестяжательности? Дочь богатых родителей, Она пренебрегла всем, чем утешаются дочери человеческие, любя блага мира сего. Она не имела собственного дома и жила в убогой хижине Иосифа древодела; по смерти Сына Своего, Она не имела где подклонить главу Свою и жила в доме ближайшего ученика Христова.

Что может быть чище Ее целомудрия? Само ипостасное Слово Божие возрастало в ней и сделало утробу Ее своим чертогом. Святой Амвросий Медиоланский говорит о целомудрии Ее следующим образом: «в словах Богомудренна, говорила немного и в беседах была целомудренна». Когда ангел явился к Ней с благовестием о зачатии Сына Божия, Она, смущенная, отвечала: «како будет сие, идеже мужа не знаю?» (Лук, 1, 34).

А непоколебимое Ее мужество в перенесении величайших искушений и скорбей? Не упала Она духом, когда предстояли для Нее опасности при бегстве в Египет. А с какою твердостью, изумительною для всякого человеческого сердца, изумительною для всей природы видимой и невидимой, Она сопутствовала Сыну Своему, когда Он шел на страдания, присутствовала на Голгофе, когда Его распинали; стояла при кресте Его и была при погребении!

Какова была Ее преданность воле Божией, когда Она все существо Свое предавала в волю Божию: «се раба Господня!» Пусть Господь творит со Мною, что Ему угодно. Да будет воля Его! А молитва Ее к Богу!

Святой Амвросий говорит, что Богородица как будто всегда беседовала с Богом; большую часть жизни Своей Она проводила в молитве. И молитва Ее была так сильна,

что преклонила небеса, низвела Самого Бога, привлекла со всех концов мира святых апостолов. Она при Своей святости, при всем величии, не полагалась на свои благодатные силы, когда грозили Ей бедствия и несчастья. Она Сама научила нас, что Бог покровительствует всем благочестивым: «Милость Его в роды родов боящимся Его».

При такой высоте нравственных качеств Она не забывала исполнять всех обязанностей благочестия: подвергала Себя благопослушно, подобно крестившемуся от раба Сыну Своему и Богу, обряду очищения, по закону Моисееву, — каждый год посещала храм Иерусалимский, во время праздников.

Она более всего в мире любила Сына Своего и с какою материнскою нежностью заботилась о Нем. Увидя Его в храме посреди учителей, Она сказала: «Чадю, что сотвори нама тако? Се отец Твой и аз боляще искахом Тебе». Не просто искахом, но боляще; печаль о том, что мы не можем найти Тебя, повергла нас в болезнь! Так любила Сына своего, что радовалась и скорбела вместе с Ним, готова была и умереть с Ним.

При такой серафимской любви к Сыну Своему, Она не забывала и Своих ближних. Особенное почтение и уважение питала Она к Своим родственникам, так что, после получения радостной вести, — «воставши иде в горния со тщанием, во граде Иудов, и вниде в дом Захариин и целова Елисавет».

Любила и чужих. Святой Амвросий говорит: «Никого Она не оскорбляла, ничем не гнушалась и даже всякого убогого человека не презирала». Ничего особенного не имея, Она пред успением Своим, отдала бедным остальные одежды Свой. Имела чистую любовь к истинному благу отечества Своего. Ее дух радовался неизреченною радостью, душа Ее величала Господа за то, что Он восприял

народ Свой — Израиля, что исполнил те обетования, которые Он дал Аврааму и его семени!

Любила и врагов: из уст Ее не слышно было ни одного не только оскорбительного, но и нетерпеливого слова в то время, когда распинали Ее сына!

Святой Елифаний и Никифор говорят: «Во всяком случае Она сохранила досточтимую сановитость и постоянство. Говорила очень мало, только о необходимом и добром; слова Ее были сладостны; но слушала других и отдавала всякому должное почтение, в своих беседах сохраняла Она всегда благоприличие, никогда не смеялась и не приходила в смущение; обхождение Ее было кротко и без гнева.

Впрочем, этим описанием нравственных и умственных качеств Богоматери мы не могли, и отнюдь не чувствовали себя в силах, и, конечно, далеко не представляли совершенного образа Ее, далеко не вполне раскрыли все величие Ее. И не стыдимся сознаться в слабости своего слова, когда величие и слава Ее невыразимы и на языке ангельском. Пресвятая дева Мария сподобилась от Бога величайших преимуществ, каких не может более иметь никакая тварь.

«Прейди, — говорит святой Амвросий Медиоланский, — прейди умом твоим все творения и смотри, может ли что превысить, но даже сравниться со Святою Девой, Богородицею?» И подлинно, помыслим ли мы о чистоте Пресвятой Девы, представим ли обилие благодати, в Ней обитающей, вознесем ли мыслию к высоте Божественного Ее достоинства, мы найдем в Ней такие совершенства, каких не видим ни в одной из сотворенных тварей.

Чисты ангелы, но они таковы по благодати Божией; а Пресвятая Дева, одна из дочерей Евы, соделалась сосудом святости и непорочности Своею жизнью. Конечно, Сам Бог, благоволивший избрать Ее от родов древних, Сам освятил Ее Своею благодатию, но это освящение благодати Божией Она снискала и приумножила Своим беспример-

ным смирением, повиновением воле Божией и прочими добрыми качествами благочестия.

Мы видим, что, еще до непостижимого зачатия Сына Божия, архангел Гавриил называет Ее благодатною; но это приветствие было только еще на заре того света благодатных даров, каких Пресвятая Дева Мария сподобилась, когда Бог Слово воплотился от Нее.

А каких благодатных даров не сподобилась Пресвятая Дева во время более чем тридцатитрехлетнего пребывания Иисуса Христа на земле! Каких благодатных даров не стяжала Она в продолжение Своей земной жизни, всецело посвященной на приобретение и преумножение благодати!

А может ли язык наш изречь то обилие благодати и славы, какого Она сподобилась после восшествия Своего на небо!

Поистине, бесчисленны места творений святых Отцев, прославляющих Пресвятую Богородицу. Слава Ее так велика, чиста и лучезарна, что и мы должны сказать Ей с благоговением то же, что сказал святой Иоанн Дамаскин: «Хотя бы кто приписал Тебе бесчисленное множество похвал, однако не восхвалил бы Тебя достойно». И устами святого Козьмы Маюмского Церковь воспевает: «Недоумет всяк язык благохвалити по достоянию, изумевает же ум и премирный пети Тя, Богородице. Обаче, благая сущи, веру приими, ибо любовь веси божественную нашу: Ты бо христиан еси Предстательница, Тя величаем» (Канон на Богоявление, песнь 9-я).

Невозможно выразить словами то великое усердие, которым пламенют к Приснодеве сердца искренно верующих людей. Неимоверные страдания, которые Пречистая Дева претерпела на земле для дела воплощения и как Матерь гонимого Иисуса; безбрежная Ее вера и твердость в самых невыразимых, неимоверных испытаниях, больше же Ее великое милосердие, Ее забота и скорость в помощи

бедствующим, — все это навсегда усвоило Ей любовь и почтение сердец христианских.

«Никто же притекаяй к Тебе посрамлен от Тебе исходит, Пречистая Богородице Дево, но просит благодати и приемлет дарование к пользе прошения», — эта молитва, которую на Афоне поют ежедневно в конце вечерни, в кратких словах выражает крепкую, необоримую, неугасимую веру человечества в защиту Богоматери.

Святитель Димитрий Ростовский в таких бессмертных выражениях говорит о Богоматери: «Если бы кто меня спросил: что в поднебесной сильнее и крепче всего? — я бы ответил: нет ничего более крепкого и сильного на земле и на небе после Господа нашего Иисуса Христа, как Пречистая Владычица наша Богородица, Приснодева Мария. Сильна Она на земле: ибо стерла главу невидимого змия и поправа адскую силу, Ею воздвигаются победы, Ею ниспадают враги. Сильна Она и на небе: ибо Бога сильного и крепкого молитвами Своими связывает».

«Связывает, говорю, своими молитвами Бога, Которого некогда на земле связывала пеленами, ибо когда Он, прогневанный нашими грехами, хочет нас казнить, внезапно карая, Она простирала к Нему умоляющи руки Свои и удерживает Его мстительную десницу, чтобы не погубить грешников с их беззакониями».

Какая вера внушала эти дивные строки, и в какие чудные выражения сумел великий читатель Богоматери облечь свою мысль!

«Бога крепкого и сильного молитвами Своими связывает!»

Сложны чувства верующего христианина к Матери Божией: жгучее сострадание к Той смиренной Деве Назарета, Которая от дней рождения Христа жила под страшным пророчеством ожидавшей Ее муки: «Тебе оружие пройдет душу», ужас пред той вершиной страдания, до которой возведена была Ее душа на Голгофе; какая-то

неожиданная радость при воспоминании о слове, которым Христос с высоты креста в лице Иоанна усыновлял Ей каждого из нас: «Жено, се сын Твой!», «Се Мати твоя», — и умиленный восторг при мысли о силе и власти сияющей вечной Царицы Небес...

Мы нуждаемся в сердце всепрощающем, любящем нас не за то, что мы хороши или приятны, а за то, что мы существуем, что оно нас в себя вместило раз навсегда и уже не может от нас отказаться, как река не может не течь и звезда не может не сиять.

«Благодать Родившегося от Меня и Моя с сими иконами да будет!» — эти утешительные для христианина слова, как свидетельствует предание, были сказаны Царицей Небесной в то время, когда евангелист Лука представил Ей для благословения первые Ее иконы, написанные им для благочестивых христиан. В одном из тропарей Богоматери «Всех скорбящих Радость» читаем: «Всех скорбящих радости и обидимых заступнице, алчущих питательнице, странных утешение, обуреваемых пристанище, больных посещение, немощных покров и заступнице, жезл старости, Мати Бога Вышнего, Ты еси Пречистая, потщися, молимся, спастися рабом Твоим».

Взирая на изображения святых икон Божией Матери, сердце исполняется благодарностью и умилением: в них видна беспредельная любовь Господа к человеку и неизреченное милосердие Матери Спасителя нашего к нам, грешным. И нам ли, воспитанным в Церкви Православной, не ублажать Препоблагодословенную Деву, нашу Всемилощивую Заступницу, Помощницу в папастях, Споручницу грешных, Избавительницу от бед, Целительницу болезней душевных и телесных, умягчающую злые сердца? Нам ли не прибегать к Ней во всех скорбях и печалях, когда мы видим, что все люди и вся земля покрыты дивными знаменениями Ее милосердия? В тяжкие времена народных бедствий не погибло наше возлюбленное отечество, потому что

Царица Небесная осеяла его благодатным покровом Своего предстательства. Можно ли умолчать о чудных делах Ее милосердия к оставленному Ей в наследие роду человеческому? Сколько раз избавляла Она от опасностей и спасала от врагов и бедствий каждого из нас! Матерь Божия по обещанию Своему не оставила мира и во успении Своем: Она всюду является Радостию скорбящих, Охранительницею царств, Заступницею обидимых, Защитницею беззащитных. Прошло почти два тысячелетия после Ее благодатного успения, и не прекращаются знамения Ее могущественного и милостивого ходатайства за нас, бедных грешников. Она всех слышит, о всех милосердствует, никого не оставляет без помощи. Нет человеческой возможности исчислить все благодеяния нашей Заступницы, в молитвах не усыпающей!

Трудно и даже невозможно изобразить все чудотворные иконы, которые, как знамение попечения Царицы Небесной, сохраняются верующими и, как неисчерпаемый источник благодати Божией, изливают на всех людей дивную помощь и неисчислимые благодеяния.

Как бы ни были велики твои грехи, христианине, но, если случится с тобою какая беда, несчастье,— смело прибегай под державный покров Богоматери, и Она — Заступница усердная — защитит тебя от всякого зла. Пример сильного ходатайства Божией Матери за грешников весьма много.

В одной стране был могучий и отчаянный разбойник. Занимая пути и распутия, он с отважной шайкою бил, грабил и убивал всех встречных; но, находясь в таком погибельном состоянии, он, между прочим, имел добрый обычай — каждодневно совершать известное правило и читать молитвы, особенно молитву Богородице: «Богородице Дево, радуйся!..» Однажды некоторый подвижник-прозорливец проходил тем путем, где разъезжали разбойники. Они,

как дикие звери, схватили подвижника и представили спосуму атаману.

Перед атаманом прозорливец начал говорить: «послушай, чадо, я хочу открыть тебе и твоим товарищам великую тайну: прикажи для этого собрать сюда всех твоих подчиненных».

Атаман подал знак предстоявшим, и в один миг собрана была вся шайка разбойников.

«Все ли здесь,— оглядывая шайку, спросил подвижник,— или кого еще нет?»

— Один еще не пришел,— ответил атаман. «Ну, так позови и его»,— сказал старец. Позвали и последнего, но тот поморщился, пожал плечами и нехотя пошел к атаману. Едва только переступил он порог их лачуги, как вдруг затрясся всем телом, лицо свое отворотил в сторону от прозорливца и движением своих рук показывал, что он не смеет к нему подойти. «Заклинаю тебя именем Иисуса Христа,— воскликнул подвижник, не сводя глаз с этого прислужника атамана (а он был у него поваром),— скажи, кто ты и зачем здесь?»

«Я не человек,— закричал тот,— но демон, и от моего владыки сатаны приставлен наблюдать за этим атаманом, чтобы, как только оставит он правило свое и молитвы к Деве Марии, задушить его и похитить в ад... И вот уже 14 лет я для того только и нахожусь в услужении у него, но не могу его погубить единственно потому, что он каждый день, производя разбой, грабежи и убийства, вместе с тем не оставляет и ревности к молитве пред этою иконою (а икона была Пресвятой Богородицы). Тайная сила Марии не дает мне возможности не только погубить его, но и малейшего зла причинить ему».

— Исчезни же,— повелительно сказал подвижник,— и никогда не смей приближаться к тем, кто только молитвенно призывает имя всепетое Владычицы нашей Богородицы!

Как дым, исчез демон. Разбойники пали в ноги прозорливцу вместе с своим атаманом — и с той поры, бросивши разбой, исправили жизнь свою и в искреннем покаянии пред Богом оплакивали свои злодеяния.

Такова сила молитвы к Божией Матери.

Прибегай и ты, христианин, под защиту Царицы Небесной, чаще молись Ей: «Богородице Дево, радуйся!..», «Пресвятая Богородице, спаси нас!» — и Она — Всемиловитая Госпожа и Царица — защитит и сохранит тебя от всякого зла.

(«Земная жизнь Пресвятой Богородицы»)

ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Праздник этот один из излюбленных в нашем русском православном народе. Он был установлен в XII веке Русской Церковью, хотя историческим основанием для него было поражение наших полудиких предков и спасение от них, заступлением Богородицы, византийского Царьграда.

Русская Церковь празднует событие, происшедшее в давние времена и не в Русской земле, а на далекой чужбине — в греческом Царьграде уже более 1000 лет назад, когда не было еще и Русской Церкви. Событие это совершилось во храме Влахернском, в присутствии многочисленного народа, но зримо оно было лишь двумя друзьями о Господе, блаженным Андреем, Христа ради юродивым, и юным Епифанием, его учеником. Оба зрели, как в сем храме присутствовала, молясь о мире и людях, Сама Небесе и Земли Царица, и как осеняла Она молящихся пресвятым своим омофором. Кроме них, никто во храме не удостоился дивного сего и страшного видения, и через них уведала Церковь о радостном явлении Богоматери, кое днесь благовернии людие светло празднуем.

Кто же был сей Андрей, блаженный избранник, которому явила Богоматерь Свое посещение? В великом граде царственной Византии святой Андрей казался самым убогим, нищим, худородным. Под знаком вольного юродства о Господе утаил он от людей светлый свой дух и благодатную премудрость. Был он чужероден в Византии, еще с детства продан в неволю из славянского, скифского, родного нам народа. Быв возлюблен господином своим Феог-

носом, он получил в доме его эллинское просвещение и явил особую способность в книжном деле, почему был отмечен почетной должностью писца (нотара). Но его мудрость звала его от мирского звания к богомыслию, а богатство даров влекло его к нищете духовной. Следуя внутреннему зову, подкрепленному еще чудесным видением, сложил он все свои дарования к подножию креста, облекшись странным и смехотворным безумием. И под рубищем нищего сокрылись богатые ризы, под струпами и нечистотами утаилась духовная лепота. Он подъял подвиг юродства вместе с подвигами поста, нищеты, бесприютности, неустанной молитвы. Сего то безумного, сего странного, сего юродивого избрала в тайники Свои во Влахернах Божия Матерь. Не избран патриарх или кто-либо из епископского, священнического и иноческого чина, не избран царь со своими вельможами, не избран никто из мужей «ученых и разумных», которыми столь богата была Византия, никто из именитых мужей царствующего града. Но избрала Божия Матерь сего Андрея, паче всех себя умалившего, паче всех себя обюродившего. Совлечься ума, стать выше самого ума в святом юродстве — сей подвиг соделал носителя избранником Пречистой. Он зрел Ее не один, но вместе с благоговейным юношей, другом своим Епифанием. Сей юный возлюбил юродство наставника своего, он избрал себе в назидание не славу, не богатство и блеск, не ум и ученость в пышном и царственном граде, но смиренномудрие и безмерную любовь креста, за то и не разлучился он с другом своим в великом и страшном видении.

Это было в конце жизни блаженного Андрея.

Присутствуя на всенощном бдении во Влахернах, в последнюю стражу ночи он увидел, как Богородица входила во храм чрез царские (западные) врата в окружении воинств небесных и множества святых угодников Божиих, поддерживаемая руками сродника Своего Иоанна Предтечи, величайшего из рожденных женами, и возлюбленного

ученика Христова, Иоанна Богослова, на Кресте Ей усноповленного Господом.

Богородица приблизилась к амвону, и святой Андрей спросил Епифания: «видишь ли Госпожу и Царицу мира?». На что тот с трепетом ответил: «вижу, отче, и ужасаюсь».

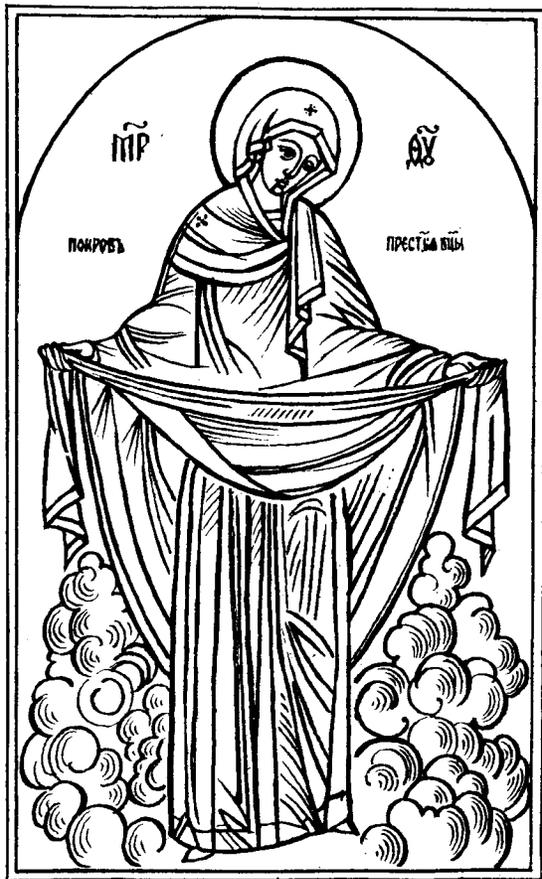
Помолившись, Пречистая сняла с головы Своей омофор, подобно молнии блиставшее покрывало, и простерла его над народом.

Святая Церковь празднует великое и радостное откровение о Светлом Покрове над миром, о великой любви Богородицы. Ибо не только в храме Влахернском тысячу лет тому назад молилась слезно Богородица, но молитесь всегда и до скончания века. И не только над присутствовавшими тогда во Влахернах простерся честной Ее омофор, но и над всем миром, и над всем родом человеческим, и над нами, грешными, сияет осеняющий и спасающий Покров Богородицы.

Божия Матерь является посредницей между землею и небом. Она есть Ходатаица о мире пред Престолом Славы Божией. Мир не оставлен в скорби своей, человек не одинок в печали. Ранится материнское сердце, вместе с нами плачет Богородица. Да ведаем же, чье сердце раним грехами; но и то да ведаем, что не забыты мы Матерью Божией, Коей близка всякая душа человеческая. Что больше сего утешения?

Возлюбила Русская земля день Покрова Богородицы, явленный славянину в далеком Царьграде, и в далекой стране полуночной стали радостно петь и ублажать осенение мира Богородицею. Приклонился душою народ наш к дивному сему явлению, воздвиглись храмы по всей земле Русской в честь Покрова Богородицы, и преклонил он колена сердца своего, вкупе с молящейся Богородицею.

Ныне, в великой скорби своей, народ русский православный осенен Покровом Владычицы. Она являет любовь Свою к избранным народа сего. Она являла им зрак Свой.

Ее стопы освятили землю нашу ради угодников Божиих. И ныне, в бедах и скорбях, разве не слышит Она стонов и воздыханий, разве не внемлет плачу и рыданию? Верим, что и днесь предстоит Милосердная с молитвой и плачем о русской доле. Да ведает сердце русское, когда молитвенно склоняется перед Пречистой, что не оставила Она Русскую землю, хотя и попущены ей сатанинские испытания. Тихим гласом — в явлении чудотворной Державной иконы Своей — возвестила в начальную годину искушений Богородица, что ныне Она на Русской земле Госпожа и Царица и содержит ее в Державе Своей. Она поведала верному сердцу, что спасена наша земля Ее Богородичной силой, хотя еще доселе не явлен путь сего спасения. Божия Мать умудряется избранных своих в великой скорби сущих. Она утверждает мучеников и исповедников. Она призывает пастырей.

Да не смущается дух наш убожества пред высокоумием. Владычица избрала убогого явить Покров Свой честный, и родовому открыла славу Свою. Ныне, как и встарь, в сердце верных горит радость Покрова Богоматери, радость о Ее молитве о мире. Господь рек: «просите и дастся вам», — всеильна молитва Матери Божией, которою молится Сам Дух Святой, на Ней почивающий. И если верим, что и днесь Дева предстоит в молитве, то ведаем, что ко благу совершается все, происходящее с нами. Да умолит нам Богоматерь великое терпение во спасение душ наших. Да воссияет над нами и в нас, в сердцах наших, и в стране нашей радость и свет Покрова Богоматери.

Т р о п а р ь (глас 4): Днесь, благовернии людие, светло празднуем, осеняеми Твоим, Богомати, пришествием, и к Твоему взирающе пречистому образу, умильно глаголем: покрый нас честным Твоим покровом и избави нас от всякого зла, молящи Сына Твоего Христа Бога нашего, спасти души наша.

Праздник — 1/14 октября.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ДОСТОЙНО ЕСТЬ»

Чудотворная икона Божией Матери «Достойно есть» находится в алтаре Протатского собора на Карее (св. Гора Афон).

Об этой иконе между святогорскими иноками сохранилось такое предание. Один старец жил отшельником с учеником своим в келье в расстоянии полуверсты от Карей; редко оставляли они свое уединение, и разве только по крайней нужде. Случилось так, что старец однажды, пожелав выслушать бдение под воскресенье в Карейском соборе, отлучился туда, а ученик его остался дома. Не совсем книжный, но благоговейный юноша совершенно не мог, а может быть, и не хотел в разнообразии песней духовных излить перед Богом чувства души своей; а потому, поручая себя особенному представлению Богоматери, более всего к Ней прибегал и Ее величал в простоте непорочного своего сердца. И в настоящий раз, оставшись в келье один, он, по наступлении вечера и ночи, немолчно пел пред иконою Небесной Царицы вытверженную им песнь Церкви: «Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим» и прочее, не прилагая более никаких славословий, кроме вздохов умиленной души. Чем более пел юный инок, тем отраднее, тем живее трепетало его сердце от чувств признательности к Славнейшей горних Сил нашей Заступнице; смиренный голос его звучно отзывался в убогих стенах кельи и, переливаясь из тона в тон и из звука в звук, непонятным для него самого образом, проникал в небо и

доносился до славимой там от ангелов — Матери Божией, с материнской любовью назирающей певцов своих. Тогда как распевал таким образом свои сердечные чувства благоговейное чадо святогорской пустыни, внезапно является пред ним прекрасный юноша. Между ними завязался разговор. «Что ты делаешь?» — спрашивает инок явившийся. «Да вот, пою Честнейшую!» — простодушно отвечает тот. «Ну-ка спой: я послушаю, как ты поешь», — прибавил явившийся. Скромный инок, не изменив ни чувств, ни голоса, запел с трогательным умилением заученную им песнь: «Честнейшую Херувим». «Ты не так, брат, поешь, и не по-нашему», — заметил явившийся, выслушав до конца пение инок. «У нас не так величают Божию Матерь». — «Как же?» — спросил удивленный инок. «А вот как», — проговорил тот и запел: «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего». А после этой песни мы уже припеваем и «Честнейшую...», — прибавил прекрасный гость и замолчал. «Прости Бога ради, — начал тогда инок, — я так научился от своего старца петь и до сей поры еще не слышал такой песни — «Достойно». Хорошо было бы, если б ты мне написал: я бы ее вытвердил; а то я такой беспамятный, что наизусть, без записки, что ни выучу, через час все и забуду». — «Изволь, брат, дай бумагу и чернил: я тебе запишу, для памяти песнь нашу». Инок кинулся искать, и не нашел ни лоскута бумаги и ни капли чернил. С прискорбием возвестил он своему гостю, что, занимаясь молитвою и рукоделием, редко нуждаются они в бумаге и чернилах, потому и не имеют их в настоящее время. «Что же я теперь буду делать?» — сказал инок явившемуся. — «Выучить бы крайне хотелось, а уж, верно, без записки — забуду». — «Когда так, то не беспокойся, брат, — отвечал тот, — я тебе напишу для памяти эту песнь вот на этом камне, и ты, заучив ее, сам так пой и скажи всем христианам, чтобы так славословили Пресвятую Богородицу». Тут явившийся

юноша подошел к близлежащей каменной плите и перстом начал писать на ней сию Богородичную песнь. Как воск умягчился камень под рукою таинственного посетителя; пишущий перст его глубоко врезывался, и слова четко и ясно отпечатывались на камне. «Не забудь же сказать, чтоб отселе все так славословили Божию Матерь», — повторил еще явившийся иноку и, как молния, исчез от изумленных его взоров. Радостный трепет объял скромного инока при виде исписанной доски; он недоверчиво ощупывал несколько раз и, перечитывая, вытверживал чудесные слова удивительного юноши. К рассвету песнь Божественная торжественно звучала уже в устах бдительного отшельника; он всю ночь провел без сна в признательности Господу и Его Пречистой Матери, и старец, возвратясь с Кареи, застал его поющим чудную песнь. Новизна ученической песни поразила старца.

«Где ты выучился петь так?» — спросил старец ученика своего, и тот рассказал ему случившееся и указал на чудный камень, исписанный рукою незнакомого посетителя. Долго стоял над камнем изумленный старец; несколько раз перечитывал он Божественную песнь и, рассматривая письма неземного перста, не постигал свершившегося чуда. «Что ж ты не спросил явившегося тебе юношу, кто он и как его имя?» — сказал, наконец, по долгом раздумьи старец ученику своему. «Прости, отче, — отвечал он, — я и забыл про то. Помнится только, что он назвал себя Гавриилом». «Так ты и не понял, какой Гавриил был у тебя в келье?» — прибавил старец с улыбкой, и, став перед иконою Богоматери на том самом месте, где пел «Достойно есть» явившийся юноша, в слезах сердечного умиления и признательности, он запел славословие Богоневестной Матери. Ученик его присоединился к нему; и кто может выразить вполне их отшельнические чувства в эти мгновения? Того же дня старец явился к проту, рассказал обстоятельно про все случившееся в его отсутствие с его учени-

ком, представил даже и самый камень пред собор святогорских старцев, которые едиными устами и единым сердцем прославили Господа и воспели новую песнь: «Достойно», рождшей Его Препоблагословенной Деве Марии. Вслед за тем было донесено святейшему патриарху и царю о чудесном явлении святого Архангела Гавриила святогорскому иноку. В подтверждение истины представлен был при донесении к ним и самый камень, чудесною рукою исписанный. С той поры начала звучать и звучит в устах Церкви Христовой радостная песнь «Достойно» достойной славы и божественного величия Приснодевственной Марии, Матери Бога нашего.

(«Земная жизнь Пресвятой Богородицы»)

ИВЕРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Эта святая икона во время иконоборчества принадлежала одной благочестивой вдове, жившей около города Никеи со своим единственным сыном. Питая особенное благоговение к святой иконе, добродетельная вдова хранила ее в церкви, устроенной ею близ своего дома. В царствование Феофила иконоборца посланные им повсюду истреблять святые иконы пришли и к благочестивой никейской вдове. Один из воинов-сыщиков, увидев святую икону, в ожесточении ударил мечом в ланиту Богоматери, изображенной на иконе. Но к ужасу воина из язвы потекла кровь. Пораженный этим чудом, воин с раскаянием пал пред иконою Богоматери и оставил ересь (а впоследствии принял иночество). По совету раскаявшегося воина вдова решила скрыть святую икону, чтобы спасти ее от поругания. После усердной слезной молитвы пред иконою Богоматери, благочестивая женщина пустила святую икону в море, моля Богоматерь сохранить икону от потопления, а ее сына от злобы нечестивого царя. К великой радости своей вдова увидела, что святая икона в прямом положении поплыла по волнам по направлению к западу. Удаляясь от гонения, сын благочестивой вдовы, по ее совету, ушел из Никеи и, поселившись на Афоне, мирно скончался здесь, проведя жизнь в иноческих подвигах. От него афонские иноки слышали об иконе, пущенной его матерью на воду, и предание об этом хранилось между старцами. Спустя много лет эта святая икона явилась «в столпе огненном» на море, близ

Иверской обители, на Афоне. В это время жил в Иверской обители святой старец Гавриил, родом из Грузии. Богоматерь явилась ему во сне и повелела возвестить настоятелю и братии, что Она желает дать им Свою икону в помощь и заступление, повелев старцу без боязни приблизиться по воде к святой иконе и принять ее своими руками. «Исполняя глагол Богоматери», преп. Гавриил, «по воде аки по суху ходя», взял святую икону и вынес на берег. Иноки с благоговением встретили ее на берегу, внесли в обитель и поставили в алтарь. На следующий день перед утреней они не нашли святой иконы на том месте, где она была поставлена. После долгих поисков ее нашли на стене над монастырскими воротами и отнесли на прежнее место, но на следующее утро нашли ее опять над воротами. Такое перенесение и возвращение повторялось несколько раз. Вследствие этого был построен храм над воротами обители, в котором святая икона пребывает и донныне. По имени обители она называется Иверскою, а по месту пребывания ее над воротами — Вратарницей. Неисчислимы чудеса и исцеления, бывшие от святой иконы Иверской Вратарницы. Много раз Иверская обитель, находящаяся на берегу моря, подвергалась нападениям врагов, но чудесное заступление Богоматери сохранило ее и донныне.

В нашем отечестве есть несколько прославленных чудотворениями списков со святой Иверской иконы. Еще при Никоне (Новоспасском архимандрите, а впоследствии Всероссийском патриархе), по его просьбе, были присланы две точные копии (одна — в 1648 г. 13 окт., а другая — в 1656 г. 12 февр.) с Афонской Иверской иконы, написанной на Афоне при посте и молитвах всей Иверской братии. Первая святая икона, как утверждают некоторые, есть та самая, которая находилась в Москве, в часовне у Воскресенских ворот (с 1669 г.); вторая — находилась в Иверском Свято-Озерском монастыре (Новгородской епархии). Кроме того, известны еще чудотворные Иверские иконы:

в Софрониевой пустыни (Курской епархии), в Моздоке (Терской области), в Козельце (Черниговской епархии), в Ставрополе, в Николаевском Бабаевском монастыре (Костромской епархии) и в Троицком монастыре (в Смоленске). Особенным почитанием пользуется Иверская икона, находившаяся в Москве, в часовне у Воскресенских ворот. Уже с 1693 года встречаются сведения, что эта святая икона пользовалась особым благоговейным почитанием жителей столицы и была носима по домам. С того времени благоговейное почитание святой иконы более и более возрастало. Каждодневно с раннего утра и до позднего вечера святая икона путешествовала по городу, источая исцеления и утешения болящим и скорбящим. Эта Иверская икона Богоматери составляет предмет благоговейного почитания не только жителей Москвы, но и всей России, не только православных, но и старообрядцев, и даже иноверцев. Глубокопоучительный пример почитания чудотворной иконы подавали Высочайшие Особы. Каждый раз, приезжая в Москву, они считали своим долгом посетить Иверскую часовню и приложиться к святой иконе Богоматери. Насколько усердно почитали святую икону жители Москвы и приезжавшие в эту столицу, — можно видеть из того, что, начиная с раннего утра и до вечера, часовня постоянно была переполнена молящимися. Кроме общих молебнов, почти непрерывно в часовне служились молебны заказные. На общие молебны стекались богомольцы со всех концов Москвы. Без преувеличения можно сказать, что едва ли в Москве нашелся бы человек, который в продолжение своей жизни не прибегал бы с молитвою к святой иконе Иверской Богоматери и не находил бы в этой молитве надежды или утешения. В 1869 году Москва торжественно праздновала 200-летие святой иконы Иверской.

В Афонской Иверской обители празднество в честь святой иконы совершается во вторник на Пасхальной неделе.

Т р о п а р ь (глас 1): От святые иконы Твоя, о Владычице, исцеления и цельбы подаются обильно, с верою и любовью приходящим к ней: тако и мою немощь посети, и душу мою помилуй, Благая, и тело исцели благодатию Твоею, Пречистая.

КОЛОМЕНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ, ИМЕНУЕМАЯ ДЕРЖАВНОЙ

Державная икона Божией Матери явила себя русскому православному народу 2/15 марта 1917 года в селе Коломенском близ Москвы. В том же году сведения о ней появились в журнале «Душеполезный Собеседник» за октябрь. Вот краткая ее история.

Явление Державной иконы Божией Матери в 1917 году не было неким обновлением, но просто обнаружением старой иконы в подвале церкви Вознесения в селе Коломенском. Отец Николай Лихачев, под воздействием крестьянки Евдокии Адриановой, занялся вместе с ней поисками иконы Божией Матери. Адрианова явилась из деревни Перервы, Боровицкого уезда, Жирошкинской волости. Ей несколько раз во сне было указано идти в село Коломенское для обретения иконы Божией Матери.

Сначала Адрианова сама не посмела действовать и выжидала. Второй раз, после усердной молитвы о помощи и разъяснении сна, Адрианова уже увидела во сне белую церковь, а внутри ее узнала Царицу Небесную в виде величественной женщины, восседавшей там. Однако лика Богородицы она не видела, но догадалась сердцем, Кто это был. Второе явление случилось 26 февраля, и Адрианова ясно понимала, что теперь задерживаться нельзя. В первом сне, 13 февраля, она хотя и ничего не видела, но ясно слышала слова:

«Есть в селе Коломенском большая черная икона, ее нужно взять, сделать красной, пусть молятся».

Сопоставляя первое сновидение со вторым и зная точно, куда ей нужно идти и какую белую церковь отыскать, раба Божия Евдокия говеет, приобретает Святых Таин и пускается в путь.

2 марта 1917 года Адрианова нашла белую церковь, виденную ею во сне. Настоятель храма, к которому она обратилась, не возбранил ей осмотреть все иконы в церкви, сопровождая ее, но, вероятно, вначале доверия к ее сну не имел.

Не нашедши ничего похожего в храме, о. Николай предложил посмотреть иконы, находившиеся в подвале церкви, но разным причинам сложенные там. Среди тех икон выбрали самую большую, покрытую вековой пылью. Решили омыть эту запыленную икону, и к удивлению всех на ней ясно обрисовалось изображение Божией Матери, сидящей на троне. По мере приведения иконы в порядок, обнаружилось, что Младенец-Христос на коленях Божией Матери простер благословляющую руку. Владычица имела в одной руке скипетр, в другой — державу, а на голове Ее была корона. Красная мантия или порфира на плечах Божией Матери была на зеленой подкладке. Зрелище казалось потрясающим, при необыкновенно суровом лице Богоматери Она имела царственный вид.

Адрианова признала в этой иконе виденное ею во сне; она упала на колени и поклонилась Владычице. По ее просьбе священник сейчас же отслужил молебен с акафистом перед обнаруженной иконой Божией Матери, а Адрианова со слезами благодарила Владычицу, способствовавшую ей найти икону.

Слух о вновь найденной иконе быстро распространился не только в селе Коломенском; богомольцы стекались в церковь Вознесения из Москвы и других мест, получая от Божией Матери благодатную помощь.

В «Сергиевских Листках» № 18 описано прибытие Державной иконы Божией Матери в Марфо-Мариинскую обитель в Москве, где икона была встречена великой княгиней Елизаветой Федоровной и другими сестрами с большим торжеством.

Икону возили в тот год на фабрики и заводы, а также и в другие церкви, только по воскресным и праздничным дням она оставалась в селе Коломенском.

По некоторым сведениям установлено, что Державная икона Божией Матери до 1812 года принадлежала Вознесенскому женскому монастырю в Москве. Что в год нашествия Наполеона на Москву она была спрятана в селе Коломенском и, вероятно, забыта там в течение 105 лет, пока не явила себя в положенное Господом Богом время.

Нельзя не отметить еще той особенности, что икона эта обнаружилась в совсем особое время, то есть в начале русского лихолетия. День ее явления совпадал с днем отречения от престола последнего царя, а царственный вид иконы, скипетр и держава словно подчеркивают, что Владычица приняла на Себя и опеку, и окормление верных чад Церкви Российской. Знаменательна и алая порфира Богоматери, словно отражающая цвет крови...

Икона Пресвятой Богородицы, именуемая Державная, празднуется 2/15 марта.

Т р о п а р ь (глас 4): Ангелов лица благоговейно Тебе служат и вся небесные силы немолчными гласы Тя ублажают, Богородице Дево: усердно молим Тя, Владычице, да пребудет божественная благодать на честной иконе Твоей Державной, и светозарный луч славы чудес Твоих да нисходит от нее на всех, с верою Тебя молящихся и вопиющих Богу: Аллилуя.

(«Земная Жизнь Пресвятой Богородицы»)

ЛЕСНЯНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Леснянская икона обретаена 14 сентября 1683 года пастухом села Лесны Бельского уезда Гродненской губернии Александром Стельмашуком в густой чаще на грушевом дереве, окруженная ярким сиянием.

Недолго пробыла святая икона у пастуха Макарука. Была отобрана польским помещиком-католиком. Постывшие его несчастья заставили помещика передать святыню в православную церковь деревни Букович, близ Лесны. Затем вновь была отнята католиками и поставлена в костел, позже, в 1863 году, переданный православным. В то же время была возвращена и святая икона.

Икона вырезана на темно-красном овальном камне. Насчитывалось до 500 чудес от образа. Празднование совершается на Троицын день и 8 сентября (Тальберг Н. Краткие сведения о чудотворных иконах Божией Матери. 1951).

В связи со второй мировой войной и политическими событиями, находится во Франции в Леснянском женском монастыре в Провемонте.

В связи со второй мировой войной и политическими событиями Леснянский монастырь претерпел много бедствий, но видел и много милости Божией. Монастырь возглавляется игуменией Феодорой (в миру — кн. Львова) — третьей по счету игуменией этого монастыря.

Тропарь (глас 4): К Богородице прилежно ныне притецем, грешнии и смиреннии, и припадем в покаянии зовуще из глубины души: Владычице, помози на ны милосердвоавши, потщися, погибаем от множества прегрешений: не отвори Твоя рабы тщы, Тя бо и еси ну надежду имамы.

СВЯТАЯ ВЛАДИМИРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ В ХАРБИНЕ

В монастырь была кем-то принесена икона в очень плохом состоянии. Думали даже, что такую икону нельзя держать в храме. Но 26 августа 1925 года, в день праздника иконы Владимирской Божией Матери, произошло нечто шумительное.

О, чудо! Икона мгновенно стала светлеть подобно тому, как под влиянием солнечных лучей рассеивается туман, и как бы очищаться от пыли и грязи, накопившейся от времени. Не прошло и нескольких минут, как икона приняла чудный блестящий вид.

Всечестная Матушка Игуменья Руфина показывала ее присутствующим в храме сестрам и мирянам со словами: «Смотрите, смотрите, совершается чудо!.. Икона обновляется».

Все должны были убедиться, что действительно совершилось необычайное чудо милости Божией и что святая икона воистину внезапно обновилась. Все уверились, что лик Пречистой Богоматери, раньше темный и едва заметный, теперь просветлел и представлялся взору присутствующих как бы только что написанным! Фольговая риза на иконе ярко заблестала, точно только что наложенная каким-то таинственным художником. Венчик над ликом Пречистой Богоматери засиял переливающимся светом, и только кое-где остались темные пятна, как бы в удостоверение совершившегося чуда обновления и как бы в напоми-

вание о прежнем состоянии иконы. Так что для людей казалось малоценным, ничтожным, как о. Георгий выразился: «благодать Божия нашла нужным сделать драгоценным»...

Чудесное обновление иконы «Владимирская» Божией Матери совершилось в два часа пополудни в присутствии семи человек.

Спустя час перед обновленным образом был отслужен первый молебен, по стечению обстоятельств, а вернее, по промыслу Божию, — вышеупомянутым иеромонахом о. Георгием, который в буквальном смысле рыдал перед обновленным образом, пораженный совершившимся чудом.

В ближайшее воскресенье было совершено моление ныне в Бозе Почившим митрополитом Мефодием, который интересовался всеми деталями этого необычайного чуда обновления, и затем подробно описал его в своем труде «О знамении обновления святых икон», изданном им в 1925 году (с. 81—84).

Верующая душа не может не обратить внимания на знаменательное совпадение событий. Обновление святой иконы совершилось в день празднования ее, установленного святой Православной Церковью. Матерь Божия, не раз спасавшая Русскую землю от разорения, чудом обновления не свидетельствует ли, что близится время, когда Она своей молитвой спасет вновь Русскую землю, «если все мы изгнанники земли Родной, с воплем крепким припадем к чудотворному образу Царицы Небесной и едиными устами и единым сердцем возопием к Ней: Матерь Божия, спаси землю Русскую — то неужели же Она не услышит нас? Нет, возлюбленные, Она услышит, Она умолит возлюбленного Сына Своего, преклонит праведный гнев Свой на милость, если только... покаемся и дадим обещание направить жизнь свою по заповедям Божиим» (Завет Игумении Руфины в книге «Ко дню празднования Иконы Божией Матери «Владимирская». С. 17).

От этого чудесно обновленного образа, которым красуется наша Святая Обитель, доныне источаются бесчисленные чудеса. В исторических судьбах нашего многострадального отечества виден промысл Божий и всемогущая помощь и заступничество Царицы Небесной. Недаром проникнутые страхом Божиим и христианским подвигом святые угольники Божии и подвижники называли Русскую землю «уделом Пресвятой Богородицы». Великое и неизреченное счастье, что мы, русские православные люди, имеем Заступницу и Помощницу в скорбях и бедах — Пресвятую Владычицу Богородицу.

Невзирая на такой неоспоримый и доказанный факт, среди некоторых православных христиан, к сожалению, нашлись малодушные люди, никак не представляющие себе обновления икон, а некоторые дерзали высказываться, что все это явилось плодом больного воображения почившей Матушки Игумении Руфины, но дальнейшие события указывают, что это явление действительно чудо. Пречистая Владычица дала сему чудному и дивному Своему образу особый дар исцелять болящих, утешать скорбящих.

Не было случая до сего дня, чтобы Владычица не услышала с верою приходящих и молящихся пред Ее честным Образом «Владимирская». В различных изданиях к пятидесяти и десятилетнему дню великого события — обновления честного Образа Владычицы описаны чудеса, явления от сего святого Образа. Поистине для Владычицы невозможного нет, и все зависит от нас — с каким чувством и душевным настроением мы сами подходим к сей Святыне. Она же, Милостивая Мать всех обездоленных, ждет от своих чад только зова, только сердечного искреннего вопля, и тогда помощь Ее не замедлит.

Во время совершения всеобщей под Покров 30 сентября ст. 1925 года, одна верующая женщина пожертвовала в храм Обители пелену. На вопрос покойной Матушки Игумении Руфины: «Вы, вероятно, о чем-то хотите просить Вла-

дычицу?» — женщина уклончиво ответила: «Владычица знает».

Это происходило в момент пения «Хвалите имя Господне». Матушка Игуменья возложила пожертвованную пелену на святой чудесно обновленный образ Владычицы «Владимирская» со словами: «Владычица, исполни то же желание, что хотят получить от Тебя сделавшие это приношение».

Прошел Покров, и дальше дни шли за днями в трудовой жизни монастыря. Но вот в день престольного праздника в храм Обители в честь святого великомученика Дмитрия Солунского, 26 октября, после Божественной Литургии, которую совершал в Бозе почивший митрополит Мефодий, пришла женщина и поведала о своем исцелении от тяжелой болезни — паралича, лишившего ее дара речи. По словам пришедшей, более полугода она лежала в постели без движения. Перед Праздником Покрова ее дочь решила сделать в монастырь пелену для иконы Божией Матери и попросить об исцелении болящей. Когда дочь ушла в храм, больная лежала у себя, а в соседней комнате при огне беседовали остальные члены семейства... Вдруг ярко блеснула молния, больная испугалась, вскочила и свободно, точно не была лишенной дара речи, спросила:

— Деточки, что это, молния?

Пораженные происшедшим дети ответили, что никакой молнии не было.

Из сопоставления моментов рассказа большой ясно было, что чудо совершилось именно в тот момент, когда покойная Матушка Игуменья Руфина возлагала пелену на образ Божией Матери «Владимирская».

Это было первое чудо, отмеченное в Обители после обновления образа Божией Матери «Владимирская». За ним последовало многих других, записанных и незаписанных.

«Никто же притекая к Тебе посрамлен от Тебе исходит, Пречистая Богородице Дево, но просит благодать и приемлет дарование к пользе прошения», — эта молитва, кото-

рую на Афоне поют ежедневно в конце вечерни, в кратких словах выражает крепкую, необоримую, негасимую веру человечества в защиту Богоматери.

В настоящее время эта святая икона находится в Богородице-Владимирской обители в Сан-Франциско, Калифорния. Настоятельницей монастыря является Всечестная Матушка Игуменья Ариадна. В 1973 году 9 декабря исполнилось 35 лет, как Матушка Ариадна стала игуменьей. И все эти годы святая обновленная икона всегда находится с Игуменией Ариадной. Сама Матушка Игуменья твердо хранит заветы Христовы, и многие сотни людей ежегодно получают от скромных трудов обители посильную помощь в нуждах своих.

Т р о п а р ь (глас 4): Днесь светло красуется славнейший град Москва, яко зарю солнечную восприемии, Владычице, чудотворную Твою икону, к ней же ныне мы притекающе и молящися Тебе, взываем сице: О Пречудная Владычица Богородице, молися из Тебе воплощенному Христу Богу нашему, да избавит град сей и вся грады и страны христианские невредимы от всех навет вражиих и спасет души наша яко Милосерд.

Праздники иконы: 21 мая ст. ст. (3 июня н. ст.); 23 июня ст. ст. (6 июля н. ст.) и 26 августа ст. ст. (8 сентября н. ст.).

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТИ»

История Харбинского Обновленного Образа

В двадцатых годах нынешнего столетия на Дальнем Востоке, в городе Харбине, молодой еще тогда епископ Нестор своими трудами и заботами основал «Дом Милосердия» — благотворительное учреждение-приют как для престарелых и больных людей, так и для детей-сирот.

При этом «Доме Милосердия» владыкой Нестором был устроен и освящен храм в честь Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радости». Узнав об этом, одна из ближайших сотрудниц владыки, глубоко верующая православная русская женщина Екатерина Ивановна Курмей, пожертвовала для храма свою собственную икону этого названия. Старинная эта икона к тому времени настолько потемнела от времени, что на ней почти невозможно было разглядеть лики святых угодников Божиих, а тем более прочесть надписи на иконе.

Однажды днем настоятель церкви, ныне покойный, священник о. Иулиан Сумневич (пользовавшийся особым почитанием православных харбинцев за свою духовную настроенность и безупречную жизнь) заметил, что древняя икона начинает светлеть и обновляться... Не доверяя себе, он решил выждать некоторое время; но обновление шло быстро, и через несколько часов икона посветлела настолько, что чудо обновления стало совершенно несомненным и явным для всех подошедших к иконе и знавших прежний

ее вид. А в течение суток святой Образ просветлел совершенно, лики угодников Божиих и надписи на Иконе стали отчетливы и ясны настолько, что можно было подумать, что Образ написан совсем недавно...

Поразительное чудо Божией благодати всколыхнуло весь город... Старые харбинцы помнят хорошо это событие. Отовсюду стали приходить верующие люди к новоявленной святыне на поклонение и на молитву — и обновленный Образ стал одной из главных святынь не только храма, но и всего православного Харбина.

В Харбине в это время жили благочестивые супруги В. Е. и А. И. Крисламовы. У них была прислуга — молодая девушка, по имени Шура. Как раз перед чудом обновления Образа эта девушка угорела так тяжело, что врачи предупредили ее хозяйку о неизбежности рокового конца. Очечаленная хозяйка стала горячо молиться пред святым Образом о спасении этой молодой жизни — и вопреки приговору врачей больная осталась жива и поправилась... Значительно позднее, уже в эпоху владычества на Дальнем Востоке китайских коммунистов — в 50-х годах, — произошел следующий случай. Одна женщина после многих затруднений и хлопот получила документы, необходимые для выезда за границу из Китая, и, получивши их, потеряла — уронила на улице. Обнаружив эту потерю, она буквально побежала в храм «Дома Милосердия», стала молиться перед святым Образом и после молитвы нашла свои документы в целости и сохранности, хотя обронила их на многолюдной улице...

Когда последний настоятель храма «Дома Милосердия» архимандрит Филарет (ныне митрополит) также после больших затруднений выехал из Харбина в Австралию, а оттуда в США, Обновленный Образ продолжал оставаться, как и другие святыни, в этом храме, который был закрыт после отъезда настоятеля, а его святыни и утварь перешли в распоряжение китайского правительства. После дол-

гих, напряженных и трудных хлопот исполнявшей в последние годы обязанности церковного старосты З. Л. Тауц-Зверевой удалось добиться разрешения на вывоз святынь за границу. И только осенью 1965 года, во время поездки владыки митрополита Филарета в Европу, Обновленный Образ, после длительного пребывания в Гонконге, был отправлен в США и прибыл в Синодальный Собор Русской Зарубежной Церкви, где он и находится в настоящее время.

ВЛАДИМИРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ, БЫВШАЯ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Образ этот теперь находится в женском Ново-Дивеевском монастыре под Нью-Йорком. Он тесно связан с эпохой разорения России и русского православия.

Когда в 1923 году разорялась Оптиная Пустынь — одно из наиболее духоносных мест России, — то все там подвергалось поруганию. Иконы, выносимые из церквей и келий, сваливались в кучу на земле для уничтожения. Среди женщин, с плачем наблюдавших происходящее, была схимонахиня Евдокия, которой удалось подобрать образ Владимирской Божией Матери. Она знала, что этот Образ был среди икон, находившихся в свое время в келье известного оптинского старца — отца Амвросия.

Когда большевики уничтожили воскресенье, превратив его в очередной рабочий день, то в Киеве по воскресеньям стали служить «зараннюю» литургию в 5 часов утра. По поручению отца Михаила Едлинского, известного духовника киевского духовенства, молодой священник, отец Адриан Римаренко, после этих «заранних» литургий служил в Борисо-Глебской церкви акафисты Владимирской Божией Матери.

Отец Адриан по просьбе отца Михаила сносился с инокками, изгнанными из Оптиной Пустыни и временно находившимися в городе Козельске, о передаче в Киев одной

из тех икон Владимирской Божией Матери, что была в Оптиной. В ответ на это в Киев была передана та самая икона Божией Матери Владимирская, которую удалось спасти из разоряемой Оптиной Пустыни. Надо сказать, что в те годы, когда Россия лишилась недавно избранного Святейшего Патриарха Тихона, в народе очень возросло почитание Владимирского Образа Божией Матери. Это было связано с тем, что как в древности, так и при избрании Патриарха Тихона жребий с именем одного из трех кандидатов, получивших большинство голосов на всероссийском Соборе 1917 года, вынимался перед древним чудотворным образом Владимирской Божией Матери в Кремлевском Успенском соборе. Когда Россия лишилась Патриарха Тихона, все молитвы и надежды осиротевшей Руси обратились к святому образу Владимирской Богоматери, ища у него попечения о судьбах отечества и Церкви.

Впоследствии, когда большинство церквей Киева было закрыто, этот образ Владимирской Божией Матери, спасенный при разорении Оптиной, сохранился в семье Римаренко. Во время второй мировой войны образ был протоиереем Адрианом Римаренко (ныне Андрей, архиепископ Роклэндский) вывезен из России. Святой образ находился во время войны в Берлине, а потом в Вестерхайме и Вейндлингене (Германия), где спас отца Адриана с его группой: во время боя между американскими и немецкими танками загорелся дом, где находилась эта группа. Тогда отец Адриан, подняв над головой образ Царицы Небесной, а за ним несколько десятков православных людей, бывших с ним, теснимые огнем, ринулись вперед по полю, на котором происходила танковая дуэль, и прошли невредимыми между дулами вражеских орудий.

С тех пор перед святым образом неукоснительно читается акафист.

Покойный первоиерарх Православной Русской Церкви за рубежом, митрополит Анастасий благословил этой ико-

ной о. Адриана с его сотрудниками на путь в Америку. При переезде в Соединенные Штаты святой Образ имеет постоянное пребывание в женском Ново-Дивеевском монастыре.

Настоятельницей монастыря является Всечестная Матушка Игуменья Христина. Строителем же монастыря и его духовным отцом является высокопреосвященнейший Андрей, архиепископ Роклэндский. Владыка Андрей, как было сказано выше, имел связь с оптинскими старцами. От них он получил многое, и теперь является сокровищницей — носителем их духа, любви, учительства и руководства к исправлению греховной жизни и к достижению Царства Небесного.

Т р о п а р ь (глас 4): Днесь светло красуется славнейший град Москва, яко зарю солнечную восприемши, Владычице, чудотворную Твою икону, к ней же ныне мы притекающе и молящися Тебе, взываем сице: О Пречудная Владычице Богородице, молися из Тебе воплощенному Христу Богу нашему, да избавит град сей и вся грады и страны христианские невредимы от всех навет вражиих и спасет души наша яко Милосерд.

Праздники иконы: 21 мая ст. ст. (3 июня н. ст.); 23 июня ст. ст. (6 июля н. ст.) и 26 августа ст. ст. (8 сентября н. ст.).

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ОДИГИТРИЯ», — «НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА», — «ИСЦЕЛИТЕЛЬНИЦА», — «СКОРОПОМОЩНИЦА».

В 1939 году на шестой неделе Великого Поста Матушка Игуменья Мария получила из Бейрута телеграмму от одного благочестивого знакомого араба с просьбой приехать в Бейрут, чтобы принять от митрополита Илии Караманлику Икону.

При передаче святой Иконы митрополитом Илией в Бейруте выдана грамота, где сказано, что эта Икона передается Игуменье Марии и Обители в собственность и что именуется она — Одигитрия, Неопалимая Купина, Исцелительница, Скоропомощница.

В 1554 году в селении Рихание, на Ливане, сгорела церковь, но огонь не коснулся Святых Даров, ни этой Иконы Пресвятой Богородицы «Одигитрии». И вот тогда церковные власти присоединили ей еще наименование «Неопалимая Купина». Народ стал с почитанием и верою прибегать в молитвах к святой Иконе, получая утешение.

Как-то была там моровая язва и чума. Множество людей умирало. Епископы с клиром стали обходить зараженные места крестным ходом с этой святой Иконой. И где она проходила — эпидемия прекращалась сразу. Видя это чудо, церковные власти еще присоединили ей наименование «Целительница».

Люди во множестве стекались к святой Иконе в разных нуждах своих и получали по вере и молитвам скорую помощь и просимое. И тут снова церковные власти положили дать ей наименование — «Скоромощница».

Эта святая Икона находилась все время в селении Рихание, очень почитаемая православным населением.

Когда епископ Илия был назначен Ливанским митрополитом, он поехал в объезд своей епархии и, конечно, был в Рихание. Митрополит Илия глубоко чтит Пресвятую Богородицу и всюду, где видит Ее иконы, с великим умилением служит молебны и параклисы.

Уезжая из Рихание, он благословлял народ, и вдруг жители-прихожане сказали ему, что просят его принять от них эту святую Икону, — они видели, какое богоговейное молитвенное почитание имеет он к ней. Владыка удивился и смутился, как это — «своя святыня», и вдруг расстается и отдает ему. Но люди настаивали и говорили, что только просят митрополита не забывать их и в молитвах перед святою Иконою. Он был чрезвычайно растроган и принял с несказанной радостью этот святой дар от благочестивых людей, которые все уверяли его, что такова воля Самой Пречистой. Это он сам нам рассказывал.

Вернувшись из Бейрута, он устроил святую Икону у себя в митрополии и ежедневно пел перед ней молебен с акафистом — параклисс.

Не помню, в котором году это было, но вот что еще произошло. Был Великий Пост, пятая неделя. Наступает день «Похвалы Пресвятой Богородицы». Преукрашенная, вся в цветах, с многими свечами на подсвечниках и лампадах, святая Икона вынесена на средину храма для торжества. Поется акафист на распеве. Чудная служба. Утром продолжается торжество «Похвалы Богородицы». Поют соответствующие песнопения. Потом молебен Ей, и мы все с Матушкой нашей Игуменией Марией в молитве, коленопреклоненно, воздаем хвалу Богоматери, от сер-

дец наших. Вдруг стук... Двери церковные открываются, и, предшествуемый кавасом с булавой, входит митрополит Илия. Мы все рады его увидеть.

Он подходит прямо к Иконе, кланяется ей многократно, со слезами прикладывается к образу Пречистой. Он, видимо, охвачен неким внутренним волнением. По-арабски прочел он тропарь и снова кланяется, а слезы льются из глаз. Затем он всех нас благословил и сказал: «Теперь я вижу и понимаю, почему Владычица пожелала пребывать здесь среди нас, сестры. Она видит вашу любовь к Ней, вашу веру и слышит молитвы ваши и воздыхания. А вот сейчас я вам скажу, о чем не говорил прежде. Когда эта святая Икона пребывала у меня в митрополии, я ежедневно пел перед ней «параклисс» и часто прибегал к ней, ища разумления и помощи в разных случаях и делах. Я почитал эту святую Икону великим сокровищем.

Но произошло следующее: после вечерней молитвы я заснул и увидел сон, как некое ясное видение. Явились мне две святые Великомученицы Екатерина и Варвара, назвав себя по имени, и сказали, что Пресвятая Богородица велит мне передать эту святую Икону в Палестину Игумении Марии и там она должна пребывать. Проснувшись в некоем страхе, я начал рассуждать о виденном и о повелении Богородицы. Подошел к Иконе, помолился и подумал, что ведь это лишь сон и кто это Игумения Мария? Я никогда не слышал о ней. Как будто успокоилось мое сердце. Но сон этот снова повторился, причем святые мученицы сказали, что я непременно должен исполнить повеленное. Придя в себя, я был в страхе, и стал думать, как тяжело будет мне расставаться со святой Иконой. Тут я решил отдать другую икону Одигитрии, похожую на эту, но немного меньше. Снова являюся мне святые мученицы и повелительно говорят, что я немедленно должен исполнить волю Пречистой Девы Марии, иначе понесу наказание от Самой Богородицы заслушание. В трепете я проснулся.

Сразу же бросился я перед святым образом этим, и со слезами умолял простить меня, и обещал без промедления все исполнить. И успокоилась душа моя, хотя очень сожалел я, что Владычица берет от меня Свой чудный Образ.

С утра я стал всех спрашивать, не знает ли кто Игумении Марии в Палестине? Один мой близкий друг сказал мне, что хорошо знает Игумению Марию. Я просил его сейчас же сообщить ей, чтобы она приехала принять святой Образ Владычицы.

Так исполнил я волю Царицы Небесной: и теперь мне ясно, что Она пожелала пребывать среди вас, сестры, с вашей Матерью Игуменией. Прошу вас, поминайте меня, многогрешного, в ваших святых молитвах у этой святой Иконы».

Владыка митрополит Илия плакал, и мы все с ним в глубоком переживании и умилении.

И вот живем под честным Покровом Пресвятой Богородицы, в Ее честном Доме — Гефсимании, охраняемые во всех бедствиях и опасностях Ее святою Иконой «Одигитрии», «Неопалимой Купины», «Целительницы», «Скоромощницы», пожелавшей пребывать у Игумении Марии в Палестине, в нашей святой Обители. И сколько дивного и благодатного видели мы от этой святой Иконы. Во время первой Палестинской войны подняли святую Икону Богородицы и крестным ходом обошли по стенам монастыря. Пели молебен Ей и Великомученику Георгию. С четырех сторон Батюшка осенял святую Икону всю Обитель. Молились о заступлении и ограждении. Пули сыпались, как дождь; все усыпано осколками снарядов... Но заступлением Владычицы никто не пострадал.

И в эту последнюю «шестидневную войну» опять мы видели чудесное ограждение Пречистой нас, грешных и неверных, но верующих в Ее Материнскую любовь и силу непобедимую.

Тропарь (глас 4): Днесь вернии людие духовно торжествуем, Заступницу рода христианского прославляюще, и ко Пречистому Ее образу притекающе, взываем сице: О, премилостивая Владычице Богородице, подаждь нам нечаянную радость, обременным грехи и скорбьми многими, и избави нас от всякого зла, молящи Сына Твоего, Христа Бога нашего, спасти души наша.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ»

История этой иконы рассказана святителем Дмитрием Ростовским в его творении «Руно орошенное». Один человек, проводивший грешную жизнь, тем не менее был привязан к Богоматери чувством благоговейной любви и ежедневно неопустительно молился пред Ее иконой, с глубокой верой произнося слова, сказанные некогда архангелом Гавриилом: «Радуйся, Благодатная!..» Как-то раз он собирался идти для греховного дела и пред выходом, обратился к иконе Богоматери, помолился. Тут внезапно напал на него трепет, и увидел он, что изображение Богоматери как бы задвигалось. У Божественного Младенца открылись извы на руках, ногах и в боку, и в них хлынула кровь. Пав на землю, преступник закричал:

— О, Госпожа, кто это сделал?

Ты и прочие грешники вновь распинаете грехами своими Моего Сына, как иудей, — отвечала Богоматерь. — Вы называете Меня милосердной. Зачем же вы оскорбляете Меня своими незаконными делами?

О, Владычица, — отвечал Ей грешник, — пусть мои грехи не победят Твоей невыразимой благодати. Ты единая надежда всем грешным. Умоли же о мне Сына Твоего и Бога нашего!

Дважды повторяла Владычица Свою молитву Младенцу Христу, но Он оставался непреклонен, пока, наконец, на неотступную мольбу Богоматери не ответил:

— Я исполню Твою просьбу. Пусть совершится поже-

ление Твое. Ради Тебя отпускаются этому человеку его грехи. Пусть же он в знак прощения облобызает Мои язвы.

И вот поднялся от земли прощенный грешник, пред которым в таком дивном образе просияло неистощимое милосердие Богоматери, и с невыразимой радостью облобызал язвы Спасителя своего. С тех пор он стал жить чистою, благочестивою жизнью. Это событие и дало верующим повод к написанию иконы Божией Матери «Нечаянная Радость».

На этой иконе изображается человек, молящийся на коленях пред ликом Богоматери. Далее под ликом обыкновенно помещаются первые слова повести: «Человек некий беззаконный...»

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЕЛЕОНСКАЯ СКОРОПОСЛУШНИЦА»

История этой иконы такова: в начале этого столетия русскими паломниками была привезена из России в дар Елеонской обители в Иерусалиме Черниговская икона Божией Матери. В очень темных тонах, прекрасного русского письма на полотне, размером в 50 на 36 дюймов. Будучи вначале установленной не в главном Вознесенском храме, она хранилась в алтаре еще тогда незаконченной трапезной церкви во имя праведного Филарета Милостивого.

Своим благолепным, несколько скорбным ликом икона полюбилась сестрам обители, и они стали прибегать к ней в своих молитвах.

К началу первой мировой войны Русскую Духовную Миссию и обе женские обители в Иерусалиме, в то время бывшем под властью турок, постигли тяжелые испытания. Все духовенство Миссии и все старшие монахини были насильственно вывезены в Александрию. Настоятельница же Елеонской обители, монахиня Евпраксия, тяжело болевшая, в эти самые тревожные дни отошла к Господу. Бывшие с ней инокини остались без всякой помощи, как духовной, так и материальной. Тогда свои взоры обратили оне к единой своей надежде — Царице Небесной. Тем временем военные турецкие власти потребовали удаления из Елеонского монастыря всех до единой сестер и разлучения там своих солдат.

Греческая Патриархия предложила бездомным сестрам поместиться в зданиях некоторых греческих монастырей в Иерусалиме. Сестры с благодарностью приняли это предложение, но перейдя в Иерусалим, оне оттуда зорко следили за тем, что делалось в их обители. Узнав, что солдаты грабят церковное имущество и вывозят частные их вещи, оне просили Патриарха Дамиана заступиться за них. Блаженнейший Патриарх не замедлил доложить султану о происходящем в Елеонской обители, и вскоре солдаты были выведены. Сестры смогли понемногу возвращаться. Счастливы были оне вернуться в свою родную обитель и, несмотря на все свои материальные лишения, не падали духом, имея Благоую Заступницу — Царицу Небесную в Еечудном образе. Для них икона стала прибежищем и утешением, и наименовали оне ее «Елеонской Скоропослушницей», ибо скоро слышала Она их молитвы и не забывала их Своими молитвами.

Тогда перенесли сестры икону в главный храм обители. Замечательно то, что со дня перенесения ее лик Божией Матери посветлел, а ризы Божией Матери и Богомладенца сделались ярко-красными. На свои скудные денежные средства и своими трудами сестры соорудили красивый резной киот, украшенный даже золотом. Несколько позже оне вышили золотом венцы Богоматери и Спасителя.

И ныне Царица Небесная в Своем столь почитаемом образе творит невидимо чудеса заступления и утешения сестрами обители и всем с верою прибегающим в молитве к Ней, Скоропослушнице.

Установлен для сего образа и день праздника, а именно 9 ноября в день празднования афонского чудотворного образа Божией Матери Скоропослушницы.

Т р о п а р ь (глас 4): К Богородице притецем сущии в бедах, и святой иконе Ее ныне припадем, с верою зовуще из глубины души: скоро наше услыши моление, Дево, яко Скоропослушница нарекаяся. Тебе бо раби Твои в нуждах готовую помощницу имамы.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ СТРАСТНАЯ

Это древнее изображение Царицы Небесной почитается как в Православной Церкви, так и в Католической.

Еще во времена царя Михаила Феодоровича от Святой Иконы было даровано исцеление одной болящей женщине по имени Екатерина. Позже Царица Небесная явилась ей и повелела возвестить всем о Ее явлении: «Скажи, что миряне воздерживались от злобы, зависти, пьянства и всякой нечисти и жили бы в целомудрии и нелицемерной любви друг к другу».

В наши дни в городе Нью-Йорке в благочестивой греческой семье Антонии Кулис 1/14 мая 1960 года, в день празднования иконе Божией Матери «Нечаянная Радость», от Страстной иконы, напечатанной типографским способом на бумаге, из пречистых очей Богоматери стали истекать Ее пречистые слезы. Лик Богоматери стал скорбным. Эти слезы и до сего дня обильно истекают.

Богоматерь призывает мир к покаянию. Умоляет Державного Сына Своего о даровании прощения и отвращения Его праведного гнева на мир, лежащий во зле и грехе.

Т р о п а р ь (глас 4): К Богородице прилежно ныне притецем грешнии и смиреннии и припадем в покаянии зовуще из глубины души: Владычице, помози, на ны милосердовавши, потщися, погибаем от множества прегрешений, не отврати Твоя рабы тщи: Тя бо и едину надежду имамы.

Хочется обратить внимание чтущих Пресвятую Богородицу, что не только о нас, русских православных людях, заботится Пречистая, но обо всем мире печется Она, Всеблагая. Напомним, что писалось в иностранных газетах в Европе во время войны германцев против Франции и Бельгии. Вспоминают ли там о явлениях Божией Матери, предупреждавших о страшных надвигающихся катастрофах? На юге Франции Божия Матерь явилась маленькой девочке и сказала ей: «Я — Покровительница Франции! Но грехи людей стали так велики, что уже никто — ни священники, ни правители не могут спасти страну. Сын Мой и Мои молитвы уже не принимают. Надо ждать скорбей».

В Бельгии, приблизительно в 1931—1932 годах, дети — брат с сестрой — пасли своих овец близ одного монастыря. Здесь росло большое дерево. Вдруг дети ясно увидели на нем Пресвятую Богоматерь. По простоте и невинности своей и по вере в Пречистую, они не удивились и не испугались. Божия Матерь сказала им, чтобы они передали духовенству о том, что всем — и самим священникам — нужно очень усердно молиться и каяться в грехах: Бельгия грозит великое несчастье. Они смотрели наверх и передавали присутствовавшим, что говорила им Богородица. Люди видели лица детей, внимательно устремленные на дерево, но слов Божией Матери не сподоблялись слушать (из описания одного русского святителя в Америке).

Были также чудесные явления Божией Матери и в Египте, и в Сербии, и всегда Пречистая призывала к покаянию и молитве и напоминала о забытом Небе.

В Святой Земле особенно заметно исполнение пророческих слов пречистой Владычицы: «Отныне ублажать Мя вси роди...» Приходилось наблюдать, как там и православные, и инославные, и магометане, и язычники — все чтут Пресвятую Деву Марию — Матерь Божию, как паломники и толпами, и группами, и в одиночку посещали святое место Ее временного упокоения, и храмы Рожде-

ства Ее и Благовещения, и гробницы Ее святых родителей Иоакима и Анны и святого обручника Иосифа.

Бедствия, скорби и болезни — все это результат греховной жизни людей. А Преплагая Царица Небесная, любя искупленное святою кровью Сына Ее и Бога человечество, но великой Своей милости оставляет небесные селения и в поднебесной помогает, и спасает, и предупреждает грешных духовных чад своих о грядущих вполне ими заслуженных карах Божиих, ожидающих непокорных и несправимых.

Ностараемся исправить жизнь свою, пока не поздно, пока не совсем закрылись двери милосердия Божия. Будем помнить заветы святой матери нашей, Церкви Православной, и соблюдать установленные ее посты — тогда не потребуются докторские лечебные диеты — будем помнить праздничные дни «во еже святити их», как истинные чада Церкви. Милосердный Господь молитвами Своей Пречистой Матери да поможет нам осуществить благие намерения во славу святого имени Его.

Игуменья Ариадна

АХТЫРСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

В городе Ахтырке Харьковской губернии с давних пор существовала приходская церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. При этой церкви в 1739 году был священником о. Даниил Васильев, человек благочестивый и добродетельный. Однажды летом он вышел на свой огород косить траву; но лишь только начал косить, как увидел в траве икону Богоматери с распятием Господа Иисуса Христа, сияющую неизреченным светом. Священник настолько был поражен страхом, что коса выпала из его рук. Оградивши себя крестным знамением, он начал читать молитвы Божией Матери, какие только мог припомнить, затем, поклонясь иконе, взял и принес в свой дом и поставил на приличном месте. Вскоре домашние его заметили, что в той комнате, где стояла икона, невозможно было ночевать от какого-то непонятного страха. По прошествии трех лет в праздник Покрова Богородицы священник, войдя в эту комнату, поражен был необыкновенно ярким светом от иконы. Такой свет от иконы он видел потом неоднократно, но никому не говорил об этом. Наконец, Богоматерь явилась ему во сне и повелела обретенную им икону самому обмыть чистою водою и накрыть покрывалом. Пробудившись от сна, священник тотчас омыл икону и воду с нее собрал в особый сосуд, намереваясь отнести ее поутру в реку. Засыпая с этими мыслями, он видит, будто идет он к реке, неся с собою воду, которою обмыл икону, но на пути встречает его Богоматерь, в образе чудной девы, и

говорит ему: «Куда ты идешь с этою водою? Возвратись в свой дом и храни воду: она будет целительна для болящих». Священник встал от сна. У него была дочь, страдавшая лихорадкою: желая удостовериться в истине бывшего ему видения, он дал ей попить этой воды, — дочь его выздоровела в ту же минуту. И многие другие выздоравливали после вкушения этой воды. Между тем священник, заметив на иконе язвинки, призвал к себе иконописца и поручил ему подновить икону. Тот взял и принес ее домой. Через два дня, когда он хотел приступить к работе, ночью услышал от иконы голос, который, назвав его по имени, сказал: «Встань! Пора тебе отнести икону туда, где ты ее взял: лучше ты не можешь исправить ее». Иконописец в ужасе проснулся, взял икону и на рассвете отнес ее священнику и объявил ему о слышанном голосе. Видя над иконою особенную благодать Богоматери, священник решил внести ее в церковь, и здесь-то икона особенно прославилась силою чудотворений.

В рукописной книге Ахтырского Покровского собора записано 324 чудесных исцеления от этой иконы. Последнее из чудес, записанное в этой книге, относится к 1774 году.

На донесении протоиерея Симеона Садовского о бывших чудесах от святой иконы поступило распоряжение от митрополита Антония произвести расследование чудес. На это распоряжение поступило донесение, что бригадир города Ахтырки Лесовицкий и полковой старшина подтвердили о всех бывших исцелениях.

Дело затребовал на свое рассмотрение Святейший Синод. По повелению императрицы Елисаветы Петровны от 26 ноября 1744 года было вновь произведено расследование о всех чудесах святой иконы. Наконец, в 1751 году, уже после третьего следствия, на котором все, испытавшие на себе проявление благодатной чудесной силы от святой иконы, подтвердили под присягой истинность прежних своих показаний, Святейший Синод, при заключительном по-

становлении следствия, докладывал императрице о сем деле и указом от 22 июня 1751 года предписал: «Святую оную икону почитать за чудотворную и празднование в честь ее совершать 2 июля».

Высочайшим повелением императрицы Елисаветы Петровны в Ахтырке был воздвигнут величественный и обширный собор по плану, составленному знаменитым строителем Растрелли, на что императрица из личных своих средств пожертвовала 2000 рублей серебром, сумму в то время немалую.

Работу по постройке собора были закончены, и в 1768 году собор был торжественно освящен в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

Из многих чудесных исцелений от чудотворной иконы, по вере прибегающих к благодатной силе Благословенной Богородицы, особенно замечательно по своей исторической достоверности следующее: жена генерала барона Вейделя, Елисавета, приехала в 1748 году в Ахтырку больная и усердно молилась пред чудотворною иконою Богородицы об исцелении от болезни.

В следующую ночь она увидела Божию Матерь во сне и услышала от Нее повеление: «Напрасно ты просишь избавления от болезни; это для тебя не нужно: ты скоро оставишь земную жизнь. Раздай по церквам и нищим все имение твое, — такая жертва послужит на пользу души твоей». Больная ответила: «Мати Божия! у меня есть дети: если я раздам все мое имение, дети мои останутся в крайней нищете и бедности». Но Царица Небесная сказала: «Не заботься о детях: Я буду всегдашнею покровительницею: а ты через пять дней умрешь, потому готовься к исходу, немедленно раздай имение по церквам и нищим, чтобы творили молитвы о твоём спасении». После сего Матерь Божия стала невидимою.

Пробудившись от сна, больная поспешила позвать своего духовного отца, рассказала ему о видении, затем в точности

исполнила повеление Богоматери, и через пять дней благочестно и с миром отошла в загробный мир.

Императрица Екатерина II, узнав о чудесном покровительстве, обещанном Богоматерью детям умершей баронессы Вейдель, взяла двух ее дочерей на свое попечение и выдала их замуж: одну за графа Панина, другую за графа Чернышева. Эти две графини, до самой смерти своей сохранив живое, благоговейное и благодарное воспоминание о чудесном устройении земной судьбы их, делали большие пожертвования для Покровского храма в Ахтырке.

По высочайшему повелению государя императора Николая Павловича с 1844 года ежегодно в субботу перед Троицыным днем с торжественным крестным ходом святая икона переносилась в Ахтырский Свято-Троицкий монастырь, находящийся в четырех верстах от города Ахтырки, на берегу реки Ворсклы, основанный в половине XVII века, упраздненный в 1787 году при сокращении числа штатных обителей и вновь возобновленный штатным в 1843 году.

В неделю Всех Святых святая икона в обратном крестном ходе переносилась в Ахтырский Покровский собор.

В 1905 году 1 апреля чудотворная икона, находившаяся в Ахтырском Покровском соборе, подверглась ограблению.

Но вот наступила в России революция в 1917 году. Обезумевший русский народ в первое время революционного угара совершенно потерял всякое здравое рассуждение. Вдохновители революции подняли лютое гонение на религию, стали разрушать храмы и уничтожать иконы.

Снова было ограбление, и икона Ахтырской Божией Матери исчезла.

В разное время с чудотворной иконой было сделано много списков. По свидетельству прот. Н. Труфанова, чудотворная икона была в городе Харбине, чудесно приобретена С. А. Степановым и недолгое время находилась в Благовещенском храме.

В 50-х годах сыном С. А. Степанова она была привезена в Бразилию и утешала там верующих — были зафиксированы и чудеса. Затем святой образ прибыл в Сан-Франциско и, наконец, в 1975 году в феврале месяце был передан вице-председателю Комитета Русской Православной Молодежи для поддержания веры и совершения святых молитв нашей подрастающей смены.

Организация сия находится под покровительством и непосредственным руководством Первосвятителя Русской Православной Церкви за границей — высокопреосвященнейшего владыки митрополита Филарета, а посему на личному желанию владыки святой образ был передан на хранение в святейший Архиерейский Синод. По благословению владыки митрополита Филарета святая чудотворная икона Ахтырская посетила Европу, а в июле отбыла в Австралию, где была встречена верующими с большим молитвенным подъемом.

У верующих существует благочестивый обычай 2 июля, в день празднования святой иконы, освящать воду чудотворной иконой в память того события, о котором было сказано в начале нашего повествования о святой иконе.

Тропарь (глас 4): К Богородице прилежно ныне притецем грешнии и смиренни, и припадем в покаянии зовуще из глубины души: Владычице, помози, на ны милосердвовавши, потщися, погибам от множества прегрешений, не отврати Твоя рабы тщи: Тя бо и едины надежду имамы.

Праздник иконы: 2 июля ст. ст. (15 августа н. ст.).

БОГОМАТЕРЬ

Уже двадцатый век идет от того дня, когда Дева Мария на руках Своего Сына была вознесена к великому Престолу и после жизни, исполненной несказанной скорби, мук и унижений, была коронована на чудное Царство Небес. Эти двадцать веков бессильны были умалить восторг человечества пред тихой святыней Девы Марии.

По разве с тех пор, как Богоматерь призвана была в небо, уменьшилось стремление к Ней сердец человеческих? Только не нужно теперь плыть из Антиохии в Иерусалим, чтобы войти в общение с Ней. Пред успением Своим Богоматерь говорила плакавшим пред Нею христианам, что теперь Ей будет легче помогать людям, всегда видя Сына Своего. Она обещала посещать весь мир и заботиться о нем.

И так чудно сбылось это обещание!

Вот Андрей юродивый, молясь в храме, полном народа, возводит глаза к небу и видит, как Богоматерь, стоя над народом в воздухе, осеняет народ Своим омофором, молясь за него.

Того же блаженного Андрея ангел водит по райским селениям, показывает ему разных святых и их светлые обители, и не видит Андрей Той, Кого больше всего хочется ему видеть, Кого жаднее всего ищут его глаза. И спрашивает Андрей своего путеводителя, где же Пречистая Богоматерь?

— Ее нет здесь, — отвечает ангел, — Она отошла в многоскорбный мир помогать бедствующим и утешать печальных.

Время лишь усиливало почитание Пресвятой Девы. На прежние Ее милости и чудеса ложатся наслоения новых милостей и чудес, и бережно одно поколение передает другому те же чувства к Ней, то же сознание, что в трудную минуту есть Кого позвать в высоком и далеком небе, чтобы оно стало доступным и близким.

Иногда мы не смеем обращаться к Богу. Наша греховность кажется нам страшной стеной между Ним и нами. А если душа наша истерзана неутешным страданием, нам близко чувство ропота, вера наша колеблется, и мы не можем, не смеем молиться Ему так, как молимся в минуту умиления, в часы спокойной сознательной веры. И вот в эти дни сомнения, тоски и горя мы находим благую Утешительницу в Матери Божией. Ее мы не боимся! Мы знаем, что Ее тихая святыня не отвернется от нас, в каких бы язвах, в каких бы позорных пропастях мы к Ней ни пришли. Мы не видали Ее. Но мы знаем и чувствуем, безошибочным внутренним чувством, что часто, часто задумчивый и заботливый взор чудной Матери-Девы останавливается на нас.

Сложны чувства верующего христианина к Матери Божией: жгучее сострадание к Той смиренной Деве Назарета, Которая от дней рождения Христа жила под страшным пророчеством ожидавшей Ее муки: Тебе оружие пройдет душу; ужас пред той вершиной страдания, до которой возведена была Ее душа на Голгофе: какая-то надежная радость при воспоминании о слове, которым Христос с высоты креста в лице Иоанна усыновил Ей каждого из нас: Жено, се сын Твой! ...се Мати твоя, и умиленный восторг при мысли о силе и власти сияющей вечной славы Царицы Небес...

Она была человеком, родившимся, как мы, в условиях земного ограничения: но как высоко вознесла Ее благодать!

К Ее лику, смотрящему с улыбкой услады или тихую

грустью на входящих к Ней, бегут малые дети, шепча свои несложные желания, доверяя свои заботы и делишки Женское сердце, переполненное счастьем раздельной любви или страдающее мукой любви, — к Ней же, не знавшей иной любви, как поклонение Своему Иисусу, несет свою радость и печаль, Ей рассказывает свои надежды и мечты. Строгий затворник, уединяясь от людей в подземной пещере, куда никогда не проникает свет солнца, ставит у себя Ее икону с неугасимой лампадой, и Пречистая Дева Мария одна заменяет ему все те радости и утехи, которых он себя добровольно лишил.

Магометане, язычники знают о любви и вере христиан к таинственной Деве, и когда Царица Небес вставала на защиту Своих детей, они не пытались бороться с Ней, зная, что сила Марии необратима.

Подумайте о красоте, о всем значении того, что происходит вот уже девятнадцать веков между небом и землей. Не было за эти тысячелетия ни одной минуты, в которую бы не несли с земли зов души человеческой к Матери Божией.

Не страхом, не угрозами, а любовью, одною любовью и безграничным милосердием ведет людей ко Христу Богоматерь. Она жалеет человечество каким-то жгучим, все пронзающим состраданием. Она принимает на Свои руки людей, которым, по-видимому, уже нет возврата к благой жизни.

Новствование об иконах Богоматери — это повесть о милосердии Пречистой Девы к усыновленному Ей на кресте человечеству, это — сказания о посещении Царицы Небес земных людей. И читая их, чувствуешь связь земного и небесного, и оживает в душе вера.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Труд наш нам хочется закончить хвалебной песнью Пресвятой Богородице:

Тебе Матерь Божию Хвалим; Тя, Марие, Деву Богородицу исповедуем; Тя, Превечного Отца Дщерь, вся земля величает. Тебе вси ангели и архангели и вся начала смиренно служат; Тебе вся власти престолы, господствия и вся превышние силы небесные повинуются. Тебе херувимы и серафимы радуящиеся предстоят и непрестанным гласом вопиют; Святая Богородице Мати, полны суть небеса и земля величества славы Плода чрева Твоего. Тебе преславный апостольский лик своего Творца Матерь восхваляет; Тебе мучеников множество Богородицу величает; Тебе преславный исповедников сонме Бога Слава храм нарицает: Тебе господственнии полцы всего детства образ проповедуют; Тебе вся небесная воинства Царицу Небесную восхваляют. Тебе по всей вселенной Церковь святая прославляет, Матерь Божию почитаючи; Тя Истинного Царя Небесного Отроковицу превозносить. Ты еси ангелом Госпожа, Ты еси райская дверь, Ты лествица царствия небесного. Ты Царя Славы чертог, Ты ковчег благочестия и благодати, Ты еси бездна щедрот, Ты еси прибежище грешных. Ты Мати Спасителява, Ты свободнения ради тленного человека, Бога восприяла еси во чреве. Тобою поправь быт враг: Ты отверзла еси верным двери царствия небесного. Ты одесную Бога стоиши: Ты бога за нас молиши, Дево Марие, иже будет судити живым и мертвым. Тя убо просим, Заступницу пред Сыном Твоим и Богом, Иже кровию Своею нас искупи, да мзду

восприимем в вечной славе. Спаси люди Твоя, Богородице, и благослови достойные Твое, яко да будем причастницы наследия Твоего: упаси и соблюди нас даже до века. На всяк день, о Пресвятая, хвалити и ублажати Тя желаем сердцем и устами. Сподоби, премилосердая Мати, ныне и всегда от греха сохранитися нам: помилуй нас, Заступнице, помилуй нас. Буди милость Твоя на нас, якоже на Тя к уповахом во веки. Аминь.

Мы просим каждого обратить особое внимание на явное доказательство слезного Заступничества Царицы Небесной за весь мир, лежащий в грехе. Если Спаситель во время Своей земной проповеди со вздохом сказал: «О, род неверный и развращенный, доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?» (Мф. XVII, 17), то что мог бы сказать Господь о нашем веке, когда соблазн развращенности дошел до таких пределов, о которых и писать не хочется на страницах этой святой книги. Люди мечутся и ищут истину, ищут новых религий, стремятся создать новую Библию и новую общую религию, то есть религию антихристового духа; ищут полетов в пространство и на планеты... Ищут создания искусственных органов, ищут и разных других извращений, но не находят удовлетворения по одной причине, что жизнь дана человеку не для удовольствия и греха, а для подготовки себя к вечности, не для приобретения богатства и славы или долготы дней, а для стяжания Духа Святого и хранения чистоты слов святого Евангелия.

Мы все хорошо знаем, что первое чудо Господь сотворил по неуклонной просьбе Матери Своей в Кане Галилейской, когда претворил воду в вино, и ныне Господь милует и долготерпит нас всех, ради заступничества Царицы Небесной.

В мире стали появляться плачущие иконы, и одна из них плачет уже несколько лет. Плачет иногда даже кровавыми слезами. Видит и знает Пречистая, что свободный

мир не исправляется. Там, где гонение, там есть и искренняя молитва и мученичество. Но тут, на свободе, никто не гонит религию и, увы, нет покаяния и исправления. Знает Пречистая, что если люди не покаются, то праведный Божий гнев обрушится на них, и горе будет вселенной.

Заканчивая наш краткий труд о чудотворных иконах Божией Матери в истории России, считаем своим долгом отметить и следующее.

Царица Небесная непрестанно заботилась о нашей Родине — вспомним чудное возникновение Киево-Печерского Монастыря, и построение храма Божия, и прибытия греков, которые, когда узнали, Кто их нанял, приняли иноческий постриг и остались в обители. Вспомним чудное житие преподобного Серафима Саровского и многократное явление ему Божией Матери и устройство Дивеевской обители. И повествовал преподобный Серафим о том, как Пресвятая Богородица Сама обошла один небольшой участок земли в Дивеевской обители, и было обетование, что до этой земли не сможет коснуться Антихрист. Быть может, это и будет то место, где спасутся верующие в последние времена. Также старец сказал, что «Казанская Дивеевская церковь станет монастырской, что великая участь ожидает Дивеевскую обитель, что впоследствии Дивеево будет единственная лавра в России... и будет избилею во всем, но тогда уже будет всему конец» (П о с е л я н и н Е. Преподобный Серафим Саровский Чудотворец. 1903). А посему мы верим в то, что после години лихолетий, посетивших нашу Родину, ради молитвенного заступничества Преподобной Девы Марии — Царицы Небесной Россия воскреснет хотя и на короткое время, ибо после настанет страшное Антихристово царство. Русская верующая душа прославит свою Заступницу и Спасительницу и скажет много славного и чудного об этом явном проявлении Божией милости ради предстательства Пресвятой Богородицы.

Так будем же искренне благодарить и прославлять Пресвятую, Пречистую, Преподобную, Славную Владычицу нашу Деву Богородицу за Ее покров и материнскую любовь ко всем нам многогрешным. И будем всегда Ей молиться: Пресвятая Богородице, даруй нам всем сердцем и душой, всеми мыслями, делами и чувствами служить Троице Единосущной и Нераздельной; соблюдать и исполнять заповеди Сына Твоего и Бога нашего. Сохрани нас от мирского развращения и укрепи нас в вере Православной и сердцу нашему чуйти Истину даруй. Жизнь нашу направь, чтобы помощью Твоею преодолеть нам греховные наши привычки и навыки. Буди нашей Путеводительницей в Царство Небесное и испроси нам удела в царствии Сына Твоего.

Протоиерей *Никита Чакиров*

Конец и Богу нашему слава и благодарение.

II. Флоренский ИКОНОСТАС

По первым словам летописи бытия, Бог «сотворил небо и землю» (Быт. 1,1), и это деление всего сотворенного надвое всегда признавалось основным. Так и в исповедании веры мы именуем Бога «Творцом видимых и невидимых», Творцом как видимого, так, равно, и невидимого. Но эти два мира — мир видимый и мир невидимый — соприкасаются. Однако их взаимное различие так велико, что не может не встать вопрос о г р а н и ц е их соприкосновения. Она их разделяет, но она же их и соединяет. Как же понимать ее?

Тут, как и в других вопросах метафизики, исходной точкою послужит конечно то, что мы уже знаем в себе самих. Да, жизнь нашей собственной души дает опорную точку для суждения об этой границе соприкосновения двух миров, ибо и в нас самих жизнь в видимом чередуется с жизнью в невидимом, и тем самым бывают времена — пусть короткие, пусть чрезвычайно стянутые, иногда даже до атома времени, — когда оба мира соприкасаются, и нами созерцается самое это прикосновение. В нас самих покров зримого мгновениями разрывается и сквозь него, еще сознаваемого разрыва, веет незримое, нездешнее дуновение: тот и другой мир растворяются друг в друге, и жизнь наша приходит в сплошное струение, вроде того, когда подымается над жаром горячий воздух.

С о н — вот первая и простейшая, т. е. в смысле нашей полной привычки к нему, ступень жизни в невидимом.

Пусть эта ступень есть низшая, по крайней мере, чаще всего бывает низшей; но и сон, даже в диком своем состоянии, невоспитанный сон, восторгает душу в невидимое и дает даже самым нечутким из нас предощущение, что есть и иное, кроме того, что мы склонны считать единственно жизнью. И мы знаем: на пороге сна и бодрствования, при прохождении промежуточной между ними области, этой границы их соприкосновения, душа наша обступается сновидениями.

Нет нужды доказывать давно доказанное: глубокий сон, самый сон, т. е. сон как таковой, не сопровождается сновидениями, и лишь полусонное-полубодрственное состояние, именно г р а н и ц а между сном и бодрствованием, есть время, точнее сказать, время-среда возникновения сновидческих образов. Едва ли не правильно то толкование сновидений, по которому они соответствуют в строгом смысле слова мгновению переходу из одной сферы душевной жизни в другую и лишь потом, в воспоминании, т. е. при транспозиции в дневное сознание, разворачиваются в наш, видимого мира, временной ряд, сами же по себе имеют особую, не сравнимую с дневною, меру времени «трансцендентальную». Припомним в двух словах доказательство тому.

«Мало спалось, да много виделось» — такова сжатая формула этой сгущенности сновидческих образов. Всякий знает, что за краткое, по внешнему измерению со стороны, время можно пережить во сне часы, месяцы, даже годы, а при некоторых особых обстоятельствах — века и тысячелетия. В этом смысле никто не сомневается, что спящий, замыкаясь от внешнего видимого мира и переходя сознанием в другую систему, и м е р у в р е м е н и приобретает новую, в силу чего е го время, сравнительно со временем покинутой им системы, протекает с неимоверной быстротою. Но если всякий согласен, и не зная принципа относительности, что в различных системах, по крайней мере

применительно к рассматриваемому случаю, течет свое время, со своею скоростью и со своею мерою, то не всякий, пожалуй, даже не многие, задумывался над возможностью времени течь с бесконечною быстротою и даже, выворачиваясь через себя самого, по переходе через бесконечную скорость, получать обратный смысл своего течения. А между тем, время действительно может быть мгновенным и обращенным от будущего к прошедшему, от следствий к причинам телеологическим, и это бывает именно тогда, когда наша жизнь от видимого переходит в невидимое, от действительного — в мнимое. Первый шаг в этом направлении, т. е. открытие времени мгновенного, был сделан бароном Карлом Дюпрелем, тогда еще совсем молодым человеком, и этот шаг был самым существенным из числа им сделанных. Но непонимание мнимостей внушило ему робость перед дальнейшим и более существенным открытием, несомненно, лежавшим на его пути, — признанием времени обращенного.

Схематически рассуждение можно повести примерно так. Общеизвестны и в жизни каждого несомненно многочисленны, хотя и непродуманны в занимающем нас смысле, сновидения, вызванные какою-нибудь внешнею причиною, точнее сказать, по поводу или на случай того или другого внешнего обстоятельства. Таковым может быть какой-либо шум или звук, громко сказанное слово, упавшее одеяло, внезапно донесшийся запах, попавший на глаза луч света и т. д. — трудно сказать, что не может быть толчком к развертывающейся деятельности творческой фантазии. Может быть, не было бы поспешностью признать и в сны такого происхождения, чем, впрочем, объективная их значимость ничуть не подрывается. Но очень редко это банальное признание (утверждение) поводом сновидения некоторого внешнего обстоятельства сопоставляется с самою композицией сновидения, возникшего в

данном случае. Скорее всего, эта невнимательность к содержанию сновидения питается установившимся взглядом на сновидения как на нечто пустое, недостойное разбора и мысли. Но так или иначе композиция сновидений «по поводу», я бы осмелился сказать, и вообще всех сновидений, по крайней мере большинства, — строится по такой схеме.

Сонная фантазия представляет нам ряд лиц, местностей и событий, целесообразно сцепляющихся между собою, т. е. конечно не глубокой осмысленностью событий, которыми направляется действие сонной драмы, а в смысле прагматизма: мы ясно сознаем связь, приводящую от некоторых причин, событий-причин, видимых во сне, к некоторым следствиям, событиям-следствиям сновидения; отдельные события, как бы ни казались они нелепыми, однако, связаны в сновидении причинными связями, и сновидение развивается, стремясь в определенную сторону, и роковым, с точки зрения сновидца, образом приводит к некоторому заключительному событию, являющемуся развязкою и завершением всей системы последовательных причин и следствий. Сновидение завершается событием x , которое произошло потому, что раньше его произошло событие t , а t произошло потому, что раньше его было событие s , а s имело прежде себя свою причину r и т. д., восходя от следствий к причинам, от последующего к предыдущему, от настоящего к прошедшему до некоторого начального и обыкновенно совсем незначительного, ничем не знаменательного события a — причины всего последующего за ним, как это сознается в сновидении. Но мы помним ведь, что причину извне, дневным сознанием наблюдаемую, всего сновидения, как целого, как целой композиции, было некоторое внешнее, для замкнутой системы спящего, событие или обстоятельство. Назовем его Ω .

Теперь спящий просыпается, не только побужденный

эту причину Ω к бывшему у него сновидению, но и пробужденный им, причем, однако, развязка сновидения x совпадает или почти совпадает по своему содержанию с переживаемой наяву причиной сновидения Ω . Это совпадение бывает обычно настолько точно, что и в голову не придет усомниться в непосредственности связи событий x и причины Ω : развязка сновидения несомненно есть сонная перефразировка некоторого события внешнего мира Ω , вторгнувшегося в уединенный от всего внешнего мира спящего. Если я вижу сон, в котором происходит выстрел, а в комнате возле меня на самом деле был выстрел или хлопнули дверь, то может ли быть сомнение в неслучайности такого сновидения: ну, конечно, выстрел в сновидении есть духовный отголосок на выстрел во внешнем мире. Если угодно, тот и другой выстрел есть двойное восприятие — ухом сонным и ухом бодрствующим — одного и того же физического процесса. Если во сне я увижу множество душистых цветов, тогда как мне поднесли к носу флакон с духами, то опять было бы естественно подумать на случайность совпадения двух запахов: запаха во сне — цветочного — и запаха внешне обоняемого — духов. Если во сне мне навалился кто-то на грудь и стал душить меня, а когда от страха я проснулся, то этот навалившийся оказался, положим, подушкой, попавшей мне на грудь; или если меня укусила собака в сновидении, а, проснувшись от ощущения этого укуса, я обнаружил, что меня в самом деле ужалило влетевшее в открытое окно насекомое, то и тут и в бесчисленном множестве других подобных же случаев совпадение развязки x с причиной сновидения Ω никак не случайно.

Повторяем, одно и то же действительное событие воспринимается по двум сознаниям: в дневном сознании — как Ω , а в ночном — как x . По-видимому, во всем сказанном нет ничего особенного; да, не было бы, если бы событие x , будучи следствием Ω , т. е. входя в ряд дневной,

внешней причинности, не участвовало вместе с тем в другом причинном ряде — причинности ночного сознания и не было тоже следствием, но совсем не той причины, мало того, целого ряда причин и следствий, исходящих крепко спаянную цепью к некоторой начальной причине a . Между тем, a заведомо не имеет по содержанию ничего общего с причиной Ω и, следовательно, не могло быть ею вызвано. А если бы не было a со всеми происходящими из него следствиями, то не было бы и всего сновидения, т. е. не могло бы быть развязки x , т. е. мы не проснулись бы, и следовательно, внешняя причина Ω не дошла бы до нашего сознания. Итак, несомненно: x есть отражение сонною фантазией явления Ω , но x не есть *deus machina* без всякого смысла, вопреки логике и ходу событий в сновидении, вторгающееся во внутренние образы и бессмысленно их обрывающее, а действительно составляет развязку некоторого драматического действия. Дело со сновидениями происходит совсем не так, как мыслят о жизни нечувствующие Провидения, когда крушение поезда или выстрел из-за угла прекращает развертывающуюся и многообещающую деятельность, а так именно, как в превосходной драме, в которой конец приходит потому, что вызрели все подготовлявшие его события, и было бы нарушением смысла и цельности всей драмы, если бы развязки не произошло. никоим образом, учитывая крепчайшую прагматическую связность между собою всех событий сновидения, мы не можем усматривать в развязке x события самостоятельного, извне подклеенного к ряду прочих событий и по какой-то непостижимой случайности не нарушающего внутренней логики и художественной правды сновидения во всех его деталях. Нет сомнения, сновидения разбираемого типа суть целостные, замкнутые в себе единства, в которых конец — развязка предусматривается с самого начала и, более того, собою определяет и начало, как завязку, и все целое. Принимая же во внима-

ние малозначительность завязки самой по себе, без завершающих ее последствий, как это вообще бывает в крепко сделанной драме, мы имеем полное право утверждать телеологичность в ее композиции сновидения: все его события развиваются в виду развязки, для того, чтобы развязка не висела в воздухе, не была несчастной случайностью, но имела глубокую прагматическую мотивировку.

Приведем несколько записей подобных сновидений. Вот три сновидения, явившихся реакцией на звон будильника; это — наблюдение Гильдебранда.

«Весенним утром я отправляюсь погулять и, бродя по зеленеющим полям, прихожу в соседнюю деревню. Там я вижу жителей деревни в праздничных платьях, с молитвенниками в руках, большую толпою направляющихся в церковь. В самом деле, сегодня воскресенье и скоро начнется ранняя обедня. Я решаю принять в ней участие, но сперва отдохнуть немного на кладбище, окружающем церковь, так как я немного разгорячен ходьбою. В это время, читая различные надписи на могилах, я слышу, как звонарь поднимается на колокольню, и замечаю на верхушке ее небольшой деревенский колокол, который должен возвестить начало богослужения. Некоторое время он висит еще неподвижно, но затем начинает колебаться, и вдруг — раздаются его громкие, пронзительные звуки, до того громкие и пронзительные, что я просыпаюсь. Оказывается, что эти звуки издает колокольчик будильника».

«Вторая комбинация. Ясный зимний день, улицы еще покрыты снегом. Я обещаю принять участие в прогулке на санях, но приходится долго ждать, пока мне сообщат, что сани стоят у ворот. Тогда начинаются приготовления к тому, чтобы усесться — надевается шуба, вытаскивается ножной мешок — и наконец я сажу на своем месте. Но отъезд затягивается, пока вожжам не дается знак нетерпеливым лошадям. Они трогаются с места, сильно трясущиеся колокольчики начинают свою знаменитую янычарскую

музыку с такою силою, что призрачная ткань сновидения сейчас же разрывается. Опять это не что иное, как резкий шок будильника».

Еще третий пример. «Я вижу, как кухонная девушка проходит по коридору в столовую, держа в руках несколько дощек тарелок, поставленных одна на другую. Мне даже кажется, что фарфоровой колонне, находящейся в ее руках, грозит опасность потерять равновесие. «Берегись, — предупреждаю я, — весь груз полетит на землю». Разумеется, следует неизбежное возражение: уже, мол, не в первый раз, я уже привыкла и т. п., между тем, как я все еще не спускаю беспокойного взора с идущей. И в самом деле, на пороге она спотыкается — хрустящая посуда с треском и звоном разлетается кругом по полу сотнями осколков. Но скоро я замечаю, что бесконечно продолжающийся звон похож вовсе не на треск посуды, а на настоящий звон, и виновником этого звона, как я понимаю, уже наконец проснувшись, является будильник».

Проанализируем теперь подобные сновидения.

Если, например, в сновидении, облетевшем все учебники психологии, спящий пережил чуть ли не год или более французской революции, присутствовал при самом ее зарождении и, кажется, участвовал в ней, а затем, после долгих и сложных приключений, с преследованиями и погонями, террора, казни короля и т. д. был наконец вместе с жирондистами схвачен, брошен в тюрьму, допрашиваем, предстал революционному трибуналу, был им осужден и приговорен к смертной казни, затем привезен на телеге к месту казни, возведен на эшафот, голова его была уложена на плаху и холодное острие гильотины уже ударило его по шее, причем он в ужасе проснулся, — то неужели придет на мысль усмотреть в последнем событии — прикосновении ножа гильотины к шее — нечто отдельное от всех прочих событий? и неужели все развитие действия — от самой весны революции и включительно до возведения

видевшего этот сон на эшафот — не устремляется сплошным потоком событий именно к этому завершительному холодному прикосновению к шее, — к тому, что мы назвали событием x ? — Конечно, такое предположение совершенно невероятно. А между тем, видевший все описываемое проснулся от того, что спинка железной кровати, откинувшись, с силой ударила его по обнаженной шее. Если у нас не возникает сомнений во внутренней связности и цельности сновидения от начала революции (a) до прикосновения ножа (x), то тем менее может быть сомнений, что ощущение во сне холодного ножа (x) и удар холодным железом кровати по шее, когда голова лежала на подушке (Ω), есть одно и то же явление, но воспринятое двумя различными сознаниями. И, повторяю, тут не было бы ничего особенного, если бы удар железом (Ω) разбудил спящего и вместе с тем во время, вообще недолгого, просыпания облекся в символический образ хотя бы того же самого удара гильотинным ножом, а этот образ, амплифицируясь ассоциациями хотя бы на ту же тему французской революции, развернулся в более или менее длинное сновидение. Но все дело в том, что сновидение это, как и бесчисленные прочие того же рода, протекает как раз наоборот против того, как мы могли бы ждать, помышляя о кантовском времени. Мы говорим: внешняя причина (Ω) сновидения, которое составляет одно целое, есть удар железом по шее, и этот удар символизуется непосредственно в образе прикоснувшегося гильотинного ножа (x). Следовательно, духовная причина всего сновидения это событие x . Следовательно, в дневном сознании, по схеме дневной причинности, оно и по времени должно предшествовать событию a , духовно происходящему из события x . Иначе говоря, событие x во времени видимого мира должно быть завязкою сновидческой драмы, а событие a — ее развязкою. Тут же, во времени мира невидимого, происходит навыворот, и причина x

появляется не прежде всего следствия a , и вообще не прежде всего ряда следствий своих $b, c, d... r, s, t$, а после всех них, завершая весь ряд и определяя его не как причину действующую, а как причину конечная — тѐлос.

Таким образом, в сновидении время бежит, и ускоренно бежит, навстречу настоящему, против движения времени бодрственного сознания. Оно вывернуто через себя и, значит, вместе с ним вывернуты и все его конкретные образы. А это значит, что мы перешли в область мнимого пространства. Тогда то же самое явление, которое воспринимается отсюда — из области действительного пространства — как действительное, отсюда — из области мнимого пространства — само зрится мнимым, т. е., прежде всего, протекающим в телеологическом времени, как цель, как предмет стремлений. И напротив, то, что есть цель при созерцании — отсюда и по нашей недооценке целей, представляется нам хотя и заветным, но лишенным энергии и деалом; отсюда же, при другом сознании, постигается как живая энергия, формирующая действительность, как творческая форма жизни. Таково вообще внутреннее время органической жизни, направляемое в своем течении от следствий к причинам-целям. Но это время обычно тускло доходит до сознания.

Одно близкое мне лицо, тоскуя по умершим близким, видело раз во сне себя гуляющим на кладбище. Другой мир казался ему темным и мрачным; но умершие разъяснили ему — а может, и само оно увидело как-то, не помню в точности как, — насколько ошибочна такая мысль: непосредственно за поверхностью земли растет, но в обратном направлении, корнями вверх, а листьями вниз такая же зеленая и сочная трава, как и на самом кладбище, и даже гораздо зеленее и сочнее, такие же деревья и тоже вниз своими купами и вверх корнями, поют такие же птицы, разлита такая же лазурь и сияет такое же солнце — все это чудеснее и прекраснее нашего, поюстороннего.

Разве в этом обратном мире, в этом онтологически зеркальном отражении мира мы не узнаем области м и н и м о г о, хотя это мнимое для тех, кто сам вывернулся через себя, кто перевернулся, дойдя до духовного средоточия мира, и есть подлинно реальное, такое же, как они сами. Да, это реальное в своей сути — не что-либо совсем иное в сравнении с реальностью этого, нашего мира, ибо едино благосотворенное Божие творение, но с д р у г о й стороны созерцаемое перешедшими на другую сторону то же самое бытие. Это — л и к и и д у х о в н ы е з р а к и вещей, зримые теми, кто в себе самом явил свой первозданный лик, образ Божий, а по-гречески и д е ю: идеи Сущего зрят просветлившиеся сами идеей, собою и через себя являющие миру, этому, нашему миру, идеи горнего мира.

Итак, сновидения и суть те образы, которые отделяют мир видимый от мира невидимого, отделяют и вместе с тем соединяют эти миры. Этим пограничным местом сновидческих образов устанавливается отношение их как к миру этому, так к миру тому. В отношении обычных образов зримого мира, в отношении того, что называем мы «действительностью», сновидение есть «только сон», ничто, nihil visibile, да, nihil, однако visibile — ничто, однако видимое; созерцаемое и тем сближающееся с образами э т о й «действительности». Но время его, а значит, его основная характеристика, построено о б р а т н о тому, чем стоит мир видимый. И потому, хотя и видимое, сновидение насквозь т е л е о л о г и ч н о, или символично. Оно насыщено смыслом иного мира, оно — почти чистый смысл иного мира, незримый, невещественный, непреходящий, хотя и являемый видимо и как бы вещественно. Оно — почти чистый смысл, заключенный в оболочку тончайшую, и потому почти всецело оно есть явление иного мира, того мира. Сновидение есть общий предел ряда состояний дольных и ряда переживаний горних, граница уточнения здешнего и оплотнения тамошнего. При

погружении в сон, в сновидении и сновидением символизируются самые нижние переживания горнего мира и самые верхние дольного: последние всплески переживаний иной действительности, хотя уже преднамечаются впечатления действительности здешней. Вот почему сновидения вечерние, перед засыпанием, имеют преимущественно значение п с и х о ф и з и о л о г и ч е с к о е, как проявления того, что скопилось в душе из дневных впечатлений, тогда как сновидения предутренние по преимуществу м и с т и ч н ы, ибо душа наполнена ночным сознанием и опытом ночи наиболее очищена и омыта ото всего эмпирического, насколько она, эта индивидуальная душа, вообще способна в данном ее состоянии быть свободною от пристрастий чувственного мира.

Сновидение есть знаменование перехода от одной сферы в другую и символ. Чего? — Из горнего — символ дольного, и из дольного — символ горнего. Теперь понятно, что сновидение способно возникать, когда одновременно даны сознанию оба берега жизни, хотя и с разною степенью ясности. Это бывает, вообще говоря, при переправе от берега к берегу, а, может быть, еще и тогда, когда сознание держится близ границы перехода и не совсем чуждо восприятию двойственному, т. е. в состоянии поверхностного сна или дремотного бодрствования. Все знаменательное в большинстве случаев бывает или через сновидение, или «в некоем тонком сне», или, наконец, во внезапно находящих отрывах от сознания внешней действительности. Правда, возможны и иные явления мира невидимого, но для них требуется мощный удар по нашему существу, внезапно исторгающий нас из самих себя, или же расшатанность, «сумеречность» сознания, всегда блуждающего у границы миров, но не владеющего умением и силою самостоятельно углубиться в тот или другой.

То, что сказано о сне, должно быть повторено с неболь-

шими изменениями о всяком переходе из сферы в сферу. Так, в художественном творчестве душа восторгается из дольного мира и восходит в мир горний. Там без образов она питается созерцанием сущности горнего мира, осязает вечные ноумены вещей и, напившись, обремененная ведением, нисходит вновь в мир дольный. И тут, при этом пути вниз на границе вхождения в дольное, ее духовное стяжание облекается в символические образы — те самые, которые, будучи закреплены, дают художественное произведение. Ибо искусство есть оплотневшее сновидение.

Но тут, в художественном отрыве от дневного сознания, есть два момента, как есть два рода образов: переход через границу миров, соответствующий восхождению или вхождению в горнее, и переход нисхождения долу. Образы же первого — это отброшенные одежды дневной суеты, накипь души, которой нет места в ином мире, вообще — духовно неустроенные элементы нашего существа, тогда как образы нисхождения — это выкристаллизовавшийся на границе миров опыт мистической жизни. Заблуждается и вводит в заблуждение, когда под видом искусства художник дает нам все то, что возникает в нем при подымающем его вдохновении, раз только это образы восхождения: нам нужны предутренние сны его, приносящие прохладу вечной лазури, а то, другое, есть психологизм и сырье, как бы ни действовали они сильно и как бы ни были искусно и вкусно разработаны. Вдумавшись, нетрудно различить и те и другие по признаку в р е м е н и: искусство нисхождения, как бы оно ни было несвязно мотивировано, очень телеологично, — кристалл времени во мнимом пространстве; напротив, при большой даже связности мотивировок, искусство восхождения построено механически, в соответствии со временем, от которого оно отправлялось. Идя от действительности в мнимое, натурализм дает мнимый образ

действительного, пустое подобие повседневной жизни; искусство же обратное — символизм — воплощает в действительных образах иной опыт, и тем даваемое им делается высшею реальностью.

И то же — в мистике. Общий закон везде один: душа восторгается из видимого и, потеряв его из виду, восхищается в область невидимого — это дионисическое расторжение уз видимого. И воспарив горé, в невидимое, она опускается снова к видимому, и тогда перед нею возникают уже символические образы мира невидимого — лики вещей, идеи: это — аполлиническое видение мира духовного. Есть соблазн принять за духовное, за духовные образы, вместо идей те мечтания, которые окружают, смущают и прельщают душу, когда перед нею открывается путь в мир иной. Это духи века сего пытаются удержать сознание в своем мире. Пограничные с миром потусторонним, они, хотя и здешней природы, уподобляются существам и реальностям мира духовного; говоря же геометрически и физически, при подходе к пределу этого мира, вступаем в условия существования хотя и непрерывно новые, однако весьма отличающиеся от обычных условий повседневности. И в этом — величайшая духовная опасность подхождения к пределу мира — при нежелании, вследствие мирских пристрастий или неумения, по отсутствию духовного разума — своего собственного или чужого, разума — руководителя, или, наконец, при бессилии, когда духовный организм незрел еще к такому переходу. Опасность же — в обманах и самообманах, на грани мира обступающих путника. Мир цепляется за своего раба, лишает, расставляет сети и прельщает якобы достигнутым выходом в область духовную, и стерегущие эти выходы духи и силы отнюдь не «стражи порогов», т. е. не благие защитники апофенных областей, не существа мира духовного, а приспешники «князя власти воздушной», прельстители и

обольстители, задерживающие душу у грани миров. Т р е з в ы й д е н ь, когда он держит в своей власти нашу душу, слишком явно отличен от области духовной, т. е. потусторонней, чтобы притязать на обольщение, и его вещественность сознается как тяжкое, но полезное нам иго, как благая тяга земли, стесняющая наше движение и вместе дающая точку опоры, праведно задерживающая стремительность нашего волевого акта самоопределения как доброго, так и злого, вообще растягивающая единый миг вечного, т. е. навеки, ангельского определения себя в ту или другую сторону, на время нашей жизни и делающая жизнь, земную нашу жизнь, не прозябанием, пассивно проявляющим все заранее имеющиеся возможности, но подвигом подлинного самоустранения, искусством ваяния и чеканки нашего существа. Этот удел наш, или д о л я н а ш а, εἰσαρτέω, μοῖρα, т. е. то, что и з р е ч е н о о нас свыше, суждено или присуждено, fatum ot fari, — удел нашей немощи и нашего превосходства, дар богоподобного творчества, есть в р е м я - п р о с т р а н с т в о. Оно не обольщает. Не обольщает и духовность, ангельский мир, когда душа стала к нему лицом к лицу. Но м е ж д у ними, у предела здешнего, сосредоточены соблазны и обольщения: это — т е п р и з р а к и, которые изображены в описании заколдованного леса Тассо. Если кто обладает духовною стойкостью и будет идти сквозь них, не устрасаясь и не склоняясь на их соблазны, они окажутся бессильными над душою, т е н я м и чувственного мира, сонными его вожделениями, по реальности своей ничтожными. Но стóит только, когда не сильна вера в Бога, когда человек опутан своими страстями и пристрастиями, — стóит только оглянуться на эти призраки, как они, от души оглянувшегося получив себе приток реальности, делаются сильны и, присосавшись к душе, тем более воплощаются, чем более слабеет притянувшая их к себе душа, и тогда трудно, очень трудно, почти невозможно

без особого вмешательства посторонней духовной силы вырваться из этих стихийных болот и топей, простирающихся у выхода из мира. Эта ловушка на языке аскетов носит название д у х о в н о й п р е л е с т и и всегда признавалась самым тяжким из состояний, в которое может попасть человек. При всяком грехе требуемое им действие необходимо ставит грешника в определенные отношения к внешнему бытию, с его объективными свойствами и законами, и, ударяясь в своем стремлении нарушить строй Божьего творения о природу и о человечество, обыкновенный грешник тем самым имеет опорные точки одуматься и принести покаяние; каяться — μετανοεῖν — и значит изменить образ мыслей, глубинной мысли нашего существа. Совсем иначе — при впадении в прелесть: тут самообольщение, питающееся той или другой страстью; более же всего и опаснее всего — гордостью, не ищет себе внешнего удовлетворения, но направляется, или, лучше сказать, мнит себя направленным по перпендикуляру к чувственному миру. Не получая никакого удовлетворения, ибо именно от этого выхождения из чувственного ее удерживают стражи границ этого мира при помощи ее собственных страстей, всегда беспокойная и при жизни начавшая гореть огнем геенны, душа замкнута в себе самой и потому не имеет повода столкнуться, хотя бы и очень больно, с тем, что единственно могло бы привести ее в сознание, — с объективным миром. Прелестные образы будоражат страсть, но опасность не в страсти как таковой, а в ее оценке, в принятии ее за нечто, прямо противоположное тому, что она есть на самом деле. И в то время как обычно страсть сознается слабостью, опасностью и грехом и, следовательно, смиряет, прелестная страсть оценивается как достигнутая духовность, т. е. как сила, спасение и святость, так что, если в обыкновенном случае усилия направлены на освобождение от рабства страсти, пусть хотя бы вялые и безре-

зультатные усилия, тут, при прелести, все старания, прищипываемые и тщеславием, и чувственностью, и другими страстями, в особенности же питаемые гордостью, сильнее покрепче затянуть узлы, бывшие когда-то совсем слабыми. Когда грешит обыкновенный грешник, он знает, что отдаляется от Бога и прогневляет Его; прелестная же душа уходит от Бога с мнением, что она приходит к Нему, и прогневляет Его, думая Его обрадовать. Происходит же все это от смешения образов восхождения с образами нисхождения. Все дело в том, что видение, возникающее на границе мира видимого и мира невидимого, может быть отсутствием реальности здешнего мира, т. е. непонятным знамением нашей собственной пустоты, ибо страсть есть отсутствие в душе объективного бытия; и тогда в пустую прибранную горницу вселяются уже совсем отрешившиеся от реальности личины реальности. Так и, напротив, видение может быть присутствием реальности, высшей реальности духовного мира. И подвиг самоочищения может иметь двоякий смысл и потому двоякое для нас значение: когда внутренняя прибранность оценивается сама по себе, как нечто, т. е. при фарисейском самосознании, когда неминуемо и самодовольство; а так как на самом деле душа пуста, и даже, освобожденная от хлама житейских попечений, стала пустее прежнего, то не терпящая духовной пустоты природа населяет эту горницу души теми существами, которые наиболее сродны с силами, побудившими к такой самоочистке, силами, как бы ни были они благовидны, корыстными и нечистыми у своего корня. Именно об этом фарисейском, т. е. не в Боге работаемом, подвижничестве говорит Спаситель притчею о выметенной горнице (Мф. 12,43—45; Лк. 11,24—26).

Напротив, действия похожие могут исходить и из самосознания прямо противоположного: в первом случае человек уверяет себя и других, что сам он, в глубине, на

самом деле хорош, а падения и прегрешения происходили и происходят как-то случайно, феноменально, вопреки сути дела, так что необходимо только почиститься, духовно приукраситься, то тогда, при этом нечувствии своей греховности, коренной греховности воли, неминуемо действие вне Бога, с воими силами, а потому самодовольство. Но, при сознании своей греховности, совсем не до мыслей о том, как бы выглядеть, хотя бы перед самим собою, духовно приглаженным; душа алчет и жаждет, она содрогается от сознания грозящей гибели, если она останется без Бога; и предмет ее попечений вовсе не сама она, а объективное, объективнейшее — Бог; и не чистой горницей она хочет похвалиться перед самой собой, а плача испрашивает посещения этой горницы, хотя бы и наскоро прибранной, Тем, Кто может из всякой лачуги одним словом воздвигнуть чертоги. И вот, при таком направлении внутренней жизни, видение является не тогда, когда мы силами собственным усилием превзойти данную нам меру духовного роста и выйти за пределы доступного нам, а когда таинственно и непостижимо наша душа уже побывала в ином невидимом мире, вознесенная туда самими горными силами; как «знамение завета», как радуга открывается после пролития этого благодатного дождя небесное явление, образ горнего, в напоминание и ради внедрения дарованного, незримого дара, в дневное сознание, во всю жизнь, как весть и откровение вечности. Это видение объективнее земных объективностей, полновеснее и реальнее, чем они; оно — точка опоры земному творчеству, кристалл, около которого и по кристаллическому закону которого, сообразно ему, выкристаллизовывается земной опыт, делаясь весь, в самом строении своем, символом духовного мира.

Онтологическая противоположность видений тех и других — видений от скудности и видений от полноты, — может быть, лучше всего характеризуется противопо-

ложением слов личина и лик. Но есть еще слово лицо. Начнем с него.

Лицо есть то, что видим мы при дневном опыте, то, чем являются нам реальности здешнего мира; и слово лицо, без насилия над языком, можно применять не только к человеку, но и к другим существам и реальностям, при известном к ним отношении, как говорим мы, например, о лице природы и т. д. Можно сказать, лицо есть почти синоним слова явление, но явление именно дневному сознанию. Лицо не лишено реальности и объективности, но граница субъективного в лице и объективного не дана нашему сознанию отчетливо, и, вследствие этой ее размытости, мы, будучи вполне уверены в реальности воспринимаемого нами, не знаем, или во всяком случае не знаем ясно, что именно в воспринимаемом реально. Иначе говоря, реальность присутствует в восприятии лица, но прикровенно, органически всасываясь познанием и образуя подсознательно основу для дальнейших процессов познания. Можно еще сказать, что лицо — это сырая натура, над которой работает портретист, но которая еще не проработана художественно. При художественной проработке в буквальном смысле слова возникает художественный образ, портрет, как типичное — по не идеальное — оформление восприятия: это есть «подрисовка» некоторых основных линий восприятия, одна из возможных схем, под которую подводится данное лицо, но в самом лице эта схема, как схема, выражена не более многих других, и в этом смысле есть нечто внешнее по отношению к лицу, определяя собою не только или не столько онтологию того, чье лицо изобразил художник, как познавательную организацию самого художника, средство художника. Напротив, лик есть проявленность именно онтологии. В Библии образ Божий различается от Божьего подобия; и церковное предание давно разъяснило, что под первым должно разуметь нечто актуаль-

ное — онтологический дар Божий, духовную основу каждого человека, как такового, тогда как под вторым — потенцию, способность духовного совершенства, силу оформить всю эмпирическую личность, во всем ее составе, образом Божиим, т. е. возможность образ Божий, сокровенное достояние наше, воплотить в жизни, в личности, и таким образом явить его в лице. Тогда лицо получает четкость своего духовного строения, в отличие от простого лица; но, в отличие от художественного портрета, не в силу внешних себе мотивов, как то: композиционных, архитектурных, характерологических и т. д. — и не в изображении, а в самой своей вещественной действительности и сообразно глубочайшим заданиям собственного своего существа. Все случайное, обусловленное внешними этому существу причинами, вообще все то в лице, что не есть самое лицо, оттесняется здесь забытой ключом пробившейся через толщу вещественной коры энергией образа Божия: лицо стало ликом. Лик есть осуществленное в лице подобие Божие. Когда перед нами — подобие Божие, мы вправе сказать: вот образ Божий, а образ Божий — значит и Изображаемый этим образом, Первообраз его. Лик, сам по себе, как созерцаемый, есть свидетельство этому Первообразу; и преобразившие свое лицо в лик возвещают тайны мира невидимого без слов, самим своим видом. Если мы вспомним, что по-гречески лик называется и деией — εἶδος, ἰδέα — и что в этом именно смысле лика — явленной духовной сущности, созерцаемого вечного смысла, пренебесной красоты некоторой действительности, ее горнего первообраза, луча от Источника всех образов — было использовано слово идея Платоном, а от него распространилось в философию, в богословие и даже в житейский язык, то, направившись обратно от идеи к лику, значение этого последнего делаем себе совсем прозрачным.

Полную противоположность лику составляет слово личина.

Первоначальное значение этого слова есть маска, ларва, чем отличается нечто подобное лицу, похожее на лицо, выдающее себя за лицо и принимаемое за таковое, но пустое внутри как в смысле физической вещественности, так и в смысле метафизической субстанциональности. Лицо есть явление некоторой реальности и оценивается нами именно как посредничающее между познающим и познаваемым, как раскрытие нашему взору и нашему умозрению сущности познаваемого. Вне этой своей функции, т. е. вне откровения нам внешней реальности, лицо не имело бы смысла. Но смысл его делается отрицательным, когда оно, вместо того, чтобы открывать нам образ Божий, не только ничего не дает в этом направлении, но и обманывает нас, лживо указывая на несуществующее. Тогда оно есть личина. Тут, при пользовании этим словом, мы совершенно не будем считаться с древнейшим, сакральным назначением масок и соответственным смыслом слова — *larva*, *persona*, *πρόσωπον* и т. д., ибо тогда маски вовсе не были масками, как мы это разумеем, но были родом икон. Когда же сакральное разложилось и выдохлось, а священная принадлежность культа была омирщена, то тогда-то, из этого кощунства в отношении к античной религии, и возникла маска в современном смысле, т. е. обман тем, чего на самом деле нет, мистическое самозванство, даже в самой легкомысленной обстановке имеющее привкус какого-то ужаса.

Характерно, что слово *larva* получило уже у римлян значение астрального трупца, «пустого» — *inanis*, бессубстанционального клише, оставшегося от умершего, т. е. темной, безличной вампирической силы, ищущей себе для поддержки сил и оживления свежей крови и живого лица, которое эта астральная маска могла бы облечь, присосавшись и выдавая это лицо за свою сущность. Замечательно, что в учениях самых различных даже терминологически выражается вполне единообразно основной при-

знак — лжереальность этих астральных останков: в частности, в каббале они называются «клипот» — шелуха, а в теософии — «скорлупами». Достоин внимания и то, что такая безядерность скорлуп, пустота лжереальности всегда почиталась народной мудростью свойством нечистого и злого. Вот почему, как немецкие предания, так и русские сказки признают нечистую силу пустою внутри, корытообразной или дуплообразной, без станového хребта — этой основы крепости тела, лжетелами и, следовательно, лжесуществами; напротив, бог начала реальности и блага, бог Озирис изображается в Египте символом джеду, в котором усматривают, как основное значение, схематически изображенный становой хребет Озириса: злое и нечистое лишено хребта, т. е. субстанциальности, а доброе реально, и хребет его есть самая основа его бытия. А чтобы такое толкование не казалось произвольным, напомним об Э. Махе: он отрицает реальное ядро личности, субстанцию ее; но представление о нем в человечестве есть, и, следовательно, добросовестному исследователю необходимо так или иначе найти психологическую основу такого представления. Мах находит ее именно в той части человеческого тела, которая недоступна внешнему опыту его самого: это трансцендентная зрению часть, как он полагает, есть не что иное, как спина и определение — спинной хребет. Как видим, честный позитивизм привел этого архипозитивиста к исходной точке немецкой психологии — к чудесным повествованиям Цезария Гейстербахского.

Злое и нечистое вообще лишено подлинной реальности, потому что реально только благо и все им действующее. Если диавола называла средневековая мысль «обезьяной Бога», а искуситель прельщал первых людей замыслом «быть как боги», т. е. не богами по существу, а лишь обманчивой видимостью их, то можно вообще говорить о грехе как об обезьяне, о маске, о видимости реальности, ли-

шенной ее силы и существа. Существо же человека есть образ Божий, и потому грех, пронизывая собою всю создаваемую «храмину», по Апостолу, личности, не только не служит выражению вонне существа личности, но, напротив, закрывает это существо. Явление личности отщепляется от существенного ее ядра и, отслоившись, делается скорлупою. Явление — этот свет, которым входит в познающего познаваемое, делается тогда тьмою, отделяющею и уединяющею познаваемое от познающего, в том числе и от себя самого как познающего: «явление» из общенародного, платоновского, церковного, в смысле выявления или откровения реальности, сделалось «явлением» кантовским, позитивистическим, иллюзионистическим. Было бы большой ошибкой говорить, что кантовское явление не существует и что термин этот лишен смысла, как было бы еще большей ошибкой отрицать существование платоновского явления и смысл соответственного термина. Но то и другое относится к разным духовным фазам бытия, и тогда как платонизм, в особенности церковное миропонимание, имеет в виду благое и святое, кантовское — злое и греховное; однако ни то, ни другое направление мысли не лишено своего предмета исследования.

Отслаивая явление от сущности, грех тем самым вносит в лик — чистейшее откровение образа Божия — посторонние, чуждые этому духовному началу, черты и тем затмевает свет Божий: лицо — это свет, смешанный с тьмою, это тело, местами изъеденное искажающими его прекрасные формы язвами. По мере того, как грех овладевает личностью и лицо перестает быть окном, откуда сияет свет Божий, и показывает все определеннее грязные пятна на собственных своих стеклах, лицо отщепляется от личности, ее творческого начала, теряет жизнь и цепенеет маской овладевшей страсти. Хорошо подмеченная Достоевским маска у Ставрогина, каменная маска

вместо лица — такова одна из ступеней этого распада личности. А далее, когда лицо стало маской, мы, по-кантовски, уже ничего не можем узнать о ноумене и с позитивистами не имеем основания утверждать его существования. Раз, по Апостолу, «совесть сожжена» и ничего, ни один луч от образа Божия не доходит до являемой поверхности личности, нам неведомо, не произошло ли уже суда Божия и не отнят ли Вручившим залог богоподобия, Его образ. Может быть, нет, еще хранится талант под покровом темного праха, а может быть, и да, так что личность давно уже уподобилась тем, кто не имеет спины. Напротив, высокое духовное восхождение осиявает лицо светоносным ликом, изгоняя всякую тьму, все недовыраженное, недочеканенное в лице, и тогда лицо делается художественным портретом себя самого, идеальным портретом, проработанным из живого материала высочайшим из искусств, «художеством художеств». Подвижничество есть такое искусство; и подвижник не словами своими, а самим собою, вместе со словами, как своими, а не отвлеченно, не отвлеченной аргументацией свидетелем и доказывает истину — истину реальности, подлинной реальности. Это обстоятельство написано на лице подвижника. «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваши добрые дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех». (Мф. 5, 16). «Ваши добрые дела» — это отнюдь не «добрые дела» в русском значении слова, не филантропия и морализм, а «ὄμοις τὰ χαλά ἔργα», т. е. прекрасные дела, светоносные и гармонические проявления духовной личности, прежде всего, светлое, прекрасное лицо, красотою которого распространяется во вне «внутренний свет» человека, и тогда побежденные неотразимостью этого света «человеки» прославят Отца Небесного, Чей образ на земле столь светел. И в соответствии с этим, так просиял уже первый свидетель делу Христову — первый мученик: «И возревше нань, вси седящие в сонмищи, ви-

девше лице его яко лице ангела» (Деян. 6, 15); от первого из свидетелей и до объявленного некоторыми «последним» почему-то — до Серафима Преподобного — мы имели бесчисленное множество свидетельств о Божественной свестоносности подвижнических ликов, о воссиянии их как диск солнца; всякому, кто соприкасался с носителями благодатной жизни, приходилось собственными глазами видеть хотя бы зачатки этого светового преобразования лица в лик. Едва ли требуется настаивать на мысли о преобразовании и преобразении в Церкви всего человека, т. е. тела человека, потому что ядро человеческого существа — образ Божий — не нуждается в преобразении, сам — свет и чистота, но, напротив, преобразует собою, как творческою формою, всю эмпирическую личность, весь состав человека, его тело. Вот место слова Божия, которым в числе многих других устанавливается направление подвига: «Молю убо вас, братия ... представите телеса ваши жертву живу, святу, благоугодно Богу, словесное служение ваше. И не сообразуйтесь веку сему, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная. Глаголю бо благодатию, дающею мне, всякому существу в вас не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать, но мудрствовать о целомудрии, коемуждо яко же Бог разделил есть меру веры» (Рим. 12,1—3).

Итак, Апостол увещевает римских христиан представить или поставить свои тела в жертву Богу; предоставление в жертву тела есть словесное служение, т. е. служение, обладающее даром слова или способное свидетельствовать истину. Христианин говорит телом своим. Дальше Апостол поясняет, что собственно значит предоставить тело в жертву; это, конечно, не означает внешнего мученичества, пытки или смерти, например, самих по себе, хотя бы по одному тому, что в такую жертву предоставляют христианские тела обрекающие их на казнь, и не от

христианина зависит предоставить или не предоставить в жертву свое тело в таком смысле. То же, что зависит, указывается Апостолом в словах: «не сообразуйтесь веку сему», т. е. не имейте с веком сим общей схемы, общего закона бытия, который свойствен здешнему миру, в его настоящем состоянии, — это отрицательно; а положительно: «но преобразуйтесь», или преобразайтесь, изменяйте образ бытия, закон, творческую форму. В чем же выражается изменение формы, духовного строения тела из схемы века сего в нечто преобразенное? Апостол говорит: «преобразуйтесь обновлением ума», а по некоторым спискам — добавлено «вашего»; преобразование тела достигается обновлением ума как средоточия всего существа. Признаком же достижения этой обновленности ума служит испытывание воли Божией. Иначе говоря, предоставить свое тело в жертву — это значит приобрести духовную чуткость в познании воли Божией, — благой и совершенной. Но этому тезису святости противостоит антитезис, ибо в стремлении постигнуть волю Божию естественно начать мудрствовать о ней своими силами и подлинное соприкосновение с небом подменить отвлеченным рассуждением. Каждому Бог уделил свою меру веры, т. е. «обличение вещей невидимых». И здравая мысль может быть лишь в пределах этой веры, тогда как выхождение за ее пределы будет извращением. Апостол афористически выражает свою мысль в почти непереводаемых словах: «μη υλερφορευθω λαο' ό δεϊφρορευθω, αλλά φρορευθω εις τό οωφρορευθω», ставя противоположными понятиями общего понятия φρορευθω понятия: υλερφορευθω и οωφρορευθω. Эти два полюса и соответствуют: первый — сообразованию тела веку сему, отчего отщепляется личина; второй — преобразованию, можно добавить, «по веку будущему», и тогда начинает светиться из тела лик.

Храм есть путь горнего восхождения. Так — во времени: богослужение, это внутреннее движение, внутрен-

нее расчленение храма, ведет по четвертой координате глубины — горé. Но так же — и в пространстве: организация храма, направляющая от поверхностных оболочек к средоточному ядру, имеет то же значение. Точнее говоря, это не то же, в смысле та кой же, а буквально, нумерически то же, хотя и рассматривается в отношении других координат. Пространственное ядро храма намечается оболочками: двор, притвор, самый храм, алтарь, престол, антиминс, чаша, Святые Тайны, Христос, Отец. Храм, как разъяснено было ранее, есть лестница Иаковлева, и от видимого она возводит к невидимому; но весь алтарь, как целое, есть уже место невидимого, область, оторванная от мира, пространство неотмирное. Весь алтарь есть небо: умное, умопостигаемое место, то́ло҃з вое́ро́бъ, и даже то́ло҃з вои́то҃з с «шренебесным и мысленным жертвенником». Сообразно различным символическим знаменованиям Храма, алтарь означает и есть различное, но всегда стоящее в отношении недоступности, трансцендентности к самому храму. Когда храм, по Симеону Солунскому, в христологическом толковании знаменует Христа Богочеловека, то алтарь имеет значение невидимого Божества, Божеского естества Его, в самый храм — видимого, человеческого. Если общее истолкование антропологическое, то, по тому же толкованию, алтарь означает человеческую душу, а самый храм — тело. При богословском толковании храма, как указывает Солунский Святитель, в алтаре нужно видеть таинство непостижимой по существу Троицы, а в храме — Ее познаваемый в мире промысел и силы. Наконец, космологическое изъяснение у того же Симеона за алтарем признает символ неба, а за самым храмом — земли. Понятно, многообразием этих толкований онтологическое значение алтаря, как мира невидимого, только укрепляется.

Но невидимое именно потому, что оно невидимо, само по себе недоступно взору чувственному; и алтарь, как ноу-

мен, был бы несуществующим для незрячих духовно глаз, как недоступны осязанию столбы, струение и завесы фи́миама, если бы не был отмечен такими вехами, которые, будучи доступны опыту чувственному, сами усматривают мир невидимый. Ограничение алтаря необходимо, чтобы он не оказался для нас как ничто; но это ограничение возможно только реальностями двойственной способности восприятия. Если бы они были только духовны, то оказались бы недоступными нашей немощи, и дело, в нашем сознании, не улучшилось бы. А если бы они были только в мире видимом, тогда они не могли бы отмечать собою границу невидимого, да и сами не знали бы, где она. Небо от земли, горнее от дольного, алтарь от храма может быть отделено только видимыми свидетелями мира невидимого, живыми символами соединения того и другого, иначе — святыми тварями. Это они, зримые в видимом, свободные от сообразия веку сему, преобразовали свое тело и, обновив свой ум, пребывают «превыше мирского слияния», в невидимом. Потому-то они и свидетели невидимому — свидетели сами собою, самим видом своим, ликом своим. Они живут с нами и доступны общению, даже доступнее нас самих; они — не призраки земли, но плотно стоят на земле, совсем неотвлеченные, совсем небескровные. Но они — не только они — не кончаются заглушенно тут же, на земле; они — идеи, живые идеи мира невидимого. Они — свидетели, можно сказать, на границе видимого и невидимого, как символические образы видений при переходе от одного сознания к другому. Они — живая душа человечества, которую оно взлопо в мир горний; отложив призрачные мечтания при переходе и восприняв иной мир, при возвращении долу, себя самих преобразили в ангельские образы мира ангельского. И не случайно этих свидетелей, своими ангельскими ликами делающих нам близким и доступным невидимое, народная молва издавна называет ангелами во плоти. Так волнистые обла-

ка образуются на границе воздушных течений разной высоты и разной направленности, на поверхности соприкосновения текущих один над другим слоев воздушного океана; и потому ветры, их образующие, не могут унести их, и воздушные гряды пребывают недвижимы стремительным летом воздушных потоков. И так же — туман, окутывающий горную вершину: бушуют окрест горы ветряные бури, а туманное покрывало не шелохнется. Такой туман образуется у грани видимого и невидимого. Он завлакивает собою недоступное немощному зрению, но он же и указывает наличие того, что превыше мира. Имея отверстыя духовные очи и возведя их к Престолу Божию, мы созерцаем небесные видения — облако, обволакивающее Синай — тайну Божьего присутствия, и, обволакивая, ее же объявляющее и возвещающее. Это — «облак свидетелей» (Евр. 12, 1) — святых. Они обступают алтарь; ими, «живыми камнями», построена живая стена иконостаса, ибо они — одновременно в двух мирах и совмещают в себе жизнь здешнюю и жизнь тамошнюю. И, являясь восхищенному умному взору, святые свидетельствуют о Божьем тайнодействии, свидетельствуют с оими и л и к а м и: духовное видение символично, и эмпирическая кора насквозь пронизана в них светом свыше.

Алтарная преграда, разделяющая два мира, есть иконостас. Но иконостасом можно было бы именовать кирпичи, камни, доски. Иконостас есть граница между миром видимым и миром невидимым, и осуществляется эта алтарная преграда, делается доступной сознанию сплотившимся рядом святых, облаком свидетелей, обступивших Престол Божий, сферу небесной славы, и возвещающих тайну. Иконостас есть видение. Иконостас есть явление святых и ангелов — ангелофания, явление небесных свидетелей, и прежде всего Богоматери и Самого Христа во плоти, — свидетелей, возвещающих о том, что по ту сторону плоти. Иконостас есть сами святые. И ес-

ли бы все молящиеся в храме были достаточно одухотворены, если бы зрение всех молящихся всегда было видящим, то никакого другого иконостаса, кроме предстоящих Самому Богу свидетелей Его, своими ликами и своими словами возвещающих Его страшное и славное присутствие, в храме и не было бы.

По немощности духовного зрения молящихся, Церкви, в заботе о них, приходится пристраивать некоторое пособие духовной вялости: эти небесные видения, яркие, четкие и светлые, отмечать, закреплять вещественно, след их связывать краскою. Но этот костыль духовности, вещественный иконостас, не прячет что-то от верующих — любопытные и острые тайны, как по невежеству и самолюбию вообразили некоторые, а, напротив, указывает им, полуслепым, на тайны алтаря, открывает им, хромым и увечным, вход в иной мир, запертый от них собственной их косностью, кричит им в глухие уши о Царствии Небесном, после того как оказались они недоступными речи в обыкновенный голос. Конечно, этот крик лишен всех тонких и богатых средств выразительности, которыми обладает спокойная речь; но кто же виноват, если последнюю не только не оценили, но и не заметили ее, и что остается тогда, кроме крика? Снимите вещественный иконостас, и тогда алтарь, как таковой, из сознания толпы вовсе исчезнет, закроется капитальной стеною. Но вещественный иконостас не заменяет собою иконостаса живых свидетелей и ставится не вместо них, а лишь как указание на них, чтобы сосредоточить молящихся вниманием на них. Направленность же внимания есть необходимое условие для развития духовного зрения. Обратно говоря, храм без вещественного иконостаса отделен от алтаря глухой стеной; иконостас же пробивает в ней окна, и тогда через их стекла мы видим, по крайней мере можем видеть, происходящее за ними — живых свидетелей Божиих. Уничтожить иконы — это значит замуро-

вать окна; напротив, вынуть и стекла, ослабляющие духовный свет для тех, кто способен вообще видеть его непосредственно, образно говоря, в прозрачном безвоздушном пространстве, — это значит научиться дышать эфиром и жить в свете славы Божией; тогда, когда это будет, вещественный иконостас сам собою упразднится с упразднением всего образа мира сего, и с упразднением даже веры и надежды, и с созерцанием чистою любовью вечной славы Божией.

Так, неопытному ученику надо инъецировать кровеносные сосуды краскою, чтобы впервой обратить его внимание на их пути и направления; так, приступающему к геометрии приходится чувственно выделять толщиною и видом штриха, даже цветом, линии и поверхности, на которых лежит тяжесть аргументаций; так, на первых шагах нравственного воспитания наглядными примерами болезней, бедствий и внешних страданий наставник живописует последствия пороков. Но, когда внимание стало упругим и не внешним впечатлением приводится к сосредоточению на известном объекте и само от себя способно выделять из шума чувственных впечатлений признак или объект, хотя и теряющийся среди других, поражающих, но ненужных для понимания, тогда необходимость чувственных опор вниманию отпадает. И в области созерцания сверхчувственного не иначе: мир духовный, невидимое, не где-то далеко от нас, но окружает нас; и мы — как на дне океана, мы тонем в океане благодатного света. Однако, по непривычке, по незрелости духовного ока, этого светопосного царства мы не замечаем, часто не подозреваем его присутствия и только сердцем невинно ощущаем общий характер происходящих вокруг нас духовных течений. Когда Христос исцелял слепорожденного, тот видел сперва проходящих людей, как деревья, — это первое оформление небесных видений. Но мы пролетающих ангелов не видим ни как деревья, ни как тень

попавшей между нами и солнцем далекой птицы, хотя более чуткие иногда и отметят могучие взмахи ангельских крыл, но эти взмахи почувствуются лишь как тончайшее дуновение. Икона — и то же, что небесное видение, и не то же: это — линия, обводящая видение. Видение не есть икона: оно реально само по себе; но икона, совпадающая по очертаниям с духовным образом, есть в нашем сознании этот образ, и вне, без, помимо образа, сама по себе, отвлеченно от него не есть ни образ, ни икона, а доска. Так, окно есть окно, поскольку за ним простирается область света, и тогда самое окно, дающее нам свет, есть, не «похоже» на свет, не связывается в субъективной ассоциации с субъективно мыслимым представлением о свете, а есть самый свет, в его онтологическом самодовлестье, тот самый свет, неделимый в себе и неотделимый от солнца, что светит во внешнем пространстве. А само по себе, т. е. вне отношения к свету, вне своей функции, окно, как не действующее, мертво и не есть окно: отвлеченно от света, это — дерево и стекло. Мысль простая; но почти всегда останавливаются где-то на середине, между тем как правильнее не дойти до середины или перейти ее: обычное понимание символа как чего-то самодовлеющего, хотя и частично условно, истинного, коренным образом ложно, потому что символ или больше этого, или меньше. Если символ, как целесообразный, достигает своей цели, то он реально неотделим от цели — от высшей реальности, им являемой; если же он реальности не являет, то значит — цели не достигает, и, следовательно, в нем вообще нельзя усматривать целесообразной организации, формы, и значит, как лишенный таковой, он не есть символ, не есть орудие духа, а лишь чувственный материал. Повторим, нет окна самого по себе, потому что понятие окна, как и всякого орудия культуры, конститутивно содержит в себе целесообразность: то, что не целесообразно, не есть и явление культуры. Следовательно,

или окно есть свет, или оно — дерево и стекло, но никогда оно не бывает просто окном. Так и иконы — «видимые изображения тайных и сверхъестественных зрелищ», по определению святого Дионисия Ареопагита. Икона всегда: или больше себя самой, когда она — небесное видение, или меньше, если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного и не может быть называема иначе, как расписанной доской. Глубоко ложно то современное направление, по которому в иконописи надлежит видеть древнее искусство, живопись, и ложно прежде всего потому, что тут за живописью вообще отрицается собственная ее сила: даже и вообще живопись или больше или меньше самой себя. Всякая живопись имеет целью вывести зрителя за предел чувственно воспринимаемых красок и холста в некоторую реальность, и тогда живописное произведение разделяет со всеми символами вообще основную их онтологическую характеристику — быть тем, что они символизируют. А если своей цели живописец не достиг — вообще ли, или применительно к данному зрителю — и произведение никуда за себя самого не выводит, то не может быть и речи о нем как о произведении искусства; тогда мы говорим о мазне, о неудаче, и т. п. Теперь, икона имеет целью вывести сознание в мир духовный, показать «тайные и сверхъестественные зрелища». Если, по оценке или, точнее, по чутью смотрящего на нее, эта цель ничуть не достигается, если не возбуждается хотя бы отдаленного ощущения реальности иного мира, как уже издали йодистый запах водорослей свидетельствует о море, то что же можно сказать об иконе, как не то, что она не вошла в круг произведений культуры, и тогда ценность ее — лишь материальная или, в лучшем случае, археологическая.

«И яко же тогда являшеся,— пишет преподобный Иосиф Волоцкий об иконе Святой Троицы преподобного Андрея Рублева,— тако и ныне сподобися нами въобра-

жатися и писатися. И ради такового изображения, трисвятая песнь Трисвятей и Единосущней и Животворящей Троице на земле приносится; желанием безчисленным, и любовью безмерною, и духом възсыхщающесе к первообразному оному и непостижимому подобию и от вещнаго сего зрака възлетает оумь и мысль к Божественному желанию и любви; и не вещь чтоуще но видь и зракъ красот их: понеже почесть иконнаа на первообразное преходит и не токмо ныне освещаемся и просвещаемся Духом Святым, но в боудущем веце мьзду велию же и неизреченноу примем, егда телеса святых паче солнечных светлости просветятся, иже ради воображения иконнаго любовне целоуютъ и почитаютъ едино существо Божества в триех образныхъ съставехъ молящесе пречистому оному Божественному подобию Святыя и Живоначальныя Троицы с Отцем, Сыноу, и Пресвятому Духу, Богу нашему благодарение възсылающе». Вот понимание иконописи, как орудия сверхчувственного познания, теми, кто руководил писанием икон и писал их; такова цель. По одному из определений Седьмого Вселенского Собора, «живописцу принадлежит только техническая сторона дела, а самое учреждение (διάταξις, т. е. построение, композиция, даже больше,— вообще художественная форма) очевидно зависело от святых отцов». Это существенное указание свидетельствует не об антихудожественном доктринальном нормировании иконописного творчества внешними в отношении его, как такового, соображениями и правилами, не о цензуре икон, а свидетельствует, кого именно Церковь признавала и признает истинными иконописцами — святых отцов. Это они творят искусство, ибо они созерцают то, что надлежит изобразить на иконе. Как же может писать икону тот, кто не только пред собою не имеет, но и не видывал никогда первообраза, или, выражаясь на языке живописи, природы? Если даже в области чувственного, наблюдаемой с детства непрестанно, художник ищет

себе природы, хотя аналогичных предметов видел бесчисленное множество, то не величайшая ли наглость притязать на изображение мира сверхчувственного, в полной отчетливости даже святыми созерцаемого урывками и единичными мгновениями, со стороны вовсе его не видевших?

Религиозная живопись Запада, начиная с Возрождения, была сплошь художественной неправдой, и, проповедуя на словах близость и верность изображаемой действительности, художники, не имея никакого касательства к той действительности, которую они притязали и дерзали изображать, не считали нужным внимать даже тем скудным указаниям иконописного предания, т. е. знания, каков духовный мир, который сообщала им католическая Церковь. Между тем иконопись есть закрепление небесных образов, оплотнение на доске дымящегося окрест престола живого облака свидетелей. Иконы вещественно намечают эти пронизанные знаменательностью лики, эти сверхчувственные идеи и делают видения доступными, почти общедоступными. Свидетели этих свидетелей — иконописцы — дают нам образы, εἶδη, εἰχόνες своих видений. Иконы своей художественной формой непосредственно и наглядно свидетельствуют о реальности этой формы: они говорят, но линиями и красками. Это — написанное красками Имя Божие, ибо что же есть образ Божий, духовный Свет от святого лика, как не начертанное на святой личности Божие Имя? Подобно тому, как свидетель — мученик, святой, хотя и он говорит, однако свидетельствует не себя, а Господа, и собою не себя, а Его являет, так и эти свидетели свидетелей — иконописцы — свидетельствуют не свое иконописное искусство, т. е. не себя, а святых, свидетелей Господа, ими же — и Самого Господа.

Из всех философских доказательств бытия Божия наиболее убедительно звучит именно то, о котором даже не упоминается в учебниках; примерно оно может быть пост-

роено умозаключением: «Есть Троица Рублева, следовательно, есть Бог».

В иконописных изображениях мы сами — уже сами — видим благодатные и просветленные лики святых, а в них, в этих ликах — явленный образ Божий и Самого Бога. И мы, как самаряне, говорим иконописцам: «Уже не потому веруем, что вы свидетельствуете написанными вами иконами святость святых, а сами слышим исходящее от них ч р е з произведение вашей кисти самосвидетельство святых, и не словами, а ликами своими. Мы сами слышим сладчайший глас Слова Божия, Верного Свидетеля, глас, проникающий своим сверхчувственным звуком все существо святых и приводящий его в совершенную гармонию. Но не вы создали эти образы, не вы явили эти живые идеи нашим обрадованным очам — сами они явились нашему созерцанию; вы же лишь устранили застилавшие нам их свет пренятствия. Вы помогли нам снять чешую, затянувшую духовные очи. И теперь мы, помощью вашу, видим, но уже не ваше мастерство, а полно-реальное бытие самих ликов видим. Вот, я смотрю на икону и говорю в себе: «Се — Сама Она» — не изображение Ее, а Она Сама, чрез посредство, при помощи иконописного искусства созерцаемая. Как чрез окно, вижу я Богоматерь, Самую Богоматерь, и Ей Самой молюсь, лицом к лицу, но никак не изображению. Да в моем сознании и нет никакого изображения: есть доска с красками, и есть Сама Матерь Господа. Окно есть окно, и доска иконы — доска, краски, олифа. А за окном созерцается Сама Божия Матерь; а за окном — видение Пречистой. Иконописец показал мне Ее, да, но не создал; он отверз завесу, а Та, Кто за завесой, предстает объективной реальностью не только мне, но равно и ему, им обретается, ему является, но не сочиняется им, хотя бы и в порыве самого высокого вдохновения. Икону должно или недооценивать, сравнительно с ходячим позитивистическим полупризна-

нием, или переоценивать, но ни в коем случае не застревать на психологической, ассоциативной ее значимости, т. е. на ней как на изображении. Всякое изображение, по необходимой символичности своей, раскрывает свое духовное содержание не иначе, как в нашем духовном восхождении «от образа к первообразу», т. е. при онтологическом соприкосновении нашем с самим первообразом; тогда, и только тогда, чувственный знак наливается соками жизни и, тем самым, неотделимый от своего первообраза, делается уже не «изображением», а передовой волной или одной из передовых волн, возбуждаемых реальностью. А все другие способности явления нашему духу самой реальности — тоже волны, ею возбуждаемые, включительно до нашего жизненного общения с нею: ведь всегда мы общаемся с энергией сущности и чрез энергию — с самою сущностью, но не непосредственно с последней. И икона, будучи я в л е н и е м, энергией, светом некоторой духовной сущности, а точнее сказать, благодатью Божией, есть больше, чем хочет ее считать мысль, выдающая себе аттестат «трезвости», или же, если этого прикосновения к духовной сущности не произошло, она не есть вообще что-либо познавательного значения.

Так мы вплотную подошли к постоянно применявшемуся в иконоборческих спорах термину и понятию **напоминания**.

Защитники икон бесчисленное число раз ссылаются на **напоминательное** значение икон: иконы, — говорят святые отцы и их словами Седьмой Вселенский Собор, — напоминают молящимся о своих первообразах, и, взирая на иконы, верующие «возносят ум от образов к первообразам». Такова очень прочно окрещшая богословская терминология. На эти выражения теперь нередко ссылаются, да и толкуют их вообще в смысле субъективно-психологическом и коренным образом ложно, до основания извращая мысль святых отцов и собственными

руками, под видом защиты икон, восстанавливая, да притом грубо и безоговорочно, иконоборчество; да и настолько то, древнее, иконоборчество, над которым восторжествовало церковное учение, было вдумчивее, тоньше и острее, сложнее по мысли, нежели современные перепевы на ту же тему при возражениях протестантам и рационализму. Ведь иконоборцы вовсе не отрицали возможности и полезности религиозной живописи, к каковой ныне приравниваются иконы; иконоборцы именно, говоря по современному, и указывали на субъективно-ассоциативную значимость икон, но отрицали в них онтологическую связь с первообразами, и тогда все иконопочитание — лобызание икон, молитва им, каждение перед ними, возжигание свеч и лампад и т. п., т. е. относимое к «изображениям», стоящим вне и помимо самих первообразов, к этому двойнику почитаемого — не могло не расцениваться как преступное идолопоклонство. Если иконы суть «изображения», то нелепо и греховно этим педагогическим пособиям воздать «честь», подобающую одному только Богу, и совершенно непостижимо, что собственно значит издавняя вера Церкви о восхождении к первообразу — чести, воздаваемой образу. Но тогда, в период иконоборческих споров, люди знали, о чем собственно они спорят и в чем между собою не согласны: были иконопочитатели и были иконоборцы. Теперь и иконопочитатели учат по-иконаборчески, сами не зная, отстаивают ли собственно они иконы, или, напротив, отвергают. Дело же в забвении, что споры об иконах происходили в IX веке, а не десятью веками позже, в Византии, а не в Англии, и на почве философии Платона-Аристотелевской, а не Юме-Милле-Бэконовской. Подставив в святоотеческую соборную терминологию содержание английского сенсуализма и сенсуалистической психологии вместо подразумевавшегося ими значения онтологического, на почве древнего идеализма, нынешние защитники икон успешно выиграли поединок, некогда потерянному иконоборцами.

Итак, что же значат в соборных постановлениях термины: первообраз и образ, напоминание, ум и т. д.?

Таким образом, икона напоминает о некотором первообразе, т. е. пробуждает в сознании духовное видение: у того, кто ярко и сознательно созерцал это видение, это новое, вторичное видение, посредством иконы, само ярко и сознательно. А в другом икона будит дремлющее глубоко под сознанием восприятие духовного, но во всяком случае не просто утверждает, что есть такое восприятие, а дает почувствовать или приблизить к сознанию собственный опыт такого рода. При молитвенном цветении высоких подвижников иконы неоднократно бывали не только окном, сквозь которое виделись изображенные на них лица, но и дверью, которою эти лица входили в чувственный мир. Именно с икон чаще всего сходили святые, когда являлись молящимся.

Но в меньшей, хотя по существу и родственной этим случаям, степени подобные явления испытывались многими, и далеко не подвижниками: я разумею то острое, пронзающее душу чувство реальности духовного мира, которое, как удар, как ожог, внезапно поражает едва ли не всякого, впервые увидевшего некоторое священнейшее произведение иконописного искусства. Тут не остается и малейшего места помыслам о субъективности открывшегося через икону, таким живым, таким бесспорно объективным и самобытным предстоит оно взору, духовному и телесному равно. Как светлое, проливающее свет видение, открывается икона. И, как бы она ни была положена или поставлена, не можешь сказать об этом видении иначе, чем словом *высится*. Оно сознается превышающим все его окружающее, пребывающим в ином, своем пространстве и в вечности. Пред ним утихает горение страстей и суета мира, оно сознается выше-мирным, качественно превосходящим мир, из своей области

действующим тут, среди нас. Несомненно оно есть, это произведение кисти; но непостижимо, чтобы было оно, и собственным глазам не веришь, когда они свидетельствуют об этой всепреодолевающей победной красоте. Таково действие Троицы Рублева, таково ни с чем не сравнимое впечатление Владимирской Божией Матери. Но эти и другие иконописные уники, единым ударом поражающие зрение самое нечуткое, не должны, тем не менее, рассматриваться совсем обособленно от прочих. Сохраняя в основе иконописные формы икон высшего порядка — скажем так пока предварительно, — все иконы таят в себе возможность этого духовного откровения, хотя и под покровом более или менее малопроницаемым. Но приходит час, когда духовное состояние созерцающего икону дает ему силу прочувствовать ее духовную суть и чрез ее покров, искажающий ее формы, и икона оживает и делает свое дело — свидетельство о горнем мире.

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образа ярким сиянием
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью и покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного.
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой Заступнице мира холодного...—

возникло в тревожной и мятущейся душе Лермонтова, как такое откровение Богоматерней иконы. И не одно стихотворение удостоверяет церковное учение, что все иконы чудотворны, т. е. могут быть окнами в вечность, хотя и не каждая данная икона уже была таковою. Явленность икон в собственном смысле слова указывает на происшедшие от иконы явления — знамения благодати, чрез нее явившиеся. А исцеление души прикосновением чрез икону к духовному миру есть прежде всего и нужнее всего явление чудотворной помощи.

Итак, икона всегда сознается как некоторый факт Божественной действительности. Икона может быть мастерства высокого и невысокого, но в основе ее непременно лежит подлинное восприятие потустороннего, подлинный духовный опыт. Этот опыт может быть впервые закреплен в данной иконе так, что она есть впервые возводимое откровение бывшего опыта. Такую, как говорят, первоявленную или первообразную икону рассматривают как первоисточник: она соответствует подлинной рукописи поведавшего о бывшем откровении. А могут быть и копии этой иконы, более или менее точно воспроизводящие ее формы. Но духовное содержание их — не новое какое-либо по сравнению с подлинником и не «такое же», как у подлинника, но то же самое, хотя, быть может, и показываемое чрез тусклые покровы и мутные среды. При этом — именно потому, что оно не такое же, а то же самое — возможны повторения иконы с видоизменениями, варианты некоторого основного перевода.

Если иконник сам не сумел пережить изображаемого им, если сам, побуждаемый подлинником, не прикоснулся к реальности изображаемого, он, будучи добросовестным, старается возможно точно передать на своей копии внешние признаки подлинника, но, как часто это бывает в таких случаях, не умеет охватить икону как целое и, теряясь среди черточек и мазков, невнятно передает основное. Напротив, если чрез подлинник ему открылась изображенная на нем духовная реальность и он, хотя и вторично, но достаточно ясно увидел ее, тогда естественно в отношении к живой реальности живого человека появляются собственные углы зрения и отступление от каллиграфической верности подлиннику. В рукописи, описывающей страну, ранее уже описанную, появляется не только собственный почерк, но собственные выражения, хотя в основе — это несомненно то же самое описание той же самой страны. И это различие нескольких повто-

рений одной и той же первоявленной иконы указывает вовсе не на субъективность изображаемого, не на иконописный произвол, а как раз наоборот — на живую реальность, которая, и оставаясь сама собою, может являться по-разному, в зависимости от обстоятельств духовной жизни, которую и воспринимает иконописец. Если оставить в стороне рабские сводки, род механического воспроизведения, то разница между первоявленной иконой и повторением приблизительно такова же, как между описанием вновь открытой страны и впечатлениями путешественника, посетившего ее, согласно данным ему указаниям: как бы исторически не было важно первое, последнее может быть и более полным, и более четким. Так и в иконописном деле, где иногда повторения оказывались особенно драгоценными и ознаменовывались чрезвычайными знаменами, во свидетельство их метафизической правдивости и высшего соответствия изображаемого.

Но во всяком случае в основе иконы лежит духовный опыт. Соответственно этому, по источнику возникновения иконы могли бы быть подразделены на четыре разряда, а именно: 1) библейские, опирающиеся на реальность, данную словом Божиим; 2) портретные, опирающиеся на собственный опыт и память иконописца — современника изображаемым им лицам и событиям, которые ему привелось видеть не только как внешнефактические, но и как духовные, просветленные; 3) писанные по преданию, опирающиеся на устно или письменно сообщаемый чужой духовный опыт, бывший некогда, во времена предыдущие; 4) и наконец, иконы явленные, писанные по собственному духовному опыту иконописца, по видению или таинственному сновидению. Было сказано: «иконы могли бы быть подразделены» на вышеозначенные четыре разряда; но при отвлеченной ясности этого деления практически приложимым оказывается лишь по-

следний отдел, и если одни иконы — бесспорно явлены, то о других, даже о библейских, в какой-то степени приходится думать то же самое: историческая фактичность некоторых событий, равно как и лиц, не исключает их пребывания в вечности, а потому — и возможности созерцать их при подъеме сознания над временем. Все иконы — явленные. И когда речь идет об иконе портретного характера, то ведь и такое произведение, чтобы стать иконою, должно опереться на некое видение, например, на видение света, хотя и живого человека, — так что не составляет прямой противоположности иконам явленным. А что касается икон по преданию, то ведь отвлеченного описания недостаточно для иконописно-художественного образа, и потому и здесь необходимо нечто видеть собственными духовными глазами.

Не только в Восточной Церкви, во времена ее внутренней устойчивости, это понимание икон, как писанных по видениям, было существенным, но даже на Западе, и притом во времена, наиболее далекие от мистических созерцаний, тайно жила вера в явленность икон, как норму иконописания; и то, что признавалось и признается воистину достойным благоговения и поклонения, производилось не от земли, а из небесного источника. Разительный пример тому — Рафаэль. В письме к другу своему графу Бальдасар Кастальоне он оставил несколько загадочных слов, разгадка которых сохранена в рукописях другого его друга — Донато Д'Анжело Браманте.

«В мире так мало изображений прелести женской, посему-то я прилепился к одному тайному образу, который иногда навещает мою душу». Что значит это «навещает мою душу»? А вот параллельное сообщение Браманте: «Для собственного удовольствия здесь я хочу сохранить чудо, которое доверил мне дорогой друг мой Рафаэль и приказал таить под печатью молчания. Однажды, когда я ему с открытым и полным сердцем выражал удив-

ление над прелестными образами Мадонны и Святого Семейства и убедительно просил его, чтобы он разгадал мне: где, в каком мире он видел такую красоту, трогательный взгляд и выражение неподражаемое в образе Пресвятой Девы? С юношескою стыдливостью, со скромностью, ему свойственной, Рафаэль несколько времени хранил молчание; потом, сильно тронутый, со слезами бросился мне на шею и открыл свою тайну. Он рассказал, что от самой нежной юности всегда пламенело в душе его особенное святое чувство к Матери Божией; даже иногда громко произнося Ее имя, он ощущал грусть душевную. От самого первого побуждения к живописи он нитал внутри себя неборимое желание живописать Деву Марию в небесном Ее совершенстве, но никогда не смел доверять своим силам. И ночь и день беспрестанно неутомимый дух его трудился в мыслях над образом Девы, но никогда не был в силах удовлетворить самому себе; ему казалось, что этот образ все еще отуманен каким-то мраком перед взорами фантазии. Однако иногда будто небесная искра заранивалась в его душу, и образ в светлых очертаниях являлся перед ним так, как хотелось бы написать его; но это было одно летучее мгновение: он не мог удерживать мечты в душе своей. Непрестанное беспокойство волновало дух Рафаэля; он только мимоходом взирал на черты своего идеала, и темное чувство души никогда не хотело преобразиться в светлое явление; наконец, он не мог удерживаться долее, трепетною рукой принялся живописать Мадонну; во время работы внутренний дух его более и более воспламенялся. Однажды ночью, когда он во сне молился Пресвятой Деве, что бывало с ним часто, вдруг от сильного волнения воспрянул от сна. Во мраке ночи взор Рафаэля привлечен был светлым видением на стене против самого его ложа; он взглянул в него и увидел, что висевший на стене, еще недооконченный образ Мадонны блистал кротким сиянием и казал-

ся совершенным и будто живым образом. Он так выражал свою божественность, что градом покатались слезы из очей изумленного Рафаэля. С каким неизъяснимо трогательным видом он смотрел на него очами слезными, и каждую минуту, казалось ему, этот образ хотел уже двигаться; даже мнилось, что он двигается в самом деле. Но чудеснее всего, что Рафаэль нашел в нем именно то, чего искал всю жизнь и о чем имел темное и смутное предчувствие. Он не мог припомнить, как заснул опять; но, вставши утром, будто вновь переродился. Видение навеки врезалось в его душу и чувство, и вот почему удалось ему живописать Матерь Божию в том образе, в каком он носил Ее в душе своей, и с тех пор всегда с благоговейным трепетом смотрел на изображение своей Мадонны. Вот что рассказал мне друг мой, дорогой Рафаэль, и я почел это чудо столь важным и замечательным, что для собственного наслаждения сохранил его на бумаге». Так объясняются слова Рафаэля о тайном образе, иногда навещающим его душу.

Икона, как закрепление и объявление, возвешение красками духовного мира, по самому существу своему есть конечно дело того, кто видит этот мир святым, и потому, понятно, иконное художество, в соответствии с тем, что на светском языке называется художеством, принадлежит не иначе, как святым отцам. Церковное же сознание, выразившееся особенно определенно в известном постановлении Седьмого Вселенского Собора, даже не считает нужным выделять иконописцев в этом собственном и высшем смысле слова из сонма вообще святых отцов, но противопоставляет им иконописцев в низшем смысле — копиистов, в значительной мере просто ремесленников, мастеров иконного дела, или иконников, как их называли у нас на Руси, при небрежном отношении к своему ремеслу слывших за богомазов; но конечно, приводя все эти термины, мы поясняем соборное постановление

русским церковным бытом, а не и з в л е к а е м их из него. В соборных же актах ясно говорится, что иконы создаются не замыслом — *ἐφεύρεσις* — собственно изобретением живописца, но в силу нерушимого закона и Предания — *θεοβουλεύσια καὶ παράδοσις* — Вселенской Церкви, что сочинять и предписывать есть дело не живописца, но святых отцов; этим последним принадлежит неотъемлемое право композиции — *διάταξις*, а живописцу — одно только исполнение, техника — *τεχνή*.

С отдаленнейших времен христианской древности установилось воззрение на икону как на предмет, не подлежащий произвольному изменению, и, оплотняясь с ходом истории, это воззрение особенно твердо было выражено у нас на Руси в церковных определениях XVI и XVII веков. Оно было закреплено многочисленными иконописными подлинниками — как словесными, так и лицевыми, которые самым существованием своим доказывают устойчивость иконного предания, а главнейшими статьями своими и основными формами приводят к временам величайшей древности, к первым векам существования Церкви, а частями и элементами нередко коренятся в непроницаемом мраке истории дохристианской. Понятны нарочитые предупреждения в подлинниках иконному мастеру о том, что кто станет писать иконы не по Преданию, но от своего измышления, повинен вечной муке.

В этих словах церковного сознания светские историки и позитивистические богословы усматривают свойственный Церкви обычный ее консерватизм, старческое удержание привычных форм и приемов, потому что иссякло церковное творчество, и оценивают такие нормы как препятствия нарождающимся попыткам нового церковного искусства. Но это непонимание церковного консерватизма есть вместе с тем и непонимание художественного творчества. Последнему канон никогда не служил помехой, и трудные канонические формы во всех отраслях искус-

ства всегда были только оселком, на котором ломались ничтожества и заострялись настоящие дарования. Подымая на высоту, достигнутую человечеством, каноническая форма высвобождает творческую энергию художника к новым достижениям, к творческим взлетам и освобождает от необходимости творчески твердить зады: требования канонической формы, или, точнее, дар от человечества художнику канонической формы есть освобождение, а не стеснение. Художник, по невежеству воображающий, будто без канонической формы он сотворит великое, подобен пешеходу, которому мешают, по его мнению, твердая почва и который мнит, что, вися в воздухе, он ушел бы дальше, чем по земле. На самом же деле такой художник, отбросив форму совершенную, бессознательно хватается за обрывки и обломки тоже форм, но случайных и несовершенных, и к этим-то бессознательным реминисценциям притягивает эпитет «творчества». Между тем, истинный художник хочет не с в о е г о во что бы то ни стало, а прекрасно, объективно-прекрасного, т. е. художественно воплощенной с т и н ы в е щ е й, и вовсе не занят вопросом: первым ли или сотым говорит он об истине. Лишь бы это была истина, и тогда ценность произведения сама собою установится. Как всякий, кто живет, занят мыслью, живет ли он по правде или нет, а не тем, оказывается ли его жизнь похожей на жизнь соседа, живет сам в себе для истины и убежден, что искренняя жизнь для истины непременно индивидуальна и в самой сути своей никак не повторима, истинной же может быть лишь в потоке всечеловеческой истории, а не как нарочито выдумываемая, — так не иначе и жизнь художественная: и художник, опираясь на всечеловеческие художественные каноны, когда таковые здесь или там найдены, чрез них и в них находит силу воплощать подлинно созерцаемую действительность и твердо знает, что дело его, если оно свободно, не окажется удвоением чужого дела,

хотя предмет беспокойства его -- не это совпадение с кем-то, а истинность изображенного им. Принятие канона есть ощущение связи с человечеством и сознание, что не напрасно же жило оно и не было без истины, свое же постижение истины, проверенное и очищенное собором народов и поколений, оно закрепило в каноне.

Ближайшая задача — постигнуть смысл канона, изнутри проникнуть в него, как в сгущенный разум человечества, и, духовно напрягшись до высшего уровня достигнутого, определить себя, как с этого уровня мне, индивидуальному художнику, является истина вещей; хорошо известен тот факт, что это напряжение при вмещении своего индивидуального разума в формы общечеловеческие открывает родник творчества. Напротив, слабосильное и самолюбивое бегство от общечеловеческих форм оставляет художника на уровне, низшем достигнутого, и, в этом смысле, — отнюдь не личном, но лишь случайном и несознательном; образно говоря, макать в чернильницу палец вместо пера вовсе не служит признаком ни индивидуальной самобытности, ни особого вдохновения, если бы таким способом были написаны некие стихи. Чем труднее и отдаленнее от повседневности предмет искусства, тем более сосредоточения требуется на художественном каноне соответственного рода — как по ответственности такого искусства, так и по малой доступности требуемого тут опыта.

В отношении к духовному миру Церковь, всегда живая и творческая, вовсе не ищет защиты старых форм, как таковых, и не противопоставляет их новым, как таковым. Церковное понимание искусства и было и есть и будет одно — реализм. Это значит: Церковь, «столп и утверждение Истины», требует только одного — истины. В старых ли или новых формах истина, Церковь о том не спрашивает, но всегда требует удостоверения, истинно ли нечто, и, если удовлетворение дано, благословляет и вкладывает в

свою сокровищницу истины, а если не дано — отвергает.

Когда, применительно к случаю разбираемому, уже найденный и выверенный соборне всечеловеческий канон художества соблюден, тогда есть формальная гарантия, что предлагаемая икона или просто воспроизводит уже признанное истиной, или, сверх того, открывает еще нечто, тоже истинное; когда же нет соблюдения, то это или ниже допустимого, или во всяком случае нуждается, как новое откровение, в проверке. И тогда художник должен понимать, что он делает, и быть готовым к ответу. Так, соборный разум Церкви не может не спросить Врубеля, Васнецова, Нестерова и других новых иконописцев, создают ли они, что изображают не что-то, вообразившееся и сочиненное ими, а некоторую в самом деле существующую реальность и что об этой реальности они сказали или правду, или тогда дали ряд первоначальных икон — кстати сказать, численно превосходящих все, что узрели святые иконописцы на всем протяжении церковной истории, — или неправду. Тут речь идет не о том, плохо или хорошо изображена некоторая женщина, тем более, что это «плохо» и «хорошо» в значительной мере определяется намерением художника, а о том, в самом ли деле это Богоматерь. Если же эти художники, хотя бы внутренне, для себя, не могут удостоверить самоидентификацию изображаемого лица, если это кто-то другой, то не происходит ли здесь величайшего духовного смятения и смущения и не сказал ли художник кистью неправды о Богоматери? Искание современными художниками модели при писании священных изображений уже само по себе есть доказательство, что они не видят явственно изображаемого ими неземного образа, а если бы видели ясно, то всякий посторонний образ, да к тому же образ иного порядка, иного мира, был бы помехой, а не подспорьем тому, духовному созерцанию. Думается, большинство художников, ни ясно, ни не ясно, просто ничего не видят, а слегка преобра-

зуют внешний образ согласно полусознательным воспоминаниям о Богоматерных иконах и, смешивая уставную истину с собственным самочинием, зная, что они делают, дерзают надписать имя Богоматери. Но если они не могут удостоверить правдивости своего изображения и даже сами в себе в том не уверены, то разве это не значит, что они притязают свидетельствовать о сомнительном, берут на себя ответственнейшее дело святых отцов и, не будучи таковыми, самозванствуют и даже лжесвидетельствуют?

Если бы богослов-писатель стал изображать жизнь Богоматери, говоря не по церковному Преданию, то разве читатель не вправе был бы спросить его об источниках? А не получив удовлетворительного ответа, не вправе ли был бы обвинить богослова в неправде? А богослов-иконописец, живописуя Богоматерь, почему-то считает своей привилегией такую неправду. И в то время как ренановский роман, какова бы ни была его ценность в качестве романа, никогда не помышляли читать в храме вместо Евангелия, равнозначные «Vie de Jesus» произведения кисти не только стоят в храме, но и предполагают все культовые действия, воздаваемые иконам. Между тем, именно иконы — это возвешение истины всякому, даже безграмотному, тогда как богословские писания доступны немногим и потому менее ответственны; иная же современная икона есть провозглашаемое в храме всенародно вопиющее лжесвидетельство.

Художники Возрождения, несколько не связанные канонами, постоянно обращались к очень узкому кругу основных иконописных тем, хотя никто не принуждал их к тому, и даже в некоторых моментах соблюдали церковное Предание; это показывает, насколько чувствуется в художнике потребность в норме. А как мало на самом деле стесняет церковная норма, даже при самом строгом соблюдении ее, иконописца, хорошо показывает сопоставление

древних икон на одну тему и даже одного перевода: двух не отыщется икон тождественных между собою, и сходство, учитываемое при первом рассмотрении, только усиливает полное индивидуального подхождения своеобразию каждой из них. И далее, как новое творчество от прикосновения к новому опыту небесных тайн совершенно вмещается в уже открытые канонические формы, входя в них, словно в уготованное гнездо, — показывает рублевская Троица. Этот сюжет трех ангелов за трапезою издавна существовал в церковном искусстве и получил себе каноническое определение. В этом смысле преподобный Андрей Рублев не придумал ничего нового, и внешне, археологически расцениваемая его икона Троицы стоит в длинном ряду ее предшествовавших, начиная с IV—VI веков, и ей последовавших изображений праотеческого гостеприимства. Эти изображения были, по своему археологическому смыслу, иконами — иллюстрациями из лицевого жития, именно праотца Авраама, и, будучи таковыми, имели еще предзнаменовательный смысл грядущего откровения о Пресвятой Троице. Но собственно троичное значение этих икон было таким же предзнаменовательным, как крещальное значение перехода евреев через Черное море или Богородичное — несгоравшей купины: как ни вглядывайся в изображение последней, даже совершеннейшее, в нем не глядя не узришь никакого намека на Приснодеву. Точно так же и явление странников Аврааму лишь отвлеченно могло вести мысль к догмату Троичности, по само по себе созерцание Святой Троицы не живописало.

В XIV веке этот догмат по различным причинам стал предметом особенного внимания Вселенской Церкви и получил чеканную словесную формулировку. Завершителем же этого дела, увенчателем средневековья, стал «чтитель Пресвятой Троицы» — Преподобный Сергей Радонежский. Он постиг небесную лазурь, невозмутимый, неотмирный мир, струящийся в недра вечной совершенной

любви, как предмет созерцания и заповедь воплощения во всей жизни, как основу строительства и церковного, и личного, и государственного, и общественного. Он увидел образ этой любви вложенным в канонические формы Мамврийского Богоявления. Этот его опыт — новый опыт, новое видение духовного мира — воспринял от него сам Преподобный Андрей Рублев, руководимый Преподобным Никоном: так написал он, «в похвалу отцу Сергию», икону Троицы. Теперь она уже перестала быть одним из изображений лицевого жития, и ее отношение к Мамвре — уже рудимент. Эта икона показывает в поразжающем видении Самоё Пресвятую Троицу — новое откровение, хотя и под покровом старых и несомненно менее значительных форм. Но эти старые формы не стесняют нового откровения именно потому, что и ни они не были сочинены, а выражали подлинную действительность, и и новое откровение, более ясное и осознанное, но откровение той же действительности, не было субъективным домыслом. Что же удивительного, если в абрис видения, виденного некогда как тень грядущей истины, но не принятого в свое время до позднейше сознанной глубины, всецело вошло, тесно им облекаясь, то же самое видение, точнее, видение той же реальности, но узренное после тысячелетий духовной работы человечества, когда развились в благодатном уме потребные органы понимания. И тогда исторические подробности сами собою отпали от композиции, и икона Рублева, точнее же, Преподобного Сергия, старая и новая зараз, первоначальная и повторенная, стала новым каноном, новым образцом, закрепленным церковным сознанием и прочно установленным в качестве нормы Стоглавом и другими русскими Соборами...

Не «для порядка», как говорится, Церковь считает необходимым внушить иконописцу взгляд на его дело как на высокое и священное служение: она старается обеспечить все ту же связность нити свидетельских показаний,

идущую от Самого Первосвидетеля Христа и до самой гуши церковного воплощения. Артерия, питающая тело церковное небесной влагой, нигде не должна засоряться, и церковные правила имеют в виду именно обеспечить свободный проток благодати от Главы Церкви до самого малого ее органа. Правда, чем разветвленнее расходуется поток свидетельской крови, тем менее опасным для жизни в сего тела церковного делается засорение некоторого капилляра. Но тем не менее и икона — копия, одна из тех, которые миллионами воспроизведены иконописцами, каждая должна свидетельствовать возможно живо о подлинной реальности иного мира, и невятность ее удостоверения, а тем более сбивчивость, может быть, ложность, имеет нанести непоправимый ущерб одной или многим христианским душам, как, напротив, ее духовная правдивость кому-то поможет, кого-то укрепит.

Иконы должны писаться сообразно заверенным образам бытия духовного, «по образу, подобию и существу». Иначе Церковь не может быть спокойна, не происходит ли омертвения тех или других ее органов. В этом смысле понятен тщательный надзор за иконами, с признанием или отвержением несоответственных нарочито приставленными к этому делу старостами. Икона становится таковой собственно лишь тогда, когда Церковь признала соответствие изображенного образа изображаемому Первообразу или, иначе говоря, наименовала образ. Право наименования, т. е. утверждения самотождества изображаемого на иконе лица, принадлежит только Церкви, и если иконописец позволяет себе сделать на иконе надписание, без какового, по церковному учению, изображение еще не есть икона, то это, в сущности, то же, что в гражданской жизни подпись официального документа за другое лицо. Насколько понимаю, дело иконных старост завершалось надписанием, по поручению епископа, имен святых на иконах: сохранившиеся на многих иконах наби-

тые на них металлические пластинки с небрежно, наскоро написанною надписью имени святого посредством сажи с маслом явно не сделаны самим иконником и имеют характер подписи начальника под деловыми бумагами, писанными рукою секретаря или переписчика. Естественно думать, это и есть удостоверение или скрепа икон иконным надзором.

Но недостаточно задним числом проверять иконы: если впрямь в них нужно видеть наглядное свидетельство вечности, то как может идти такое свидетельство чрез человека, существенно чуждого духовности? Вот причина, по которой в несоблюдении иконописцем некоторого устава жизни Церковь опасается разрухи целостности Культа. Так возникают требования, предъявляемые иконописцу в его личной жизни. Особенно определено они были высказаны тогда именно, когда иконопись уже достигла своей высшей точки. Это было сделано в 43-й главе постановлений Стоглава.

Соборное определение читается так: «В царствующем граде Москве и по всем градам по царскому совету Митрополиту и архиепископом и епископом бречи о много различных церковных чинех. Паче же о святых иконах и живописцах и о прочих чинех церковных по священным правилам. И каким подобает живописцем быти и тщание имети о начертании плотскаго воображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Матери и небесных сил и всех святых иже от века Богови угодивших. Подобает быти живописцу смиренну кротку благоговейну непразднословцу несмехотворцу несварливу независтливу непьянищы неграбежнику неубийцы, наипаче же хранити чистоту душевную телесную со всяцем опасением, не могущим же до конца тако пребыти по закону женитися и браком сочетатися и приходити ко отцем духовным начасте и во всем извещатися и по их наказанию и учению жити в посте и в молитве и воздержании со сми-

ренномудрием кроме всякаго зазора и безчинства, и с превеликим тщанием писати образ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери и святых пророк и апостол и священномученик и святых мучениц и преподобных жен и святителей и преподобных отец по образу и по подобию по существу смотря на образ древних живописцев и знаменовати с добрых образцов и аще которые нынешние мастера живописцы тако обещавшеся учнут жити и всякия заповеди творити и тщание о деле Божии имети: и царю таких живописцев жаловати, а святителем их бречи и почитати паче простых человек, также тем живописцем приимати учеников и их разсматривати во всем и учти о всяком благочестии и чистоте и приводити ко отцем духовным. Отцы же их наказуют по преданному им уставу от святителей како подобает жити христианину кроме всякаго зазора и безчинства, и тако от своих мастеров со вниманием да учатся. И аще которому открыет Бог таковое рукоделие и приводит того мастер ко святителю, святитель же рассмотрев аще будет написанное от ученика по образу и по подобию и увесть известно о житии его еже в чистоте и всяком благочестии по заповедем живет кроме всякаго безчинства, абие благословив наказует¹ его и впредь благочестно жити и святого онаго дела держатися со усердием всяцем и приимлет от него ученик той честь якоже и учитель его паче простых человек. По сих же святитель наказует мастера еже ему не поборати ни по брате, ни по сыне, ни по ближних, еще кому не дает Бог такового рукоделия, учнет писати худо, или по неправильному завещанию жити, а он скажет его горазда и во всем достойна суща и показует написание инаго и не того, и святитель обыскав полагает такового мастера под запрещением правильным, яко да и прочие страх приимут и не дерзают таковая творити, а ученику оному иконнаго дела отнюдь не касатися,

¹ От слова наказ — наставление.

и аще которому ученику открыет Бог учение иконнаго писма и жити учнет по правильному завещанию, а мастер учнет похуляти его по зависти дабы не приял чести якоже он прият, святитель же обыскав полагает такового мастера под запрещением правильным, ученик же приимлет вящшую честь, аще кто от тех живописцев учнет талант сокрывати еже ему Бог дал и учеником по существу того не отдаст, таковой осужден будет от Бога с сокрывшим талант в муку вечную, аще кто от самех тех мастеров живописцев или от их учеников учнет жити не по правильному завещанию во пьянстве и нечистоте и во всяком безчинстве и святителем таковыя в запрещении полагати, а от дела иконнаго отнюдь отлучати и касатися того не велети боящеся словеси реченнаго: проклят творяй дело Божие с небрежением. А которые по се время писали иконы не учася самовольством и самоволкою и не по образу и те иконы променяли дешево простым людям поселяно невеждам, ино тем запрещение положить чтобы училися у добрых мастеров и которому Бог дает учнет писати по образу и по подобию и тот бы писал, а которому Бог не дает и им вконец от такового дела престати да не Божия имя такового ради писма похуляется и аще которые не престанут от такового дела таковыи царскою грозю накажутя и да судятя... И аще они начнут глаголати: мы тем живем и питаемя, и таковому их речению не внимати, понеже не знающе таковая вещают и греха себе в том не ставят не всем человеком иконописцем быти, многи бо и различны рукодействия подарована быша от Бога ими же человеком препитатися и живым быти и кроме иконнаго писма а Божия образа во укор и поношение не давати. Также архиепископом и епископом по всем градом и весем и по монастырем своих предел испытovati мастеров иконных и их писем самим смотрити. И избравше койждо их во своем пределе живописцев нарочитых мастеров да им приказывати над всеми иконописцы смотрити, чтобы в них худых и без-

чинных не было, а если архиепископы и епископы смотрят над теми живописцы, которым приказано и брегут такового дела накрепко, а живописцев оных брегут и почитают паче простых человек, а вельможам и простым человеком тех живописцев во всем почитати и честны имети за то честное иконное изображение. Да и о том святителем великое попечение и брежение имети комуждо во своей области, чтобы горадые иконники и их ученики писали с древних образцов, а от самосмышления бы своими догадками Божества не описывали. Христос бо Бог наш описан плотию, а Божеством не описан...»

Но это представление о высоком служении иконописца вовсе не было достоянием только определенного времени и поместной Церкви. В частности, иконописное предание Восточных Церквей, закрепленное в специальных руководствах к иконописанию, внушает иконнику, даже в таких, по-видимому, внешних работах, как промывка древних икон, с целью рассмотреть их: «но не делай своего дела просто и как попало, а со страхом Божиим и благоговением: ибо дело твое богоугодно» и т. п.

Известная «Ермения, или Наставление в живописном искусстве», составленная иеромонахом и живописцем Дионисием Фиуроаграфиотом, собравшим и изложившим предания Панселиновской школы, начинается введением, в котором автор выясняет свое чувство духовной ответственности, побудившее его составить настоящее руководство. Самое руководство дает точные наставления относительно всего хода иконописания: начиная с прочерчивания переводов, изготовления углей, клея и гипса, гипсования икон, утолщения венцов на иконах, гипсования иконостаса, приготовления пулементов, золочения иконы и иконостаса, изготовления санкира, вохрений, подрумянок, отделки одежды и проч., и проч., изготовления различных красок, указания пропорций человеческого тела, подробных наставлений стенописной техники, наставлений, как

поновлять иконы и т. п.; затем далее — относительно иконописного подлинника, где подробно рассказывается, как компонируются изображения ветхозаветной истории, со включением сюда греческих философов; далее — то же относительно Нового Завета, со включением притчей, особо выделенных Апокалипсисом из Второго Пришествия; далее — праздников Богородичных, акафиста, апостолов и прочих святых, церковноисторических праздников, мученичеств и назидательных изображений и, наконец, указаний о композиции церковной росписи как целого, т. е. где и что должно изображаться в церкви той или иной архитектуры. «Наставление» завершается догматическими разъяснениями иконописания, изложением древних преданий о виде лица Спасителя и Богоматери, наставление, как изображаться благословляющая рука и что надлежит надписывать на том или другом священном изображении. Наконец, книга завершается краткою молитвою составителя:

«Совершителю благих Богу благодарение! Кончив эту книгу, я сказал: Слава Тебе, Господу! и опять сказал: Слава Тебе, Господи мой! и в третий раз сказал: Слава Богу всяческих!»

Такова стройная композиция этой высокоавторитетной «Ерминии». Но разве не чувствуется по всему складу книги, что ей чего-то не хватает, что все иконописное наставление висит в воздухе, не смыкаясь в себя самого и не примыкая вплотную к организации Культа, коль скоро в технику иконописи не введена, как необходимое условие, молитва? И действительно, это было бы так, если бы ради пояснения мысли здесь не было умолчено о самом начале «Ерминии», с которого, собственно, начинается обучение. Вот «предварительные наставления всякому, кто желает учиться живописи»: «Желающий научиться живописи пусть полагает первое начало и несколько времени упражняется в черчении и рисовании без всяких

размеров, пока привыкнет. Потом пусть совершится ученик, знай, что когда ты пожелаешь заняться этим искусством, постарайся найти опытного учителя, которого скоро оценишь, если он будет учить тебя так, как я сказал выше». А выше говорилось почти исключительно о молитве, и, следовательно, залог успешности обучения Дионисий, выражая общий голос иконописцев, видит в молитвенном благоговении. Такова была атмосфера иконописного мастерства еще в первой половине XVIII века, когда обмирщение всей жизни, в том числе и церковной, достигло особенной остроты. Благоговейный дух и особая настроенность донныне живет в среде русских иконописцев, образующих целые села и из поколения в поколение, веками, передающих друг другу, от отца к сыну и духовное самосознание, как работников святого дела, так и полусекретные приемы иконописи и других связанных с нею трудовых процессов. Это — замкнутый, особый мир свидетелей. И если донныне он таков, то трудно даже представить себе одухотворенную среду, из которой расходилось по церковному телу свидетельство небесной красотой, в древности, когда вся жизнь была устроена по началам духовности, вращаясь около незыблемой оси — Святых Тайн Христовых.

Ни иконописные формы, ни сами иконописцы в организации Культа не случайны. Нельзя сказать, будто Культ пользуется и теми и другими и з в н е, не как собственными своими силами. Это Культ именно открывает святыне лики, и он же воспитывает и направляет деятелей иконописания. Но тогда естественно думать, что эти святыне образы воплощаются этими служителями Церкви не к а к и м и у г о д н о внешними метафизике Культа приемами и не в каких угодно, не вытекающих из священной цели вещественных средах. Ни техника иконописи, не применяемые тут материалы не могут быть случайными в отношении

Культа, случайно подвернувшись Церкви на ее историческом пути, безболезненно, а тем более — с успехом, могущими быть заменяемыми иными приемами и иными материалами. То и другое в искусстве моление о нем Господу Иисусу Христу пред иконою Одигитрии. Священник, после «Благословен Бог наш», «Царю Небесный» и проч. и после Богородична: «Безмолвны уста нечестивых» и тропаря Преображению Господню, назнаменовав голову его крестообразно, пусть возгласит: «Господу помолимся» и прочтет сию молитву: «Господи Иисусе Христе Боже наш, Сый неописан по естеству Божества, и ради спасения человек в последние дни от Девы Богородицы Марии неизреченно воплотивыйся, и благоволивый тако во плоти описуем быти, иже святыи образ пречистаго Лица Твоего на святом убрусе напечатлел еси, и оным недуг князя Авгаря уврачевал еси, душу же его просветил еси во еже познати истиннаго Бога нашего, иже Святым Духом вразумил еси Божественнаго апостола Твоего и евангелиста Луку написати образ Пречистыя Матери Твоея, держащей Тебе, яко младенца, на объятиях Своих, и рекшей: «Благодать от Мене Рождшагося, Мене ради, да будет с сим образом!» Сам, Владыко, Боже всяческих, просвети и вразуми душу, сердце и ум раба Твоего (имя рек), и руки его направи, во еже безгрешно и изрядно изображати жителство Твое, Пречистыя Матери Твоея, и всех святых, во славу Твою, ради украшения и благолепия святыя Церкви Твоея, и во отпущение грехов всем, духовно поклоняющимся святым иконам, и благоговейно лобызающим оныя, и почитание относящим к Первообразу. Избави же его от всякаго дьявольскаго наваждения, егда преуспевае в заповедех Твоих, молитвами Пречистыя Матери Твоея, святаго славнаго апостола и евангелиста Луки и всех святых. Аминь».

Сугубая ектения и отпуст. После моления пусть он начнет рисовать точные размеры и очерки святыне ликом и пусть занимается этим долго и отчетливо. Тогда с Божию

помощью поймет свое дело очень хорошо, как это опытом дознал я на учениках своих». А далее, объяснив свое желание принести пользу «всем во Христе братьям сохужденникам», которых автор просит молиться о нем, он «обращает слово свое с великою любовью» к ученику: «Итак, любознательный вообще существенно связано с художественным замыслом и вообще никак не может считаться условным и произвольным, попавшим в произведение по внешним в отношении его художественной сущности причинам. Тем более, тем бесконечно более э т о же надо мыслить и говорить о том искусстве, в котором, как являющем духовную природу человечности, вообще не может быть ничего случайного, субъективного, произвольно-капризного. Область этого искусства замкнута в себя несравненно более, нежели какого угодно другого, и ничто чуждое, никакой «чуждый огонь» не может быть возложен на этот священный жертвенник. Трудно себе представить, даже в порядке формально-эстетического исследования, чтобы икона могла быть написанной чем угодно, на чем угодно и какими угодно приемами. Но тем более эта невозможность уясняется, когда принято во внимание духовное существо иконы. В самих приемах иконописи, в технике ее, в применяемых веществах, в иконописной фактуре выражается метафизика, которою жива и существует икона. Ведь само вещество, сами вещества, применяемые в том или другом роде и виде искусства, символичны, и каждое имеет свою конкретно-метафизическую характеристику, через которую оно соотносится с тем или иным духовным бытием. Но оставим сейчас в стороне символическую характеристику как таковую и будем рассматривать вопрос в плоскости внешнего, самого неглубокого опыта, однако с убеждением, что не т ничего внешнего, что не было бы явлением внутреннего.

Итак, в консистенции краски, в способе ее нанесения на соответствующую поверхность, в механическом и физи-

ческом строении самих поверхностей, в химической и физической природе вещества, связывающего краски, в составе и консистенции их растворителей, как и самих красок, в лаках или других закрепителях написанного произведения и в прочих его «материальных причинах» уже непосредственно выражается и та метафизика, то глубинное мироощущение, выразить которое стремится данным произведением, как целым, творческая воля художника. И, хотя бы эта воля в своем инстинктивном использовании этих именно «материальных причин» действовала подсознательно, как подсознательна художник и в привлечении тех или иных форм, это не только не говорит против метафизичности художественного творчества, даже, напротив, побуждает видеть в нем нечто далекое от рассудочного произвола, какое-то продолжение той зиждущей деятельности основных сил организма, которыми художественно соткано и само тело. Этот выбор веществ, этот «подбор материальных причин» произведения производится не индивидуальным произволом, даже не внутренним разумением и чутьем отдельного художника, а разумом истории, тем собирательным разумом народов и времен, который определяет и весь с т и л ь произведений эпохи. Может быть, правильно даже сказать, что стиль и эта материальная причина произведения искусства должны быть представлены как два пересекающихся круга, причем в известном отношении материальная причина произведения даже б о л е е выражает мироощущение эпохи, нежели стиль как общий характер излюбленных здесь форм.

Разве непосредственно не явно, что звуки инструментальной музыки, даже звуки органа, как таковые, т. е. независимо от композиции музыкального произведения, непеносимы в православном богослужении. Это дано непосредственно на вкус, непосредственно, помимо теоретических рассматриваний, не вяжется в сознании со всем богослужебным стилем, нарушает замкнутое единство бого-

служения, даже рассматриваемого как просто явление искусства или синтеза искусства? Разве непосредственно не явно, что эти звуки как таковы, повторяю, слишком далеки от четкости, от «разумности», от словесности, от умного богослужения православной Церкви, чтобы послужить материей ее звуковому искусству? Разве непосредственно не ощущается звук органа слишком сочным, слишком тягучим, слишком чуждым прозрачности и кристалличности, слишком связанным с непросветленной подосновой человеческой усли¹, в ее данном состоянии, в ее натуральности, чтобы быть использованным в храмах православных? И притом сейчас я вообще ничего не оцениваю, но рассматриваю только стилистическое единство, а приемлется ли оно или отвергается, но непременно как целое и приемлется и отвергается, — не мое дело.

— Но ты говоришь о звуке, хотел же, даже начал говорить о веществе искусств изобразительных. Наш разговор, как помнишь, предполагал собственно об иконописи.

— Совершенно верно; но о звуке я заговорил не случайно. Позволь мне докончить, и ты сейчас поймешь, почему таким отклонением в сторону пошла моя мысль. Итак, об органе.

Это — музыкальный инструмент, существенно связанный с исторической полосой, выросшей на том, что мы называем культурой Возрождения. Говоря о католичестве, обычно забывают, что совсем разное дело — Западная Церковь до Возрождения и после Возрождения, что в Возрождении Западная Церковь перенесла тяжкую болезнь, из которой вышла, многое потеряв, и, хотя приобрела некоторый иммунитет, но ценою искажения самого строя духовной жизни, и еще большой вопрос, как отнеслись бы к послевозрожденскому католичеству средневековые носители католической идеи. Так вот, западноевропейская культура есть производное именно от возрожден-

¹ То есть сущности.

ного католичества, и выразила себя она в области звука посредством органа; не случайно расцветом органостроительства была вторая половина XVII и первая половина XVIII века — время, наиболее выражающее, наиболее раскрывающее внутреннюю суть возрожденской культуры. Мне потому и хочется не то чтобы провести аналогию, нет, мне хочется установить гораздо более глубоко заложенную связь...

— Связь между звуком органа и масляной краской?

— Ты угадал. Самая консистенция масляной краски имеет внутреннее сродство с масляно-густым звуком органа, а жирный мазок... и сочность цветов масляной живописи внутренне связана с сочностью органной музыки. И цвета эти и звуки — земные, плотяные. Исторически же живопись маслом развивается именно тогда, когда в музыке растет искусство строить органы и пользоваться ими. Тут несомненно есть какое-то исхождение двух родственных материальных причин из одного метафизического корня, почему обе они и легли в основу выражения одного и того же мироощущения, хотя и в разных областях.

— Однако я все же делаю новую попытку направить разговор по более определенному руслу — искусство изобразительных. Ты, как будто, высказал мысль, что имеет значение весь материал, в том числе и природа плоскости, вообще поверхности, на которую накладывается краска. Мне думается, тут уж пример был бы затруднительнее. Кажется, что коль скоро этой плоскости за изображением уже не видно, то она и не имеет отношения к духу искусства данного времени, а потому может более или менее произвольно быть заменена всякой другой плоскостью, лишь бы краска на нее ложилась, а не осыпалась и не стиралась впоследствии. По-видимому, значение ее только техническое, но не стилистическое.

— Нет, это не совсем так... Совсем не так. Свойство поверхности глубоко предопределяет способ нанесения

краски и даже выбор самой краски. Не всякую краску наложишь на любую поверхность: масляной не будешь писать на бумаге, акварельной — по металлу и т. п. Но и более того. Характер мазка существенно определяется природою поверхности и в зависимости от последней приобретает ту или иную фактуру. И напротив, посредством фактуры мазка, строением красочной поверхности выступает наружу сама поверхность основной плоскости произведения; и мало того, что выступает: она проявляет себя так даже в большей степени, нежели это можно было видеть до наложения красок. Свойства поверхности дремлют, пока она обнажена; наложенными же на нее красками они пробуждаются: так, одежда, покрывая, раскрывает строение тела и своими складками делает явными такие неровности тела, которые остались бы незамеченными при непосредственном наблюдении его поверхности. Твердая или мягкая, податливо-упругая или вялая, гладкая или шероховатая, с рядами неровностей по тому или по другому закону, впитывающая ли краску или не принимающая ее и т. д. и т. д. — все такие и подобные свойства поверхности произведения, как бы увеличенные, усиленные, передаются фактуре произведения и притом создают свои динамические эквиваленты, т. е. из скрытого, пассивного бездействия переходят в источники силы и вторгаются в окружающую среду. Как незримое силовое поле магнита делается видимым с помощью железных опилок, так строение, статика поверхности динамически проявляется краскою, нанесенною на поверхность, и чем совершеннее произведение изобразительного искусства, тем нагляднее это проявление. Чем острее тот ум, который сидит в пальцах и руке художника, тем острее этот ум, без ведома головы, понимает метафизическую суть всех этих силовых соотношений изобразительной плоскости и тем глубже проникается этой сутью, усматривая в ней, если материал избран им правильно, в соответствии задачам стиля, собст-

венное свое духовное устройство, собственный свой метафизический стиль. Проникшись строением поверхности, ручной ум проявляет ее фактурой своего мазка. Так — при стилистическом соответствии материала и всего замысла художника; а при несоответствии и, внутренне предопределенном природою вещей, — тогда в процессе опознания этой поверхности пальцевым разумом художник отталкивается от нее как неподходящей, чуждой.

Метафизика изобразительной плоскости...

— Но в чем же эта «духовная раскаленность» воображения, как ты выразился?

— Как в чем? Неужели ты не замечаешь стремительности того полета фантазии, которым созданы философские системы на почве протестантизма? Беме ли, или Гуссерль, по-видимому, столь далекие по духовному складу, да и вообще протестантские философы все строят воздушные замки из ничего, чтобы затем закалить их в сталь и наложить оковами на всю живую плоть мира. Даже сухой Гегель — ведь он пишет в интеллектуальном неистовстве, пьяный, и вовсе не шутка утверждение Джемса, что в опьянении закисью азота мир воспринимается и мыслится по-гегелевски. Протестантская мысль — это пьянство для себя, проповедующее насильственную трезвость.

— Однако пора вернуться к нашей исходной точке. Ведь говорили-то мы о масляной живописи и о гравюре вовсе не ради них самих. Так в чем же внутренняя связь иконописи, со стороны технической, с ее задачами духовными?

— Да, кратко говоря, иконопись есть метафизика бытия, — не отвлеченная метафизика, а конкретная. В то время как масляная живопись наиболее приспособлена передавать чувственную данность мира, а гравюра — его рассудочную схему, иконопись существует как наглядное явление метафизической сути ею изображаемого. И если живописные и гравюрные графические приемы выработались

именно ввиду соответственных потребностей культуры и представляют собою сгустки соответственных исканий, образовавшиеся из духа культуры своего времени, то приемы иконописной техники определяются потребностью выразить конкретную метафизичность мира. В иконописи не запечатлевается ничего случайного, не только эмпирически случайного, но и случайного метафизически, если такое выражение, по существу вполне правильное и необходимое, не слишком режет слух.

Так, греховность и тленность мира не должны рассматриваться как случайное эмпирически, ибо они всегда растлевают мир. Но метафизически, т. е. в отношении духовной сути Богозданного мира, греховность и тленность не необходимы, их могло бы и не быть, и в них познается не существо мира, а его наличное состояние. Иконописи не принадлежит выражать это состояние, затмевающее подлинную природу вещей: предмет ее — сама природа, Богозданный мир, в его надмирной красоте. Изображаемое на иконе, все, во всех подробностях, не случайно и есть образ или отобраз — эктип (ἔκτυπος) мира первообразного, горних, пренебесных сущностей.

— Но если эта мысль в основе и приемлема, то не следует ли ограничить ее, сказав: «в главном», «в существенном» или т. п. Ведь и для Платона возникла вопрос, существует ли «идея волоса», вообще ничтожного и малого. И если икона являет созерцание идеи, то не следует ли понимать это в отношении к общему смыслу иконы, тогда как анатомические, архитектурные, бытовые, пейзажные и прочие подробности надлежит оценивать как внешние и случайные — в отношении к идее — изобразительные средства? Ну, например, неужели одежда на иконах тоже имеет нечто метафизическое, а не пишется ради пристойности и красоты, как дающая многочисленные и сильные цветные пятна? По-моему, в иконе силен даже просто декоративный момент и некоторые иконные

подробности и приемы не имеют значимости не только метафизической, но даже натуралистической: шмо, ралделка, т. е. золотая штриховка одежд, главным образом, Спасителя. Неужели это золото, по-твоему, чему то соответствует в изображаемом? Мне кажется, это просто при знавалось — да и есть таково — красивым, и церковь, украшенная такими иконами, веселит взор, особенно при цветных лампадах и многих свечах.

— По Лейбницу, ты прав в своих утверждениях и неправ в отрицаниях. Но сейчас не о правоте будем говорить — о противоположном. И вот, сперва общий вопрос — о с м ы с л е. Я уверен, в основе ты думаешь о метафизике так же конкретно, как и я, и в и д е я х видишь те же наглядно созерцаемые лики вещей, живые явления мира духовного, что и мы все; но я боюсь, когда дело идет о применении этих мыслей в определенных частных случаях, тобою овладевает какая-то трусость и ты остаешься с поднятой на воздух ногой, не решаясь докончить начатый, даже сделанный шаг, но и не считая правильным повернуться назад, к метафизике отвлеченной и к идее как к смыслу, неспособному быть наглядным. Между тем, тут не должно искать каких-то промежуточных направлений в понимании, да их и не может быть.

Живой организм целостен, и в нем не может быть ничего неорганизованного силами жизни; и если бы было хоть что-нибудь не живое, самое малое, тогда разрушилась бы и вся целостность организма. Он существует только как наглядно раскрывающая себя сила жизни или формообразующая идея; или же его вовсе нет, и самое слово организм должно быть исключено из словаря. Точно так же и организм художественного произведения: если бы было в нем нечто случайное, то оно свидетельствовало бы, что произведение не воплотилось во всех своих частях, не вылупилось из почвы и местами покрыто комьями мертвой земли. Являемая конкретно метафизическая сущность

вся сплошь должна быть явленной наглядно, и явление ее (а икона предполагается именно таковым) во всех своих подробностях, будучи одним целым, должно быть наглядным: если бы кое-что в иконе должно было пониматься только со стороны отвлеченного смысла, или если бы было только в ней и ее подробностью натуралистического или декоративного характера, то оно разрушило бы явление как целое, и икона вовсе бы не была иконой.

По поводу этого мне вспоминается рассуждение одного богослова о воскресении тел, в котором делается попытка разграничить органы — нужные в будущем веке и ненужные, причем воскреснут только первые, вторые же якобы останутся невоскресшими, в частности, не воскреснут органы пищеварения. Но такими утверждениями всецело уничтожается живое, внутренне-связное единство тела. Ведь даже внешне, если уж добросовестно говорить о воскресении тела, на что будет похоже оно, по удалении всего «ненужного», и не придется ли представлять себе будущее тело, как пузырь из кожи, надутый эфиром, что ли? Если мыслить о теле натуралистически, то оно ничуть и ни в чем не может являть собою метафизическое строение духовного организма, и тогда в будущем веке все оно — целиком и по частям — не нужно: все органы заслуживают тогда отсечения и в качестве «плоти и крови» Царствия Божия не наследуют. Напротив, если тело мыслится символистически, то все оно, во всех своих подробностях, наглядно являет духовную идею человеческой личности, и тогда все органы, таинственно преобразившись, воскреснут как свидетели духа, ибо каждый из них, необходимый в целом составе организма, неспособный жить и действовать без других и сам, в свой черед, всем другим необходимый, в порядке духовного смысла, служит явлению идеи, и без него явление идеи терпит ущерб. Икона есть образ будущего века; она (а как — в это не будем входить) дает перескочить время и увидеть, хотя бы и

колеблющиеся, образы — «как в гадании с зеркалом» — будущего века. Эти образы насквозь конкретны, и говорить о случайности некоторых частей их — значит совершенно не считаться с природою символического. Ведь если уж признать случайным тот или другой род подробностей, то не будет никаких оснований не сделать того же и в отношении подробностей других родов, подобно тому, как в упомянутом выше рассуждении о воскресших телах.

— Но неужели ни в одной иконе на самом деле никогда не бывает ничего случайного?

— Я этого не говорил. Напротив, очень часто и многое бывает случайным. Но случайным может оказаться, и даже преимущественно оказывается, не второстепенное и низкое — «волос», по Платону, как тебе хочется сказать (будем договаривать до конца), а как раз первостепенное и важное, например, не одежда, а лицо, и даже глаза. Однако случайная икона происходит только случайно, исторически случайно, по неумелости, невежеству или самоchinию иконописца, дерзнувшего отступить от иконного предания и, следовательно, в духовную символику внесшего «мудрование плоти». Случайное в иконе не есть случайное иконы, а — ее списателя и ее повторения. И, понятное дело, чем ответственнее некоторая часть иконного изображения и, значит, требует больше проникновенности, тем больше возможности войти в икону искажением — случайным линиям и метафизически неоправданным красочным пятнам, которые в отношении духовной сути иконы то же, что брызги грязи от проехавшего экипажа на оконном стекле, т. е. попросту мешают видеть даль и не допускают в комнату свет. Как бы ни тешили взор такие искажения иконы, они не более, чем грязные пятна; но может их скопиться, наконец, столько, что духовная суть иконы станет невидимой, однако отсюда не следует, чтобы тот или другой род подробностей, не по исполнению своему — «по письму», а сам по себе, как таковой, как недо-

ступный, был бы случайным, не выражающим ничего духовного.

— А одежда?

— Одежда? Только Розанов где-то уверяет, будто в будущем веке все будут нагими, и, чтобы сделать жест вражды против Церкви и самой идеи воскресения, неожиданно обнаруживает приступ стыдливости, во имя которой отрицает догмат Воскресения. Но, как тебе известно, Церковь учит как раз наоборот, и апостол Павел только выражает о п а с е н и е, как бы те из нас, чьи дела выгорят в очистительном огне, не оказались нагими (1 Кор. 3, 13). Если Розанов имеет основание думать, что его личные одежды так горячи, то это уж его дело позаботиться о чем-нибудь более прочном, но никак не причина возмущаться якобы «всемирным оголением». Ну, а на иконах изображаются те, чьи дела заведомо сохраняются невредимыми в огне испытания, только убелившись и украсившись от последних следов земных случайностей. Такие наверное не окажутся нагими. Выражаясь несколько цветисто, но наиболее точно, можно назвать их одежду тканью из их подвигов; это не метафора, а выражение той мысли, что духовным подвигом святые развили у своего тела новые ткани светоносных органов, как ближайшую к телу область духовных энергий, и в наглядном восприятии это расширение тела символизируется одеждою. «Плоть и кровь Царствия Божия не наследят», а одежда наследит. Одежда — часть тела. В обычной жизни это — внешнее продолжение тела, аналогичное волосяному покрову животных и птичьему оперению; она приложена к телу полумеханически; я говорю «полу», потому что между одеждой и телом есть отношение более тесное, нежели только соприкосновение: пронизанная более тонкими слоями телесной организации, одежда отчасти врастает в организм. В порядке же зрительно-художественном одежда есть в л е н и е тела, и собою, своими линиями и поверхно-

стями, строение тела она проявляет. Следовательно, понятно, что коль скоро за телом признана способность портретно являть метафизику человеческого существа, в этой способности нельзя отказать одежде, которая, как руноп, направляет и усиливает слова свидетельства, произносимые о своей идее телом. Обнаженная фигура не то что непристойна или некрасива, а была бы метафизически менее внятной, в ней труднее было бы прозреть суть просветленной человечности. Но, повторяю, это не ввиду соображений порядка морального, бытового или еще какого-нибудь, а по существу художественного дела, т. е. в силу зрительно-художественной символики иконы. И потому на одежде в чрезвычайной мере отражается духовный стиль времени. Возьми, например, складки.

История русской иконописи с изумительной закономерностью показывает всю последовательность духовного состояния церковного общества последовательно изменяющимся характером складок на одеждах, и достаточно взглянуть на иконные складки, чтобы определить дату иконы и понять дух времени, на ней отразившийся. Архаические складки XIII—XIV веков своим натуралистически-символическим характером указывают на могучую, но еще не сознательную, еще слитную с чувственным онтологию: они прямолинейны, но мягки, еще вещественны, часты и мелки — свидетельство о сильных духовных переживаниях, еще не собранные воедино, но силою своею, даже каждая порознь, пробивающиеся сквозь толщу чувственного. В XV веке и до половины XVI складки удлиняются, уширяются, теряют свою вещественную мягкость. Сперва, в первой половине XV века, это — прямые, не очень длинные, сходящиеся под углами. Характер их минеральный, вроде ребер и граней выкристаллизовавшейся массы, но затем жесткость, кристаллическая твердость преобразуется в упругость растительных стеблей и волокон. Это, к концу XV века, — уже длинные ред-

кие линии, почти прямые, но не совсем, наподобие слегка сжатой у концов упругой прямой, вследствие чего вся одежда показывает какую-то упругость духовной энергии, полноту развившихся и упорядоченных сил. Явно, как от XIV века к XVI идет процесс духовного самосознания и самосознания Руси, организация всей жизни по духу, собирательный подвиг молодого народа, обобщение духовных опытов в цельное жизнепонимание. А далее складки получают характер нарочитой прямизны, нарочитой стилизации, делаются рассудочно-отвлеченными, при пробивающемся стремлении к натурализму. Если бы ни чего не было известно нам из истории о Смутном времени, то на основании одной только иконописи, и даже только складок, можно было бы понять происходивший духовный сдвиг средневековой Руси к Возрожденскому царству Московскому: в иконописи второй половины XVI века уже реет Смутное время как духовная болезнь русского общества. Но выздоровление в XVII веке было только реставрацией, а по-русски — починкой, и новую жизнь русские люди начали с барокко...

— Конечно, довольно естественно думать о складках как не безразличных в духовном смысле иконы. Но все же остается необъяснимым реалистически ряд иконописных приемов. Складки своим характером, каков бы он ни был, могут выражать нечто духовное, коль скоро вообще-то складки существуют. Но золотые разделки, например, золотая штриховка, или полоски золотом по одежде, ничему не соответствуют; трудно понять их иначе, как просто украшение, ничего собою не выражающее, кроме разве субъективного усердия иконописца.

— Напротив, ассистка, о которой ты говоришь, т. е. наклеенная особым составом золотая пленка сериями штрихов, а иногда полосками, есть одно из наиболее убедительных доказательств конкретно-метафизического значения иконописи. Вот почему понятно, что характер ее,

однообразный на поверхностный взгляд, существенно, хотя и в тонком строении, почти гистологически меняется от иконописного стиля к стилю: эта тончайшая золотая сеть особенно выразительно завершает онтологический склад иконы.

— Но при чем же в изображении золота, ничему, кроме разве золота же в виде золотых украшений, несоответствующее? Разве не очевидно, что по природе своего блеска оно несоизмеримо (не координируемо), и несоотносимо с красками? Не без причины же почти вся живопись отказалась от употребления золота, даже в виде гораздо менее чуждой прочим краскам золотой краски в порошке. Посмотри, и золотые, вообще металлические вещи не изображают золотой краской, а в тех редких случаях, когда наведут их золотом, это бывает отвратительно, и золотая раскраска лежит на картине, словно случайно приклеившийся кусок золоченой поверхности, так что хочется стереть его.

— Все это совершенно так. Но твоим указанием только разъясняется, а не отвергается этот необходимый в составе иконописного предания прием — ассистки и других (но только иконописных, именно иконописных, а не вообще в живописи) случаев пользования золотом. Впрочем, когда я признал твои соображения, надо было внести маленькую поправку ко всему предыдущему: кроме золота, в иконописи применялось, правда, исключительно редко — при разделке и в некоторых других случаях, — также и серебро. Но вот, серебро не повелось. С того факта истории иконописной техники надлежит начать. Заметь, серебро вводилось в икону вопреки иконописному преданию; достойно внимания, что исключительно нарядная датированная икона несомненно придворного происхождения вводит наряду с золотом и серебром, но впечатление от нее — скорее как от ухищрения роскоши, тем более, что серебряная разделка нанесена на мафорий Богоматери, где

не полагается быть ассистке, и вопреки символическому значению последней. Тут нельзя не видеть чрезмерного усердия или заказчика, или исполнителя в сооружении иконы подарочной, вероятнее всего — свадебной. Иконописные руководства и подлинники во всяком случае не предусматривают, даже в виде исключения, серебра в иконе, тогда как золото в иконе, так сказать, канонической, является обязательным. Между тем, именно серебро (а не золото, как ты правильно отметил) уже не так несоизмеримо и несопоставимо с красками и имеет какое-то сродство с голубовато-серой и отчасти белой.

Теперь еще: в иконописи времени расцвета, в иконописи совершенной, золото допускается только листовое, т. е. обладающее полностью металлического блеска и совсем инородное краске; но по мере проникновения иконописи натуралистической стихией, стихией мира сего, листовое золото заменяется твореным, т. е. измельченным в тончайший порошок и потому — матовым, менее далеким от краски.

И еще: ты говоришь, золотые и вообще металлические вещи не пишутся в живописи золотом. А разве тебе известен в иконописи хотя бы один пример изображения золота золотом же, или вообще металла — металлом же? Казалось бы, коль скоро золото вообще допущено, то почему не пустить его на «раскрышку», т. е. покрытие некоторой поверхности, изображение предмета, в натуре обладающего металлическим блеском, ну, а ради смягчения пустить золото твореное?

— Итак, ты е еще подтверждаешь мою мысль: значит, металл не применяется, там, где он мог бы что-то изображать, и не применяется так, как, т. е. в таком виде, ему облегчалось бы слияние с красками. Значит, действительно золото в иконе ничего не изображает, а иконописец словно заботится удержать недостаточно чуткого созерцателя иконы от впечатления обратного и от мысли о противном.

Выходит, что иконописец или, точнее, само иконописное предание крупными буквами пишет на каждой иконе мое исходное утверждение: «зрящий да не доискивается изображенного золотом: золото беспредметно».

— Почти так; но «почти так» в таких вопросах равносильно «совсем не так». Задача иконописи — удержать золото в должном расстоянии от красок и проявлением в полной мере его металлического блеска заострить несравнимость золота и краски до окончательной убедительности. Удачная икона достигает этого; в ее золоте нет ни следа мути, вещественности, грязноватости. Это золото есть чистый беспримесный свет, и его никак не поставить в ряд красок, которые воспринимаются как отражающие свет: краски и золото зрительно оцениваются принадлежащими к разным сферам бытия.

Золото не имеет цвета, хотя и имеет тон. Но отвлеченно, оно в каком-то смысле аналогично гравюрному штриху, но полярно сопряжено с ним. Белый штрих в гравюре есть именно белый, он не отвлечен и ставится в ряд других цветов; поэтому в нем нельзя усматривать позитива, соответствующего действительному абстрактному негативу — штриху черному. Позитив последнего есть золотая ассистка — чистый свет, в противоположность простому отсутствию такового — сети гравюрных штрихов. И то и другое абстрактно, т. е. нечувственно, вполне очищено от психологизма и, следовательно, относится к сфере разума. Но, при глубочайшем соответствии двух штриховых сеток — черно-гравюрной и золото-иконной, их разделяет та пропасть, что лежит между «нет» и «да»: золотой штрих есть присутствие реальности, а гравюрный — отсутствие ее.

— Однако какую же реальностью, т. е. не самостоятельную, а и з о б р а з и т е л ь н о ю реальностью, может быть ассистка, коль скоро золото (а это ты признаешь) ничему не соответствует?

— Но я вовсе не говорил, будто золото ничему не

соответствует. Ведь речь шла, как помнишь, о несоизмеримости золота и красок; следовательно, область несоответствующего золоту ограничивается как раз тем, что соответствует краске. А то, что не соответствовало бы краске, ему необходимо, очевидно, искать в себе иного, нежели цвет, средства изобразительности. Если миропонимание натуралистично и все содержание опыта признается однородным, чувственным, то тогда раздвоение средств изобразительности осуждается и отвергается, как вопиющая неправда: если мир есть только мир видимый, то и средство изобразительности должно быть для него единообразным в себе и тоже чувственным. Такова западная живопись, существенно исключаящая из себя, из своего опыта, сверхчувственное и потому не только исключаящая золото как средство изобразительности, но и содрогающаяся от него, потому что золото разрушает единство духовного стили картины. Когда же оно все-таки вводится, то грубо-вещественно, как имитация металла в натуре, и тогда уподобляется наклейкам из обрывков газеты, фотографических карточек или набивке сардиночных коробок на живописных произведениях левых течений недавнего прошлого. В таких случаях золото не может рассматриваться как средство изобразительности и является в составе картины просто вещью в ее натуральности.

— Следовательно, ты полагаешь, золото ассистки, аналогично гравюрному штриху, имеет задачу реконструировать изображаемое помимо его наглядной данности, хочет дать форму бытия изображаемой действительности?

— Мы не страдаем протестантско-кантовской гордыней, которая не желает и от Бога принять полного сока и жизни мира только потому, что он дан, дарован нам, создан для нас, а не нами. И зачем нам рассудочно воспокрывать мир в той его стороне (даже если бы это было возможно), которая по благодати Божией созерцается нашими те-

лесными органами, т. е. воспринимается всею полнотою нашего существа? В этом отношении мы не отрицаем правды красок, католической правды, хотя при духовном трезвлении самые краски одухотворяются, делаются прозрачнее, чище, пронизываются светом и, оставляя земляность, приближаются к самоцветным камням, этим сгусткам планетных лучей.

Но есть не только мир видимый, хотя бы и одухотворенному взору, но и мир невидимый — Божественная благодать, как расплавленный металл, струящийся в обожествленной реальности. Этот мир чувственности недоступен, он постигается умом, конечно, употребляя это последнее слово в его древнем и церковном значении. В этом смысле можно было бы говорить о реконструкции или реконструкции умной реальности. Но есть глубочайшая противоположность между этой реконструкцией и таковой же протестантства. На иконе, как и вообще в церковной культуре, конструируется то, что не дано чувственному опыту и чего, следовательно, хотя бы схему мы нуждаемся наглядно представить себе, тогда как протестантская культура, оставляя даже неупомянутым мир невидимый, обращает в схему данное человеку в прямом опыте; мы по необходимости восполняем познание мира видимого, отчасти присоединяем и знание мира невидимого, тогда как в протестантской культуре человек силится извести из себя самого то, что и без того пред ним есть. И притом эта церковная конструкция осуществляется не без реальности духовной — в конструкции растекается самый свет, т. е. духовная реальность в натуре. Золото, металл, солнце потому-то и не имеют цвета, что почти тождественны с солнечным светом. Вот почему имеет глубокую правду неоднократно слышанное мною от В. М. Васнецова указание, что небо нельзя изображать никакой краской, но только золотом. Чем больше всматриваешься в небо, особенно возле солнца, тем тверже западает в голову мысль, что не

голубизна — самый характерный признак его, а светоносность, напоенность пространства светом и что эта световая глубь может быть передана только золотом; краска же представляется грязной, плоской, непроницаемой. Так вот, из чистейшего света конструирует иконописец, но конструирует не что попало, а только невидимое, умопостигаемое, присутствующее в составе нашего опыта, но не чувственно, и потому на изображении долженствующее быть существенно обособленным от изображений чувственного.

Примечание

Книга протопресвитера Александра Киселева «Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории», признанная ценным вкладом в сокровищницу церковно-просветительной литературы, печатается по изданию ее в США в 1976 году.

Автор книги не скрывает благороднейшей цели своего труда — помочь каждому ее читателю «войти в полноту жизни Церкви... входя и углубляясь в таинственную данность Церкви, которой жили наши предки, эта лучшая часть нашего народа». Соединяет же поколения, создавая прочный союз людей, народ, — совесть. «Совесть в человеке — это голос его предков, и чем выше было богопознание у предков, тем сильнее и яснее в потомках звучат их голоса. Связь поколений образует род и то непостижимое, что живет в народе нашем. Оно не исторгается»... (Киселев А. Путь России. Нью-Йорк, 1990. С. 123).

Иконостас. Печатается по изданию: Свящ. Павел Флоренский. Уводоразделов мысли//Собр. соч. Т. 1. Париж, 1975.

Статья написана в Сергиевом Посаде в 1922 году. Об атмосфере Сергиева Посада, где в 1919 году среди холода и голода скопчался В. В. Розанов, говорят все последние письма Розанова П. Б. Струве, «Друзьям», «Литераторам». В последнем, обращенном и к П. А. Флоренскому, Розанов писал: «Нашим всем литераторам напиши, что больше всего чувствую, что холоден мир становится и что они должны больше и больше как-нибудь предупредить этот холод, что это должно быть главной их заботой. Что ничего нет хуже разделения и злобы» (Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1991. С. 683—684).

Работа П. А. Флоренского — напоминание о тепле, единстве народа русского в своих святынях. Оно органически входит в серию его статей «Моленные иконы Преподобного Сергия», «На Маковце», «Троице-Сергиева Лавра и Россия».

О Г Л А В Л Е Н И Е

Возвращение к «несожженной совести». <i>Виктор Чалмаев</i>	6
Вступительное слово Высокопреосвященнейшего владыки митрополита Филарета, первоиерарха Русской Православной Церкви за границей	17

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Святые иконы и иконопись	20
Чудотворная икона Владимирской Божией Матери	27
Чудотворная икона Смоленской Божией Матери	35
Новгородская чудотворная икона Знамени Божией Матери	38
Чудотворная Феодоровская-Костромская икона Богоматери	41
Чудотворная Курская-Коренная икона Божией Матери (Знамени)	44
Чудотворная икона Тихвинской Божией Матери	48
Чудотворная икона Донской Божией Матери	50
Чудотворная икона Казанской Божией Матери	53

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Радуйся, Владычице, Милостивая о нас пред Богом Заступнице	62
Внешний вид, нравственная высота и слава Пресвятой Богородицы	70
Покров Пресвятой Богородицы	87
Икона Божией Матери «Достойно есть»	92
Иверская икона Божией Матери	96
Коломенская икона Божией Матери, именуемая Державной	100
Леснянская икона Божией Матери	103
Святая Владимирская икона Божией Матери в Харбине	105
Икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость». (История Харбинского Обновленного Образа)	110
Владимирская икона Божией Матери, бывшая в Оптиной пустыни	113
Икона Божией Матери. «Одигитрия», — «Неопалимая Купина», — «Исцелительница», — «Скоромощница»	117

Икона Божией Матери «Нечаянная Радость»	123
Чудотворная икона Божией Матери «Елеонская Скоропослушница»	125
Икона Божией Матери Страстная	127
Ахтырская икона Божией Матери	130
Богоматерь	135
Заключительное слово	138

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>П. Флоренский</i> . Иконостас	142
Примечание	221

Александр Киселев

**ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ
В РУССКОЙ ИСТОРИИ**

Редактор **И. В. Дубровина**
Художественный редактор **Л. Е. Бзарученков**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректоры **А. З. Лазуткина, Л. В. Конкина,**
С. В. Мироновская, Л. М. Логунова

ИБ № 6470

Сдано в набор 10.03.92. Подп. в печать 12.05.92. Формат 70×108¹/₃₂.
Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Бумага офсетная
№ 2. Усл. п. л. 9,80. Усл. кр.-отт. 9,98. Уч.-изд. л. 9,61. Тираж
30 000 экз. Заказ № 89. С50. Изд. инд. ЛХ-463.

Издательство «Русская книга» Министерства печати и инфор-
мации России. 123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации России
144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосяна, 25.

РУССКАЯ КНИГА